

RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

ISSN 0131-6141 (Print)
ISSN 2619-0966 (Online)

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2023. Т. 84. № 3

Писательская компетенция школьников

(из архива журнала)

Писательская компетенция – это совокупность знаний, умений, опыта, интуиции и способностей в той области речемыслительной деятельности, которая имеет отношение к написанию сочинений...

В защиту выделения писательской компетенции приведем... шесть оснований.

1. Обучение учащихся умению свободно излагать на письме свои мысли и чувства относится то к коммуникативной компетенции, то к интегральной лингвориторической, то к текстовой, что не может не запутать педагогов-практиков.

2. В понимании коммуникативной компетенции нет единства, и границы ее определены нечетко. Сюда относят формирование орфографических и пунктуационных умений и навыков, овладение нормами русского литературного языка, обогащение словарного запаса и грамматического строя речи, совокупность речеведческих знаний и речевых умений и навыков.

3. Интегральная лингвориторическая компетенция по структуре не менее сложна, чем коммуникативная, ибо включает в себя субкомпетенции – языковую, речевую, лингвистическую, текстовую, коммуникативную...

4. Текстовая компетенция направлена не только на порождение, но и на восприятие и анализ текстов. При всем их сходстве и взаимосвязи это разные явления.

5. Определение «писательская» удачнее, поскольку его не нужно переводить на русский язык, в отличие от «коммуникативная» или «интегральная лингвориторическая».

6. И последнее (самое важное) основание для выделения писательской компетенции: учителя на практике уже признали эту компетенцию, используя в работе уроки, которые называют «Сегодня я писатель»... <...>

...Опираясь на опыт писателей, мы выделяем такое писательское умение, как умение учиться у других авторов. Особо подчеркнем, что простого чтения образцовых текстов недостаточно, нужно, по К. Федину, «исследовать» их, «сравнивать». <...>

Выделим также писательское умение обучаться на собственном опыте создания текстов. В лингводидактике оно известно как умение совершенствовать, редактировать написанное. Мы его переформулировали и тем самым приблизили к опыту писателей.

...Процесс написания протекает за письменным столом, когда автор остается один на один с чистым листом бумаги, своими мыслями, черновиком рукописи, когда пишет, исправляет, переделывает, добиваясь совершенства, исходя из собственных о нем представлений. До завершения произведения писателю никто не помогает, он стремится взглянуть на свои творения «чужими» глазами, как бы со стороны, чтобы увидеть недостатки и самостоятельно их устранить, для чего откладывает прочтение рукописи на некоторое время. Если в практике преподавания русского языка использовать опыт писателей, то, прежде чем сочинение попадет в руки учителя-редактора, ученик должен сам (без помощи учителя!) приложить максимум усилий для улучшения собственного текста. Чтобы поставить школьников в подобные условия, многие учителя и методисты рекомендуют очередной вариант сочинения отложить для следующей правки на несколько часов или несколько дней. Это время нужно юному автору, как и профессиональному писателю, чтобы забыть свой текст и посмотреть на него «чужими» глазами, найти недостатки и ошибки в содержании, речевом оформлении, правописании, всесторонне улучшить рукопись...

(Булохов В. Я. Писательская компетенция школьников // Русский язык в школе. 2014. № 5. С. 18–22)

(К статье Г. С. Спиридоновой, Ю. Р. Руденко)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 84

3

2023

Главный редактор

Наталия Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Переводчик

Анна Николаевна Овешкова, канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Редактор перевода

Наталья Геннадьевна Попова, канд. социол. наук, зав. кафедрой иностранных языков, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Редакционный совет

Харри Вальтер, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Сергей Саядович Оганесян, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Иоанна Ожеховска, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын, Польша

Ильдико Палоши, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошович, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ян Кэ, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев (иеродьякон Нафанаил), Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия, г. Новосиль, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Наталья Львовна Мишатина, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Светлана Васильевна Науменко, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, Московский государственный областной педагогический университет, г. Мытищи, Россия

Наталья Викторовна Патронева, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Анна Романик, адъюнкт, Университет в Белостоке, г. Белосток, Польша

Марина Робертовна Шумарина, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования, индексируется в 24 российских и международных базах данных, в том числе RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Учредитель и издатель: ООО «Наш язык».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС7780108 от 31 декабря 2020 г.

ISSN 2619–0966 (Online)

Корректор – Т. Ю. Смирнова. Компьютерная верстка – К. В. Морозов.

Тираж 300 экз. Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 8. Бумага офсетная. Заказ

Дата выхода номера в свет 16.05.2023. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя: Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: +7 (495) 671-09-85; сайт: <https://www.riash.ru/>; email: admin@riash.ru

Отпечатано в типографии АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия.

Оформить подписку на журнал можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс ПЗ896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информсистема», ООО «ИВИС».

Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: <https://www.riash.ru>

© ООО «Наш язык», 2023

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 84

3

2023

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Responsible Secretary

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company "Our Language", Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Company "Our Language", Moscow, Russia

Translator

Anna N. Oveshkova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Translation Editor

Natalia G. Popova, Cand. of Sci. (Sociol.), Head of Foreign Languages Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Joanna Ozhehowska, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Warmian-Masurian University of Olsztyn, Olsztyn, Poland

Ildikó Pálóshi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshovich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Yang Ke, Professor, Director, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, Guangdong Province, China

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev (Hierodeacon Nathanael), Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Svyato-Dukhov Monastery, Lvenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis, Novosil, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Natalia L. Mishatina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Region Pedagogical University, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna Romanik, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Bialystok, Bialystok, Poland

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences); 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological sciences); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (Philological sciences) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 24 Russian and international databases, including RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Founder and publisher: Limited Liability Company "Our Language". ("Nash Yazyk" LLC)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, registration number P. No. FS 77-80108 of 31.12.2020 ISSN 2619–0966 (Online)

Corrector – T. Yu. Smirnova. Computer layout – K. V. Morozov.

Edition 300 ex. Format 70x100¹/₁₆ Printed sheet 8. Offset paper. Order Release date of the issue 16.05.2023. Free price.

The address of the editorial office and publisher: 17 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: +7 (495) 671-09-85; website: <https://www.riash.ru/>; email: admin@riash.ru
Printed in the printing house of JSC "First Model Printing House", branch of "Chekhov Printing House", 1 Polygraphistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia.

A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at: <https://www.riash.ru/>

© LLC "Our Language", 2023

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Левушкина О. Н.</i> Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока русского языка	7
---	---

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

<i>Черникова Н. В., Расторгуева А. А.</i> Разработка лингвокультурологического проекта как эффективная технология организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся	17
---	----

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Спиридонова Г. С., Юденко Ю. Р.</i> Виктор Яковлевич Булохов — человек и ученый (к 90-летию со дня рождения)	30
---	----

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Вороничев О. Е., Вороничева А. О.</i> Символика белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем»: лингвокультурологический аспект	38
<i>Якушевич И. В.</i> Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	45

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.</i> Учебный паремиологический словарь нового типа как лингвокультурологический источник	58
<i>Фролова Е. А.</i> Типология речевых аномалий в языке современной рекламы	68
<i>Буцева Т. Н., Зеленин А. В.</i> Смюзимания: адаптация новых заимствований в современном русском языке	77

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

<i>Ильченко О. С.</i> Сердце не ёкает, или <i>Русинглиш</i> в современной России	91
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Романов Д. А.</i> Рецензия на монографию: Харченко В. К. Богатство цвета в русском языке. М.: ИНФРА-М, 2023. 233 с.	99
---	----

ХРОНИКА

Ученый. Учитель. Человек (к 100-летию со дня рождения О. Б. Сиротининой)	102
Андрей Георгиевич Нарушевич (1971–2023)	104

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Levushkina O. N.</i> Linguoculturological analysis as the backbone of a value-based Russian language lesson	7
--	---

METHODOLOGICAL MAIL

<i>Chernikova N. V., Rastorguyeva A. A.</i> Designing a linguoculturological project: an effective method for organising educational and research activity of students	17
--	----

METHODOLOGICAL HERITAGE

<i>Spiridonova G. S., Yudenko Yu. R.</i> Viktor Yakovlevich Bulokhov: a person and a scientist (to the 90th anniversary of the birth)	30
---	----

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Voronichev O. E., Voronicheva A. O.</i> White colour symbolism in the poem "A Cemetery near Paris" by R. Rozhdestvensky: a linguoculturological aspect	38
<i>Yakushevich I. V.</i> The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov	45

LINGUISTIC NOTES

<i>Nikitina T. G., Rogaleva E. I.</i> An innovative learner's paremiological dictionary: a linguoculturological source	58
<i>Frolova E. A.</i> Typology of speech anomalies in the present-day advertising language	68
<i>Butseva T. N., Zelenin A. V.</i> Smoothimania: adapting borrowings in modern Russian	77

LANGUAGE AND CULTURE

<i>Ilchenko O. S.</i> <i>The heart does not sink</i> or <i>Runglish</i> in modern Russia	91
--	----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Romanov D. A.</i> Review of the monograph: Kharchenko V. K. Richness of colour in the Russian language. Moscow: INFRA-M, 2023. 233 p.	99
---	----

CHRONICLE

Scientist. Teacher. Person (to mark the centenary of O. B. Sirotinina's birth)	102
Andrey Georgievich Narushevich (1971–2023)	104

МЕТОДИКА И ОПЫТ METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-7-16>

Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока русского языка

Ольга Николаевна Левушкина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, levushkinaon@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8830-0969>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью реализации духовно-нравственного воспитания в процессе обучения русскому языку. Цель статьи – обосновать значимость ценностно ориентированного урока как наиболее востребованного типа урока русского языка в современной образовательной парадигме, показать связь его методологии с лингвокультурологией и возможности для формирования системы духовно-нравственных ценностей обучающихся. Поставленная цель обусловила использование таких методов исследования, как анализ лингвистических, лингвокультурологических и методических концепций; обобщение полученных результатов; моделирование методической системы, использующей лингвокультурологический потенциал слова и текста для духовно-нравственного развития школьников в процессе обучения русскому языку. Автор показывает, что в современной методической науке разрабатываются два наиболее перспективных лингвокультурологических направления: методическая лингвоконцептология и методическая лингвокультурология текста. В русле методической лингвоконцептологии, предметной доминантой которой является исследование слова как концепта культуры, разработаны такие методические инструменты, как лингвокультурологический портрет слова, лингвокультурологические задачи, лингвоконцептоцентрическое эссе; описаны уроки определенного типа – уроки-концепты (интегрированные уроки портретирования трансдисциплинарного концепта). В русле методической лингвокультурологии текста автор систематизирует информацию о лингвокультурологической характеристике текста, позволяющей исследовать текст как целостную единицу языка, речи и культуры, показывает универсальность данного методического инструмента. Методика лингвокультурологической характеристики текста лежит в основе инновационного типа урока – «Лаборатория текста», или лабораторной работы с текстом. В качестве результатов исследования представлена дефиниция ценностно ориентированного урока русского языка, сформулированы его ключевые особенности. Убедительно показана определяющая роль лингвокультурологического анализа слова и текста в ценностно ориентированном уроке русского языка. Предложена типология ценностно ориентированных уроков русского языка в зависимости от предмета лингвокультурологического анализа: логоцентричные, текстоцентричные и комбинированные. Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока дает возможность соединить сложнейшие процессы обучения языку и постижения культуры, формирования мировоззрения и системы ценностей обучающихся.

Ключевые слова: обучение русскому языку, духовно-нравственное воспитание, система ценностей, картина мира, ценностно ориентированный урок русского языка, лингвокультурологический анализ, методическая лингвоконцептология, методическая лингвокультурология текста, урок-концепт, урок «Лаборатория текста», методический лингвокультурологический инструментарий

Для цитирования: Левушкина О. Н. Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока русского языка // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 7–16. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-7-16>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Linguoculturological analysis as the backbone of a value-based Russian language lesson

Olga N. Levushkina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, levushkinaon@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8830-0969>

Abstract. The relevance of the article is due to the need to provide spiritual and moral education while teaching the Russian language. The study aims to prove that a value-based lesson is the most popular type of a Russian language lesson in the modern educational paradigm. Another purpose of the paper is to show the connection between its methodology with linguoculturology as well as the opportunities for forming a system of spiritual and moral values in students. These goals are the rationale for employing such research methods as an analysis of linguistic, linguoculturological and methodological concepts in conjunction with generalisation of the obtained results. Additionally, the study relies on modelling a methodological system. Such a system exploits the linguoculturological potential of the word and the text for developing schoolchildren spiritually and morally in the process of teaching Russian. The paper outlines the most promising linguoculturological areas which are being developed in modern methodological science. These are methodological linguoconceptology and methodological text linguoculturology. Within the framework of the former, the dominant approach is studying the word as a concept of culture. Methodological linguoconceptology has developed such methodological tools as a linguoculturological portrait of the word, linguoculturological problems, and linguoconceptocentric essays. In addition, lessons-concepts (i. e. integrated lessons of transdisciplinary concept portrayal) have been described. Within the methodological text linguoculturology framework, I systematise information about the linguoculturological characteristics of the text. As a result, exploring the text as a coherent unit of language, speech, and culture is enabled. The research also demonstrates the versatility of this methodological tool. The methodology of linguoculturological text characterisation underlies the innovative lesson type, i. e. the text laboratory or laboratory-based work with texts. The main results of the study are the proposed definition of a value-based Russian language lesson and the description of its key features. The paper convincingly demonstrates the decisive role of linguoculturological word and text analysis in a value-based Russian language lesson. I propose a typology of value-based Russian language lessons depending on the subject matter of linguoculturological analysis. Three types have been identified: logocentric, text-centric, and combined. Linguoculturological analysis as the backbone of a value-based lesson enables teachers to combine most complex processes of language learning and culture acquisition as well as forming a world view and developing a system of values in students.

Keywords: Russian language teaching, spiritual and moral education, value system, world picture, value-based Russian language lesson, linguoculturological analysis, methodological linguoconceptology, methodological text linguoculturology, concept lesson, text laboratory lesson, methodological linguoculturological tools

For citation: *Levushkina O. N. Linguoculturological analysis as the backbone of a value-based Russian language lesson. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):7–16. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-7-16>.*

Введение. Традиционные духовно-нравственные ценности, являющиеся основой российской национальной картины мира, сегодня поддержаны на уровне государственной политики и отражены в документах, определяющих развитие современного образования: Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования¹, Стратегии развития

воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года² и Плана мероприятий по ее реализации в 2021–2025 гг.³ Формирование системы духовно-нравственных ценностей в процессе школьного обучения

¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (зарегистрирован 05.07.2021 № 64101) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 03.03.2023).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.11.2020 № 2945-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130027> (дата обращения: 03.03.2023).

в настоящее время осмысливается как государственная задача, как реализация стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁴.

Система духовно-нравственных ценностей обучающихся является основой картины мира, мировоззрения личности. Язык — тот инструмент, «своеобразная матрица, мегапрограмма» [Маслова 2022: 54], которая формирует сознание и картину мира его носителя. Основатель московской методической научной школы аксиологической лингводидактики А. Д. Дейкина подчеркивает: «Русский язык представляет собой несомненную ценность в мировой картине языков и тем более для его носителей, на нем создана великая русская литература, им определяется мир ценностей» [Дейкина 2019: 113].

Следовательно, обучение языку в контексте культуры, ориентированное на постижение духовно-нравственных ценностей, становится в центре единого образовательного процесса, и это делает формирование языковой личности главной целью филологического образования. Аксиологическая образовательная парадигма обусловила появление и развитие нового типа урока русского языка — ценностно ориентированного.

Ценностно ориентированный урок русского языка направлен на становление языковой картины мира, в которой важную роль играет осмысление русского языка в ряду базовых национально-культурных ценностей, поэтому среди основных характеристик такого урока важнейшей является «наличие аксиологической цели как ориентира для формирования системы ценностей школьника» [Дейкина, Левушкина, Шитова 2022: 908]. Аксиологическая цель конкретного урока — осмысление определенной проблемы, имеющей важное значение в духовно-нравственном развитии ребенка. Обучающиеся не только усваивают языковой материал, но и размышляют об идеалах и традициях, учатся формулировать собственное суждение о них. Достижению аксиологической цели на

конкретном уроке русского языка способствует определение «ценностной доминанты» изучаемого языкового материала. Если цель урока достигнута, то это позволяет актуализировать воспитательный потенциал курса русского языка, системно и последовательно развивать мировоззрение обучающихся.

Следовательно, ценностно ориентированный урок, с одной стороны, наполняется определенным содержанием, связанным с обучением школьников постижению и распределению глубинных культурных смыслов, закодированных посредством употребления культуроемких языковых единиц. С другой стороны, подобный урок направлен на формирование всех уровней языковой личности обучающегося (вербально-семантического, концептуального и мотивационно-прагматического [Караулов 2004]), развитие всех видов речевой деятельности (говорение, чтение, письмо, слушание), коммуникативной компетенции.

Ценностно ориентированные уроки русского языка учат анализировать языковые единицы, выявляя культурные смыслы (что предполагает владение всеми мыслительными операциями), формулировать эти смыслы в собственных суждениях (что предполагает умение создавать умозаключение в устной и письменной форме). Следовательно, подобные уроки мотивируют мыслительную деятельность, их можно назвать мыследеятельностными, когнитивно-деятельностными. Однако эти уроки не могут быть чисто рациональными, они глубоко затрагивают эмоциональную сферу учащихся благодаря глубокому анализу содержания языкового материала. Анализ способов выражения этого содержания в языке позволяет осмыслить исследуемые тексты как эстетический идеал, что также способствует личностному развитию обучающихся.

Ценностно ориентированные уроки русского языка, как правило, строятся как уроки-открытия, уроки-эврики. Открытием для школьников становятся глубинные культурные смыслы, заключенные в исследуемых языковых единицах. Именно эта исследовательская составляющая обеспечивает выход через обнаруженные культурные смыслы на духовно-нравственную

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.03.2023).

проблематику, важную для формирования личности школьника из урока в урок. Развитию способности школьников осмысливать духовно-нравственные ценности, заложенные в языке, способствует также и выполнение проектных и проектно-исследовательских работ во внеурочной учебной деятельности. Нравственную рефлексию школьника, проведенную им на уроке, фиксирует в сознании, в пространстве и времени созданный им собственный текст. Таким образом реализуется креативная составляющая учебного процесса.

Складывающаяся лингвометодическая теория ценностно ориентированного урока нуждается в осмыслении методического инструментария, который обеспечивает его состоятельность в формировании духовно-нравственных ценностей и возможность достижения всего комплекса результатов обучения (личностных, метапредметных и предметных).

Базовую роль в лингвометодике ценностно ориентированного урока играет лингвокультурологический анализ.

Рассмотрим кратко понятия «лингвокультурология» и «лингвокультурологический анализ».

Понятие «лингвокультурология» вошло в современную российскую науку в конце XX в. с исследованиями В. Н. Телия и учеников фразеологической школы, с работами Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. М. Шаклеина и др. Лингвокультурология стала достоянием, продуктом «собственно антропоцентрической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия 1996: 122].

Ю. С. Степанов, включая лингвокультурологию в «галерею образов языка», называет предметом ее изучения «язык как продукт и орудие культуры» (Цит. по: [Маслова 2023: 8]). Многообразие современных определений понятия «лингвокультурология» отличает единство взглядов ученых на синтетический характер данной отрасли лингвистики, которая имеет предметом исследования одновременно и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии. Исследователи, осмысляя роль языка и культуры в формировании национальной картины мира, языкового сознания этноса,

подчеркивают, что именно язык и культура в тесном взаимодействии определяют «средостение личности» — «место сопряжения ее физического, духовного и социального Я» [Воркачев 2001: 70].

Наиболее общепринятым в современной науке стало определение понятия «лингвокультурология», данное В. В. Воробьевым, в котором делается акцент на том, что именно эта отрасль лингвистики «изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности...» [Воробьев 1999: 125]. Ученый отмечает, что именно лингвокультурология «более четко, чем другие фундаментальные науки, изучающие язык и культуру в их взаимодействии», направлена на изучение «человека как языковой личности, языка как воплощения культурных ценностей, культуры как наивысшего уровня языка и др.» [Воробьев 2008: 182].

Исследователи называют наиболее культуроносные языковые сущности, которые в процессе лингвокультурного развития в истории общества и языка насытились культурными смыслами, приобрели «символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре» [Маслова 2023: 13]. Это фразеологический и паремиологический фонды языка; мифологизированные языковые единицы; эталоны, стереотипы, символы; речевое поведение в целом и область речевого этикета в частности; концепты культуры; коды культуры; ценности культуры и др. [Там же].

Лингвокультурология обусловила формирование инновационных взглядов на слово и текст. На слово, через которое, по Д. С. Лихачеву, оформляются знание и творчество и через преодоление косности которого рождается культура. На текст, который, по Ю. М. Лотману, «плоть и кровь культуры», который является «не только конденсатором культурной памяти, но и генератором новых смыслов», обеспечивая динамику культуры [Лотман 2004: 162]. Именно тексты аккумулируют в себе культуру: по Н. Л. Мурзину, «культура вообще существует в форме текстов», являющихся «знаковыми произведениями духовной деятельности человека» [Мурзин 1994: 161], «именно тексты приобщают личность

к духовным богатствам, выработанным человечеством» [Там же: 166]. Духосозидающая роль работы с культурными смыслами текстов отмечается многими исследователями. Например, В. В. Колесов пишет: «Раскрыть текст — значит понять культуру и одновременно понять самого себя» [Колесов 2002: 376].

Методы исследования в лингвокультурологии возникли на основе синтеза лингвистических, культурологических и социологических аналитических методик. Лингвокультурология к настоящему времени располагает достаточно богатой палитрой методов исследования. В. А. Маслова, описывая их, указывает на семишаговую модель В. Н. Телия, лингвокультурологический комментарий, различные виды анализа текста. Базовым методом исследования в лингвокультурологии ученые называют лингвокультурологический анализ. Лингвокультурологическому анализу подвергаются «языковые единицы, содержащие культурную информацию», его целью является «установление того, как “работают” механизмы, включающие культуру в значение языкового знака» [Маслова 2023: 5].

Лингвокультурологический анализ слова сегодня реализован в новом научном направлении — лингвоконцептологии, которое исследует слово как концепт, как единицу культуры. В то же время В. М. Шаклеин предлагает выделять лингвокультурологию текста и отмечает, что лингвокультурологическому анализу могут быть подвергнуты все составляющие текста: его структура, содержание, прагматика, лингвистические особенности [Шаклеин 2012: 78–79]. В трактовке В. А. Масловой лингвокультурологический анализ текста — это «один из ведущих способов познания культуры», это «поиски и объяснение того, как культура внедряется в текст и меняет его смыслы» [Маслова 2023: 12]. Следовательно, такие отрасли современной лингвистики, как лингвоконцептология и лингвокультурология текста, сконцентрированы на определенных объектах — наиболее культуроемких языковых единицах — слове и тексте.

Результаты. Основные существующие в настоящее время лингвокультурологические методики преподавания русского языка как родного в школе предполагают опору на названные выше отрасли современной

лингвокультурологии — лингвоконцептологию и лингвокультурологию текста — и реализуют лингвокультурологический анализ наиболее культуроемких единиц языка — слова и текста как «лингвокультурных единиц» [Левушкина, Калачева 2022: 171]. Первое методическое направление основано на работе со словом как концептом (Т. К. Донская, Н. Л. Мишатиная, Л. И. Новикова, Т. Ф. Новикова, И. А. Шерстобитова, М. И. Шутан и др.). Второе направление реализует лингвокультурологический анализ текста как целостной единицы языка, речи и культуры (А. Д. Дейкина, О. Н. Левушкина, Е. В. Любичева и др.).

Охарактеризуем данные методические направления.

В работе с концептами сложилось несколько эффективных методических приемов, используемых в обучении русскому языку. Создание лингвокультурологического портрета слова (термин введен в науку Н. Л. Мишатиной) — наиболее разработанный прием в современной методической науке. Л. И. Новиковой описана методика комплексной (многоаспектной) работы со словом, позволяющей раскодировать культурные смыслы «мира слова»⁵. Т. Ф. Новиковой внедрена в практику преподавания система «Уроков одного слова», посвященных постижению смысловых, ценностных пластов слова⁶. В концепции Н. Л. Мишатиной составление лингвокультурологического портрета слова (имени концепта) подразумевает «моделирование личностного концепта как варианта индивидуального знания — системы личностных смыслов, координирующих с системными значениями слова — имени концепта» [Мишатиная 2018: 157].

К настоящему времени сформировалась научная методическая школа Н. Л. Мишатиной, где понятие «методическая лингвоконцептология» определяется как «теория и практика обучения оптимальным средствам введения в культуру (систему концептов)

⁵ Новикова Л. И. Культуроведческий аспект обучения русскому языку в 5–9-х классах как средство постижения учащимися национальной культуры: автореферат дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М.: МПГУ, 2005. 43 с.

⁶ Новикова Т. Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 10–15.

сквозь призму языка современного ученика — как формирующую языковую личность, субъекта индивидуальной картины мира» [Мишатина 2018: 155]. Методика обеспечена комплексом приемов, среди которых, кроме лингвокультурологического портрета слова, такие приемы, как решение лингвокультурологических задач и написание лингвоконцептоцентрического эссе. Под лингвокультурологической задачей Н. Л. Мишатина понимает определенный тип учебных задач, отличающихся полифункциональностью, направленностью на «углубление или расширение концептосферы ученика как культурно-языковой/речевой личности» [Мишатина 2018: 160–161]. Работа над лингвокультурологическими задачами имеет и учебный, и личностный, ценностный, смысл. По мысли ученого, это «задачи на совесть» (способствуют осмыслению духовно-нравственных ценностей), на осознание смысловых ориентиров [Там же: 161]. Работа над концептом на уроке русского языка завершается осмыслением его потенциала и созданием собственного текста в виде концептоцентрического эссе, «содержание которого предопределено личным мифом автора (автор строит концепт, а концепт строит его мировоззрение)» [Там же: 160]. В русле методической лингвоконцептологии декларирован и реализован инновационный тип ценностно ориентированного урока — урок-концепт. Н. Л. Мишатина называет урок данного типа «уроком смыслотворчества», подчеркивает его метапредметную направленность, описывая его как «интегрированный урок портретирования трансдисциплинарного концепта», отмечает его когнитивную направленность на формирование «умения собирать знание в широкий или иногда даже глобальный контекст исследуемой проблемы» [Мишатина 2022: 44], развитие сложного (трансдисциплинарного) мышления и когнитивной гибкости. Отметим, что методическая лингвоконцептология разработана и как проектная методика, выходящая за рамки урочной деятельности и выполняющая мощную воспитательную функцию (см., напр.: [Диалог с концептами 2010]).

В современной методике преподавания русского языка, ориентированной на духовно-нравственное развитие обучающихся, развернуто реализовано и второе

направление — методическая лингвокультурология текста. Подчеркнем, что использование воспитывающего потенциала образцовых текстов на уроках русского языка — традиция российской методики (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, К. Д. Ушинский, Л. И. Поливанов, М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, А. П. Еремеева, Е. И. Никитина, Н. А. Пленкин, В. И. Капинос, Л. И. Величко, А. Ю. Купалова, Н. А. Ипполитова, А. Д. Дейкина, Т. М. Пахнова, Л. А. Ходякова, В. Н. Мещеряков и др.), отражающей литературоцентричность национального самосознания. Отметим, что, например, в 1993 г. в проекте Федерального базового компонента образования по русскому языку в основной общеобразовательной школе, разработанном под руководством Н. М. Шанского, сделан важнейший акцент: художественные тексты на уроках русского языка должны быть не просто дидактическим материалом для различных упражнений, а прежде всего средством духовного и эстетического воспитания школьников⁷.

Ценностные ориентиры методики работы с текстом системно изложены в работах лидера научной школы аксиологической лингвометодики А. Д. Дейкиной. Обосновав в докторском докладе необходимость формирования ценностного взгляда на родной язык, воспитание национального достоинства учащихся средствами русского языка как учебного предмета, ученый основным средством достижения обозначенных целей считает работу с текстом, которая должна быть направлена на решение задач духовно-нравственного воспитания ученика как личности, на усвоение учащимися доминирующих культурных ценностей, отраженных в языке и постигаемых с помощью языка⁸.

В методической лингвокультурологии текста сегодня наиболее полно разработана методика лингвокультурологической

⁷ Федеральный базовый компонент образования по русскому языку в основной общеобразовательной школе (Проект) // Русский язык в школе. 1993. № 4. С. 7.

⁸ Дейкина А. Д. Формирование у школьников взгляда на родной язык как национальный феномен при обучении русскому языку в средней школе: дис. в виде науч. доклада. М., 1994. 44 с.

характеристики текста на уроках русского языка, направленная на формирование умений понимать, интерпретировать и оценивать текст как целостную единицу языка, речи и культуры. Лингвокультурологическая характеристика текста представлена как универсальный методический инструмент, для учителя являющийся обучающим методом, для школьников — видом учебной деятельности, а также видом школьного сочинения, которое создается по итогам проведенной работы с текстом [Левушкина 2013, 2021]. Как обучающий метод лингвокультурологическая характеристика текста позволяет формировать у школьников умения многоаспектного анализа текста, прежде всего — лингвистического, умения понимать и интерпретировать текст на основе проведенного анализа, оценивать выявленные в ходе анализа смыслы и формулировать на их основе собственные суждения.

Лингвокультурологическая характеристика текста, будучи деятельностью методикой, реализуется с помощью соответствующей технологии, представляющей собой последовательность определенных видов учебной деятельности, реализуемых на уроке на основе работы с текстом (прогнозирующей, рецептивной, аналитико-синтетической, интерпретационной, рефлексивной, творческой). Основой лингвокультурологической характеристики текста является комплекс применяемых на уроке видов анализа текста, преимущественными среди которых являются лингвистический (применяемый в той мере и в том объеме, которые соответствуют изученному материалу) и культурологический (анализ ключевого образа-символа текста, культурных смыслов, выраженных с помощью образительно-выразительных средств языка и др.). В ходе анализа текста и синтеза выявленных смыслов учитель выводит учащихся на понимание не только поверхностных, но и глубинных смыслов текста, помогает осознать ключевые для общества духовно-нравственные проблемы. Поэтому важнейшими итоговыми этапами урока являются рефлексия и творческая работа. Оценочная деятельность позволяет школьникам понять собственное отношение к выявленным смыслам текста, к позиции автора, к обсуждаемой проблеме. Творческая работа в виде

лингвокультурологической характеристики текста, как правило, создается учащимися дома, по итогам работы на уроке. В таком сочинении должно быть отражено понимание учащимися поверхностных и глубинных смыслов текста, авторской позиции, в сочинении должно быть сформулировано собственное суждение в отношении духовно-нравственных ценностей.

Методическая лингвокультурология текста сегодня располагает инновационным типом урока — «Лаборатория текста», который хорошо разработан и системно реализован в новом учебнике русского языка для V–IX классов в соответствующей рубрике⁹. В основу данных уроков положена методика лингвокультурологической характеристики текста.

«Лаборатория текста» — это уроки лабораторной работы с текстом, направленные на умение погружаться в конкретный текст и системно проводить его анализ и интерпретацию на основе полученных на уроках русского языка знаний и умений. В данном учебнике «Лаборатория текста» — это сквозная рубрика, определенный тип урока, который встроен в итоговый блок работы по каждому изученному разделу. Такой урок помогает систематизировать, прагматизировать полученные знания об изученной языковой единице, о части речи, языковой категории и др., позволяет понять, как она может работать в конкретном тексте, как и благодаря каким особенностям происходят наращения смыслов, как и для чего автор ее использует.

Рубрика «Лаборатория текста» содержит задания и языковедческой, и речеведческой направленности. Лабораторная работа с текстом носит, с одной стороны, системно-деятельностный характер (опора на алгоритмы деятельности, самостоятельное составление алгоритмов, самостоятельное моделирование школьниками учебной деятельности в зависимости от типа и стиля текста, его языковых особенностей и др.),

⁹ Русский язык. 5 класс: учебник: в 2 ч. / А. Д. Дейкина, Т. П. Малявина, О. Н. Левушкина [и др.]. М.: Просвещение, 2021; Русский язык. 5–9 классы. Методические рекомендации / А. Д. Дейкина и др. М.: Просвещение, 2021. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.prosv.ru/attachment/8100e565bca2e8a3b085e9b998a78a4e2c79ea8c.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

с другой — творческий характер (интерпретация текста, несомненно, по своей сути креативна; рефлексия и творческая работа проводятся в завершение урока; сам урок становится уроком-открытием).

Завершая методологический обзор лингвокультурологических методик, отметим, что каждая из них чрезвычайно важна для моделирования ценностно ориентированных уроков русского языка. В зависимости от того, что станет предметной доминантой лингвокультурологического анализа, урок будет логоцентричным (построенным на работе со словом как концептом), текстоцентричным (ориентированным на осмысление текста как целостной единицы языка, речи и культуры) или комбинированным (и слово, и текст подвергаются на таком уроке лингвокультурологическому анализу).

Заключение. Необходимость обучения школьников постижению русской культуры, базовых национальных и общечеловеческих ценностей обусловила осмысление богатейшего аксиологического потенциала филологических дисциплин, активизация ценностно ориентированной методологии в процессе обучения русскому языку. Ценностная ориентация становится неотъемлемым качеством современного урока русского языка. Особенности, отличающими ценностно ориентированный урок русского языка, являются:

- наличие в уроке аксиологической цели;
- реализация ценностной доминанты изучаемого языкового материала;
- направленность содержания урока и логики учебной деятельности школьников на постижение культурных смыслов, зафиксированных в культуросемных языковых единицах;
- наличие в структуре урока системы работы, способствующей формированию языковой личности школьника;
- когнитивно-деятельностная направленность учебной деятельности на уроке;
- развитие эмоционально-эстетического восприятия фактов языка;
- реализация исследовательской и креативной составляющих учебного процесса.

Важную роль в моделировании ценностно ориентированных уроков русского языка играет лингвокультурологический анализ, методика использования которого

в обучении русскому языку сегодня реализуется в двух методических направлениях: методической лингвоконцептологии и методической лингвокультурологии текста. В зависимости от того, какова предметная доминанта конкретного урока, какая культивируемая единица языка подвергается лингвокультурологическому анализу (слово как концепт или текст как целостная единица языка, речи и культуры), ценностно ориентированный урок может относиться к одному из трех типов: логоцентричному, текстоцентричному или комбинированному.

Логоцентричные ценностно ориентированные уроки направлены на выявление духовно-нравственных, ценностных смыслов в процессе лингвокультурологического исследования слова как концепта. Базовыми методическими инструментами на логоцентричных уроках являются лингвокультурологическое портретирование слова, решение лингвокультурологических задач, написание концептоцентрического эссе.

Текстоцентричные ценностно ориентированные уроки направлены на выявление духовно-нравственных, ценностных смыслов в процессе лингвокультурологического анализа текста как целостной единицы языка, речи и культуры. Базовый методический инструмент — лингвокультурологическая характеристика текста. Данный инструмент универсален по своей природе, так как используется учителем как обучающий метод, в завершение работы создается сочинение в виде лингвокультурологической характеристики текста. Типом текстоцентричного ценностно ориентированного урока может быть «Лаборатория текста».

Комбинированные уроки могут совмещать и инструментарий, и особенности и логоцентричного, и текстоцентричного уроков.

Подведем итоги проведенного исследования. Идея формирования системы ценностей обучающихся сегодня полноценно обеспечена представленным в данной статье методическим лингвокультурологическим инструментарием. Опора на лингвокультурологический анализ слова и текста на ценностно ориентированном уроке позволяет работать со школьниками, обучая их русскому языку и помогая постигать

культурные смыслы, заложенные в языке и посредством языка, и формировать их мировоззрение. Подготовка и системное проведение ценностно ориентированных уроков русского языка способствует последовательному погружению школьников в культуру, постижению ими базовых ценностей, отраженных как в ключевых концептах, так и в текстах русской культуры, формированию их языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. Братислава, 1999. С. 125–126.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН. 2008. 336 с.
4. Дейкина А. Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка: монография. М.: МПГУ, 2019. 210 с.
5. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н., Шитова Е. Е. Аксиологический урок русского языка: базовые характеристики // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 7. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2022. С. 906–911.
6. Диалог с концептами русской культуры: элективные интегрированные курсы предпрофильного и профильного обучения: русский язык, литература, обществознание: методическое пособие / Т. М. Бутолина, З. Т. Веселова, Н. Л. Мишатиная и др.; под ред. Н. Л. Мишатиной. М.: Русское слово. 2010. 247 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
8. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
9. Левушкина О. Н. Методика проведения урока лингвокультурологической характеристики текста // Преподаватель XXI век. 2013. № 2(1). С. 166–178.
10. Левушкина О. Н. Лингвокультурологическая характеристика текста как основа моделирования процесса обучения русскому языку: монография. М.: МПГУ, 2021. 366 с.
11. Левушкина О. Н., Калачева И. Е. Слово и текст как лингвокультурные единицы на уроках русского языка // Известия Южного

федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 4. С. 170–175. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2022-4-170-175>.

12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2004. 704 с.
13. Маслова В. А. Лингвокультурологический анализ: учебник для вузов / В. А. Маслова, У. М. Бахтикиреева. М.: Юрайт, 2023. 245 с. // Образовательная платформа Юрайт [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/520472> (дата обращения: 01.03.2023).
14. Мишатиная Н. Л. Методическая лингвоконцептология и ее терминсистема // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 18. С. 153–164.
15. Мишатиная Н. Л. Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики: монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2022. 304 с.
16. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек–Текст–Культура: кол. монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 160–169.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. 288 с.
18. Шакелин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.

REFERENCES

1. Vorkachev S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics // *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*. 2001;(1):64–72. (In Russ.)
2. Vorob'ev V. V. On the status of linguoculturology. *IX Mezhdunarodnyy Kongress MAPRYaL. Russkii yazyk, literatura i kul'tura na rubezhe vekov: tezisy dokladov i soobshcheniy. T. 2. = Proceedings of the IX International Congress MAPRYAL. Russian language, literature and culture at the turn of the century: Vol. 2*. Bratislava. 1999. P. 125–126. (In Russ.)
3. Vorob'ev V. V. Linguoculturology. Moscow: RUDN. 2008. 336 p. (In Russ.)
4. Deikina A. D. Axiological methods of teaching the Russian language. Moscow: MPSU. 2019. 210 p. (In Russ.)
5. Deikina A. D., Levushkina O. N., Shchitova E. E. Axiological lesson of the Russian language: basic characteristics. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii. Vyp. 7. Materialy VII Kongressa ROPRYaL (g. Ekaterinburg, 6–9 oktyabrya 2021 goda) = Dynamics of linguistic*

and cultural processes in contemporary Russia. Issue 7. *Proceedings of the VII Congress of ROPRYAL (Ekaterinburg, October 6–9, 2021)*. Saint-Petersburg: ROPRYAL. 2022. P. 906–911. (In Russ.)

6. Butolina T. M., Veselova Z. T., Mishatina N. L., Simakov S. Yu. Dialogue with the concepts of Russian culture: elective integrated courses of pre-profile and profile education: Russian language, literature, social science: methodological guide. Ed. by N. L. Mishatina. Moscow: Russian word. 2010. 247 p. (In Russ.)

7. Karaulov Yu. N. Russian language and language personality. Moscow: Editorial URSS. 2004. 264 p. (In Russ.)

8. Kolesov V. V. Philosophy of the Russian word. Saint-Petersburg: YUNA. 2002. 448 p. (In Russ.)

9. Levushkina O. N. Methodology for a lesson on the linguocultural features of the text. *Prepodavatel XXI veka = Teacher of the 21st century*. 2013;2(1):166–178. (In Russ.)

10. Levushkina O. N. Linguocultural features of a text as the basis for modeling the process of Russian language teaching. Moscow: MPSU. 2021. 366 p. (In Russ.)

11. Levushkina O. N., Kalacheva I. E. (2022). Word and text as linguistic and cultural units in Russian language lessons. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 26;(4):170–175.

(In Russ.) <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2022-4-170-175>.

12. Lotman Yu. M. Inside of thinking worlds. Semiosphere. Saint-Petersburg: Art-SPB. 2004. 704 p.

13. Maslova V. A., Bakhtikireeva U. M. Linguocultural analysis: textbook for universities. Moscow: Urait. 2023. 245 p. [Electronic resource]. URL: <https://urait.ru/bcode/520472> (accessed: 01.03.2023). (In Russ.)

14. Mishatina N. L. Methodological linguoconceptology and its terminological system. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2018;18:153–164. (In Russ.)

15. Mishatina N. L. Methodological linguoconceptology: new ideas and anthropological practices. Saint-Petersburg: Book House. 2022. 304 p. (In Russ.)

16. Murzin L. N. Language, text and culture. *Chelovek–Tekst–Kul'tura. Pod red. N. A. Kupinoy, T. V. Matveevoy = Human–Text–Culture. Ed. by N. A. Kupina, T. V. Matveeva*. Ekaterinburg. 1994. P. 160–169. (In Russ.)

17. Teliya V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 1996. 288 p. (In Russ.)

18. Shaklein V. M. Linguoculturology: traditions and innovations. Moscow: Flinta. 2012. 301 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Николаевна Левушкина, доктор педагогических наук, доцент

Olga N. Levushkina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 20.03.2023.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА METHODOLOGICAL MAIL

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-17-29>

Разработка лингвокультурологического проекта как эффективная технология организации учебно- исследовательской деятельности обучающихся

Наталья Владимировна Черникова¹, Анастасия Алексеевна Расторгуева²

¹ Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Россия, chernikovanat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>

² МАОУ «Гимназия № 9», г. Королев, Московская область, Россия, podolskaya97.62@mail.ru

Аннотация. Изучение языка на основе лингвокультурологического подхода дает возможность интерпретировать явления национальной культуры посредством исследования единиц национального языка. Такая работа способствует формированию и развитию у обучающихся культуроведческой и лингвокультурологической компетенций, являющихся чрезвычайно важными в образовательном процессе средней и высшей школы в рамках актуального в современной педагогике компетентностного подхода в обучении. Особое значение в этом отношении имеют дисциплины гуманитарного цикла, и в первую очередь «Русский язык» и «Литература». Уроки словесности позволяют применять традиционные и новые технологии, использовать разнообразные дидактические материалы, обладающие яркой культурологической маркированностью. Одной из эффективных технологий организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся является разработка лингвокультурологического проекта. Цель статьи – на примере слов *яблоня* и *яблоко* показать специфику анализа лексических единиц с лингвокультурологических позиций в процессе разработки лингвокультурологического проекта на тему «Яблоня и яблоко в русском языке, в русской культуре и в языковом сознании современной молодежи», включающего 13 так называемых страниц. В процессе исследования в качестве основного использован метод лингвокультурологического анализа эмпирического материала, а также структурно-семантический, функционально-стилистический, описательный, сопоставительный, статистический методы, метод опроса. Разработанный лингвокультурологический проект на языковом и культурологическом уровнях доказывает важность обозначаемых словами *яблоня* и *яблоко* понятий для носителей русского языка и национальной культуры.

Ключевые слова: культуроведческая и лингвокультурологическая компетенции, лингвокультурологический подход, лингвокультурологический проект, родной язык, слово, национальная культура, межпредметная интеграция

Для цитирования: Черникова Н. В., Расторгуева А. А. Разработка лингвокультурологического проекта как эффективная технология организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 17–29. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-17-29>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Designing a linguoculturological project: an effective method for organising educational and research activity of students

Natalia V. Chernikova¹, Anastasia A. Rastorguyeva²

¹ Socio-Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia, chernikovanat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>

² MAEI "Gymnasium No. 9", Korolyov, Moscow region, Russia, po-dolskaya97.62@mail.ru

Abstract. Language learning based on a linguoculturological approach enables national cultural phenomena interpretation through studying units of the national language. Such work promotes the formation and development of culturological and linguoculturological competencies of students. Within the framework of the competence-based approach to teaching relevant in modern pedagogy, these competencies are crucially important in secondary and higher education. In this regard, the humanities (above all else, Russian Language and Literature) are of particular importance. Literature lessons enable teachers to apply traditional and new methods, use a variety of culturally marked didactic materials. One such effective method employed to organise the educational and research activity of students is designing a linguoculturological project. Providing the example of the lexemes *apple tree (yablonya)* and *apple (yabloko)*, the article aims to outline the specificity of lexical analysis from a linguoculturological perspective when developing a linguoculturological project. The project on the topic 'Apple tree and apple in the Russian language, Russian culture, and the linguistic consciousness of modern youth' includes 13 so-called 'pages'. Linguoculturological analysis of empirical material was the principal research method employed. Additionally, the investigation used structural-semantic, functional-stylistic, descriptive, comparative, statistical methods as well as the survey technique. The developed linguoculturological project proves the importance of the concepts denoted by the words *apple tree (yablonya)* and *apple (yabloko)* for native Russian speakers and national culture at both the linguistic and culturological levels.

Keywords: culturological and linguoculturological competencies, linguoculturological approach, linguoculturological project, native language, word, national culture, interdisciplinary integration

For citation: Chernikova N. V., Rastorguyeva A. A. Designing a linguoculturological project: an effective method for organising educational and research activity of students. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):17–29. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-17-29>.

Введение. В современной методике преподавания русского языка эффективным признается лингвокультурологический подход, который дает возможность интерпретировать явления культуры на разных исторических этапах жизни народа посредством исследования единиц языка [Дейкина, Левушкина 2014; Евсюкова, Бутенко 2014; Добротина 2017; Маслова 2020; Черникова 2020; Воителева 2022]. Главная цель применения лингвокультурологического подхода в практике обучения русскому языку как родному – «формирование языковой личности носителя языка в контексте его родной культуры» [Дейкина, Левушкина 2012: 27]. «Родной язык рассматривается как способ знакомства обучающихся с национальной культурой, средство формирования нравственных норм, ценностных ориентиров» [Воителева 2022: 8]. Одной из инновационных технологий организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся в рамках названного подхода является разработка лингвокультурологического проекта. Такая работа способствует формированию культуроведческой и лингвокультурологической компетенций, которые

дают возможность обучающимся увидеть и осмыслить связь национального языка с жизнью народа, его историей, мировосприятием, культурой.

Цель данной статьи – на примере слов *яблоня* и *яблоко* показать специфику анализа лексических единиц с лингвокультурологических позиций в процессе разработки лингвокультурологического проекта на тему «Яблоня и яблоко в русском языке, в русской культуре и в языковом сознании современной молодежи», включающего ряд так называемых страниц.

В работе использован метод лингвокультурологического анализа эмпирического материала. Этот метод основан на следующих приемах: составление лексикографического портрета исследуемых слов в процессе анализа материалов лексикографических источников – толковых и аспектных словарей; интерпретация текстов (или их фрагментов) разных стилей и жанров, содержащих культуроведческую информацию; анализ произведений искусства, связанных с предметом исследования; опрос (анкетирование) с целью выявить, какие ассоциации вызывают анализируемые слова у современной молодежи. В процессе

разработки лингвокультурологического проекта были использованы и другие методы: метод структурно-семантического анализа лексических единиц при изучении их семантики и формы; метод функционально-стилистического анализа лексических единиц при рассмотрении их в составе разностилевых и разножанровых текстов; статистический метод при обработке материалов анкетирования; описательный метод при рассмотрении культурологических и краеведческих фактов.

Анализ. Изучение взаимосвязи языка и культуры в аспекте лингвокультурологии способствовало постановке ряда новых проблем в методике обучения гуманитарных, и прежде всего филологических, дисциплин [Токарева 2017; Добротина 2017; Мишатинова 2018, 2019; Мишатинова, Вербицкая 2019; Chernikova, Sidorova, Shvetsova 2020; Шутан 2019; Воителева 2022 и др.]. Специалисты подчеркивают, что одна из важнейших задач современного школьного филологического образования – формировать у обучающихся лингвокультурологическую компетенцию, т. е. воспитывать отношение к родному языку и созданным на нем текстам как компонентам национальной культуры; формировать внимательное, уважительное и бережное отношение к языку как культурному достоянию народа [Добротина 2017; Смулаковская, Иванова 2018].

Приемы формирования лингвокультурологической компетенции разнообразны. Один из них – организация проектной деятельности, которая помогает раскрыть творческие возможности и духовно-нравственный потенциал личности, активизирует познавательную самостоятельность обучающихся, формирует системность мышления [Подругина, Ильичева 2017]. Проектное обучение развивает общеучебные навыки (исследовательские, рефлексивные, самооценочные), дает возможность каждому учащемуся проявить себя, показать свой взгляд на исследуемую проблему, применить оригинальный подход к разработке проекта.

В современной научной и учебно-методической литературе рассматриваются различные виды проектов в зависимости от характера деятельности обучающихся: исследовательский, информационный,

практико-ориентированный, творческий, ролевой и др. [Подругина, Ильичева 2017; Смулаковская, Иванова 2018; Боброва 2020]. К числу исследовательских относится лингвокультурологический проект [Новикова 2012; Остренкова 2014; Черникова 2020]. В процессе его разработки обучающиеся приобретают следующие знания и умения: знание и понимание тесной связи национального языка с национальной культурой, знание о слове как носителе культуроведческой информации, знание о языке как аккумуляторе культурных смыслов; умение осмысливать историю народа, понимать национальный характер, материальные и духовные ценности нации в процессе многоаспектного анализа ключевого (знакового) слова национальной культуры, умение анализировать языковые факты в тесной связи с культурными фактами. Кроме того, исследователи подчеркивают, что разработка лингвокультурологического проекта дает возможность понять общность гуманитарных знаний, интегрировать факты родного языка, литературы, истории, а также различных видов искусства – музыки, живописи и др.

Т. Ф. Новиковой предложена инновационная форма проведения уроков русского языка под названием «Урок одного слова» [Новикова 2012]. На таких уроках осуществляется поэтапная разработка лингвокультурологического проекта, посвященного одному слову, которое обладает национально-культурной спецификой. Данная форма проведения уроков была успешно апробирована в образовательном процессе средней школы.

Разработанный нами лингвокультурологический проект на тему «Яблоня и яблоко» в русском языке, в русской культуре и в языковом сознании современной молодежи» включает 13 так называемых страниц. Покажем методику работы с учащимися в процессе проектной деятельности.

Первый этап лингвокультурологического проектирования предполагает составление лексикографического портрета слов *яблоня* и *яблоко* и включает следующие учебные действия обучающихся: на материале толковых словарей русского языка определить прямое и переносные (если есть) значения слов (страница лексическая); на материале этимологических словарей

установить происхождение слов (страница этимологическая); на материале толковых и словообразовательных словарей определить состав словообразовательного гнезда каждого слова (страница словообразовательная); на материале фразеологических словарей выявить фразеологизмы, смысловым центром которых являются слова *яблоко* и *яблочко* (страница фразеологическая).

Страница лексическая. Существительные *яблоня* и *яблоко* однозначные: *яблоня* — ‘фруктовое дерево из семейства розовых с шаровидными съедобными плодами’; *яблоко* — ‘плод яблони’¹. В Словаре В. И. Даля самостоятельное значение слова *яблоня* отсутствует. Название данного дерева содержится в толковании слова *яблоко* — ‘плод яблони’². В этом же словаре зарегистрированы латинские и русские наименования разных сортов яблони; они представлены в табл. 1.

Таблица 1
Наименования яблони в Словаре В. И. Даля
Table 1

Designations of *apple tree (yablonya)* in the explanatory dictionary of the living great Russian language by V. I. Dal

Латинские наименования	Русские наименования
<i>Pyrus malus</i>	Дикая яблоня
<i>Pyrus acerba</i>	Кислица
<i>Pyrus baccata</i>	Титовка

В Словаре В. И. Даля у слова *яблоко*, кроме прямого, зафиксированы и переносные значения, которые основаны на внешнем сходстве самых разных предметов с яблоком; они представлены в табл. 2.

Таблица 2
Переносные значения слова *яблоко* в Словаре В. И. Даля

Figurative meanings of the word *apple (yabloko)* in the explanatory dictionary of the living great Russian language by V. I. Dal

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 916 (далее — СОШ).

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 4. С. 462.

Переносные значения	Примеры
‘плод (овощ, фрукт), внешним видом схожий с яблоком’	<i>земляное яблоко</i> (картофель, репа), <i>гранатное яблоко</i> (гранат)
‘вещь шаром, шарообразный предмет, похожий на яблоко’	<i>державное яблоко</i> (царская держава как символ царской власти), <i>яблоко на шпиге церкви</i> , <i>яблоко меча</i> , <i>яблоко мишени</i>
‘часть тела человека’	<i>яблоко бедренной кости</i> , <i>глазное яблоко</i>

Страница этимологическая. *Яблоко* — общеславянское слово, употребляется в русском языке с XI в. Оно восходит к *abľko*, развившему начальный *j* и являющемуся суффиксальным производным от основы **abl-*, которая имеет индоевропейский характер³. Слово *яблоня* известно в русском языке также с XI в. в формах *яблонь*, *яблонь* и книжн. *аблань*. В словарях русского языка XIX в. наряду с *яблонь* присутствует вариант *яблоня*⁴, ставший впоследствии единственным.

Страница словообразовательная. Слова *яблоко* и *яблоня* имеют ряд производных⁵, которые представлены в табл. 3.

Таблица 3
Словообразовательные гнезда слов *яблоко* и *яблоня*

Word families of the words *apple (yabloko)* and *apple tree (yablonya)*

Яблоко	Яблоня
Яблочко, яблочный, яблочник, яблочица, пол-яблока	Яблонька, яблоневого, яблонный, яблонник, яблоневый, яблоновка

Большинство из перечисленных производных зафиксированы в Словаре В. И. Даля: *яблонный* лист, отводок, черень (для прививки), *яблоневый* плод, *яблоневка* — ‘яблонная водичка, шипучка’, *яблочная* пастила (квас, вкус, дух), *яблочник*, *яблочица* — ‘торгующий

³ Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 522.

⁴ Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 2. С. 570.

⁵ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1990. Т. 2. С. 432.

яблоками⁶. В настоящее время существительные *яблочник*, *яблочница* и прилагательное *яблонный* не употребляются, они относятся к пассивному запасу словаря, поэтому не фиксируются современными толковыми словарями. Слово *яблонный*, как свидетельствует «Словарь русского языка» (МАС), имеет два значения, первое из которых маркировано пометами *устар.* и *обл.*, а второе носит терминологический характер. См.: *яблонный* — 1) (*устар.* и *обл.*) прил. к *яблоня*. *Яблонный цвет*. *Яблонное дерево*; 2) ‘как составная часть названий некоторых вредителей яблони и других плодовых деревьев’. *Яблонный цветоед*. *Яблонная моль*⁷.

Страница фразеологическая. В русском языке есть фразеологизмы, смысловым центром которых являются слова *яблоко* и *яблочко*. Во фразеологических и толковых словарях, кроме названных выше *глазное яблоко* и *в яблоках*, присутствуют следующие: *адамово яблоко* — (*устар.*) ‘кадык’⁸; *содомское яблоко* — (*устар.*) ‘в речи раскольников — картофель’⁹; *яблоку негде [некуда] упасть* — 1) ‘очень много, в огромном количестве. О большом скоплении людей’; 2) ‘очень тесно’¹⁰; *попасть в яблочко* — (*перен., разг.*) ‘точно, правильно угадать, сказать’¹¹; *яблоко раздора* — (*книжн., экспрес.*) ‘то, что является причиной серьезных разногласий, спора, ссоры’¹². Данный фразеологизм восходит к древнегреческому мифу о яблоке с надписью «прекраснейшей», которое бросила богиня раздора Эрида. Парис преподнес его богине Афродите как приз за красоту. Это послужило причиной раздора между Афродитой и богинями Герой и Афиной.

Отдельные из перечисленных устойчивых выражений в настоящее время

принадлежат к пассивному запасу словаря, о чем свидетельствует соответствующая помета (*устар.*).

Второй этап лингвокультурологического проектирования включает текстоцентрическую работу — анализ образов яблони и яблока в текстах разной стилиевой и жанровой направленности. Обучающимся предлагается: проанализировать осмысление образов яблони и яблока в произведениях устного народного творчества (страница фольклорная); определить символическое значение яблока в произведениях русской классической литературы, проанализировать выразительные средства, характеризующие образы яблони и яблока в рассматриваемых текстах (страница литературная).

Страница фольклорная. Образы яблони и яблока часто встречаются в произведениях устного народного творчества — пословицах, загадках, частушках, сказках и др. Примеры употребления слов *яблоко* и *яблоня* в малых жанрах русского фольклора представлены в табл. 4.

Таблица 4

Образы яблони и яблока в малых жанрах русского фольклора

Table 4

Apple tree and apple imagery in small genres of Russian folklore

Фольклорный жанр	Образы яблони и яблока
Пословицы	<i>Кто яблоко в день съедает, у врача не бывает. Не срывай яблока, пока зелено: созреет, и само упадет. Не вырастишь яблоню — не съешь яблока.</i>
Загадки	<i>Белым цветет, зеленым висит, красным падает (яблоко). Кругло, да не арбуз, с хвостом, да немышь (яблоко).</i>
Частушки	<i>Вот и яблочко поспело И на солнце загорело. Красным цветом налилось, Чтобы сладко нам жилось!</i>

Работа с малыми жанрами русского фольклора предполагает не только подбор текстов, но и их систематизацию по тематическому признаку. Приведем примеры тематических групп пословиц, отражающих осмысление понятий «яблоко» и «яблоня» русским народом.

⁶ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 462.

⁷ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. С. 776 (МАС).

⁸ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 766.

⁹ Там же.

¹⁰ Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. С. 274.

¹¹ СОШ. С. 916.

¹² Федоров А. И. Указ. соч. С. 766.

Яблоки очень богаты питательными веществами и полезны для здоровья: *Одно яблоко в день — и доктор за дверь; Яблоки ешь по утрам — не будешь ходить к докторам; Яблоко на обед — и всех болезней нет.*

Каждый должен заниматься своим делом: *Яблоньку за яблочки любить, пчелку — за мед; С дуба яблочка не снимешь; От яблоньки яблочко, а от ели шишка; По яблоне — яблоки, по пню — опёнки.*

Каков труд, таков и результат: *Каков садовник, такое и яблоко; Каков сад, таковы и яблоки.*

В процессе чтения и анализа русских народных сказок обучающиеся анализируют образы сказочных яблони и яблока. Результатом их аналитической деятельности являются, например, следующие суждения. В сказках *яблоня* наделяется свойствами человека: способностью мыслить, говорить и помогать сказочным персонажам. Так, в сказке «Гуси-лебеди» яблоня спасает Аленушку и ее брата от смерти, укрыв их своими ветвями. Помогает героям сказки не только яблоня, но и ее плоды — яблоки. В сказке «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня — богатыри» Ивашко-Медведко с помощью яблок победил Бабу-ягу, которая повадилась бывать в избушке, где он жил с тремя названными братьями-богатырями. Яблоня и яблоко помогают девушкам выйти замуж (сказка «Крошечка-Хаврошечка»). Яблоки лечат болезни (сказка «Притворная болезнь») и обладают волшебными свойствами. Тот, кто их съест, снова станет молодым («Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»). Волшебное яблоко может выполнять разные просьбы сказочного персонажа (сказка «Серебряное блюдечко и наливное яблочко»). Сказочное яблоко выступает и в роли запретного плода. Привлекая ароматом, спелостью, внешней красотой, наливные яблоки могут быть опасными для человека: кто их съест, тот заснет мертвым сном (сказки «Заколдованная королева» и «Купленная жена»).

Страница литературная. Образ яблока присутствует в русской литературе. В рассказе И. А. Бунина «Антоновские яблоки» центральным является образ антоновских яблок, о чем свидетельствует название произведения. Воспоминания рассказчика о прошлом связаны с запахом антоновских

яблок, который в прежние времена чувствовался во всех помещичьих усадьбах. Антоновские яблоки символизируют достаток в семье. Народ, отмечает рассказчик, верил в примету: *Ядреная антоновка — к веселому году*, т. е. если большой урожай антоновки, то хлеба будет много, значит, деревенские жители будут сыты и счастливы. Угощение гостей в любом доме начиналось с потчевания их яблоками. К сожалению, запах антоновских яблок постепенно исчезает из помещичьих усадеб, — с огорчением отмечает рассказчик. Это, по мысли автора, означает упадок помещичьего быта. Наступает новая жизнь. Но принесет ли она счастье и радость людям?

Запах яблок важен и для лирического героя стихотворения С. А. Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...», тема которого — любовь к родной земле, русской природе. Устами своего лирического героя автор отмечает все, что ему дорого в родном крае: насыщенные синевой бесконечные просторы, поля, луга, деревенские избы. Запах яблок и меда, о которых говорится в стихотворении, связан со Спасом — религиозными праздниками: Медовый Спас (14 августа) и Яблочный Спас (19 августа). Эти праздники, посвященные Спасителю Иисусу, имеют важное значение для православного человека.

В романе И. С. Шмелева «Лето Господне», описывающем уклад жизни патриархальной семьи, есть глава под названием «Яблочный Спас». В ней автор рисует яркие образы, связанные с яблоками и праздником Преображения Господня. Накануне этого праздника в деревнях собирают урожай яблок. Мальчик Иван, от имени которого ведется повествование, описывает запомнившийся ему на всю жизнь аромат спелых яблок. Вся глава «пропитана» сладким *яблочным духом*, в августе аромат яблок повсюду: и в саду, и на яблочном рынке, и в церкви в праздник Преображения Господня. Богатый урожай яблок радует деревенских жителей. Продавцы на яблочном рынке с любовью и радостью живописуют свой товар.

После анализа содержания данной главы учащиеся находят выразительные средства, которые использует автор при описании яблок. Результаты данной работы представлены в табл. 5.

Выразительные средства, характеризующие образ яблока в романе И. С. Шмелева «Лето Господне»

Таблица 5

Expressive means characterising apple imagery in the novel by I. S. Shmelyov "The Year of Grace"

Выразительные средства	Примеры
Эпитеты	<i>Румяное яблоко, очень красивое яблоко, свежие яблоки, яблочный свежий дух</i>
Метафоры	<i>Матовый лоск яблок, щечки и хвостики «китайских» яблок, яблоко с кваском</i>
Сравнения	<i>Белое яблоко как фонарик; красное яблоко как кумач</i>
Антонимы, в том числе контекстные	<i>Горечь — сладость яблок; не покупные, а церковные, святые яблоки</i>

Третий этап лингвокультурологического проектирования предполагает межпредметную интеграцию. Обучающимся предлагается: сделать подборку русских народных и авторских песен, посвященных яблоне и яблокам, проанализировать их название и содержание (страница песенно-музыкальная); найти произведения живописи, в которых присутствуют образы яблони и яблока, и проанализировать их содержание (страница искусствоведческая); на материале народных примет, поверий, обрядов охарактеризовать отношение к яблоням и яблокам, сформировавшееся в русской культуре (страница культурологическая); проанализировать осмысление образа яблока в православной культуре (страница религиозная).

Страница песенно-музыкальная. Русский народ сложил песни о яблоне и яблоках: «Ох, ты, яблонька», «Под яблонью зеленой», «Нагнулася к нам яблонька на двор», «Яблочко» и др. В названиях народных песен, включающих уменьшительно-ласкательные наименования *яблонька, яблочко*, отражено отношение русского человека к этому красивому дереву и его плодам. Песня-частушка «Яблочко» и исполняемый под ее мелодию танец были популярны среди революционных солдат и матросов. Со временем песня «Яблочко» стала своеобразным матросским гимном. А одноименный танец до сих пор любимый у матросов.

Немало песен на яблоневую и яблочную тему появилось в XX в.: «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет...» (сл. М. В. Исаковского, муз. М. И. Блантера), «Горькие яблоки» (сл. А. Г. Поперечного, муз. Д. Ф. Тухманова), «Сонет о яблоках» (сл. У. Шекспира в переводе С. Я. Маршака, муз. М. Л. Таривердиева), «Райские яблоки» (сл. и муз. В. С. Высоцкого), «Яблоки на снегу» (сл. и муз. М. В. Муромова) и др. Во многих песнях майское цветение яблонь связано с любовью, встречей с любимым человеком. Например, об этом поется в одной из самых популярных лирических песен XX в. — «Яблони в цвету» (слова И. Р. Резника, музыка Е. Г. Мартынова). Прослушивание аудиозаписей песен — необходимое условие при работе с песенным материалом.

Страница искусствоведческая. Русские живописцы также нередко обращались и продолжают обращаться к «яблочным» мотивам. Так, на картине И. Е. Репина «Яблоки и листья» настолько реалистично изображены наливные яблоки и зеленые листья, что создается ощущение запаха спелых яблок и свежей зелени. Полотно Б. М. Кустодиева «Яблоневый сад» наполнено летним теплом, ярким солнечным светом и изобилием яблок в купеческом саду.

Русские художники-классики и современные живописцы, отражая на полотнах народный быт, передают атмосферу одного из самых любимых православными людьми праздников — Яблочного Спаса. Картины под названием «Яблочный Спас» принадлежат кисти В. Ю. Багрова, Н. П. и В. В. Родионовых, М. К. Финогеновой, И. В. Сафроновой, М. А. Калинина и др. Этой же теме посвящены полотна «На террасе» Б. М. Кустодиева, «Яблочный Спас. Преображение» А. Н. Миронова, «Яблочный спас или девочка с яблоками» Ю. В. Володина и др.

Яблоко — неотъемлемая часть портретов. Например, на картинах В. Л. Боровиковского «Портрет Е. И. Арсеньевой» и «Портрет Скобеевой» героини полотен держат в руке яблоко, символизирующее их молодость, красоту, здоровье. На картинах А. А. Харламова «Портрет девочки с яблоками», «Подруги», «Выбор яблок» изображены дети, в руках у которых наливные, спелые яблоки — символ наивности, юности, свежести.

Символическое значение имеет картина современного художника Д. Д. Жилинского

«Под старой яблоней». Под ветвями усыпанной зрелыми плодами яблони живописец запечатлел старую женщину и ее внуков — девушку и мальчика, собирающих яблоки. Плодоносящая яблоня — это древо жизни, символ сменяющих друг друга поколений.

В проект должны быть включены лучшие сочинения школьников, написанные по одной или нескольким картинам.

Страница культурологическая. На Руси стали выращивать культурную яблоню начиная с XI в., и с тех пор ее плоды — яблоки — один из самых любимых фруктов русского человека. Наблюдения за яблоней и яблоками легли в основу многих народных примет и поверий. Приведем примеры.

Яблоня — «помощница» девушек в замужестве: *Яблоня помогает девушке встретить своего суженого, если она в полнолуние повяжет на ствол или ветку красную ленту.*

Яблоко — символ мира, любви и взаимопонимания в семье: *Чтобы супруги жили между собой мирно и дружно, они время от времени должны съесть одно яблоко на двоих.*

Цветение молодой яблони символизирует скорое пополнение в семье: *В августе зацвела яблоня второй раз — смотри на возраст дерева. Если оно молодое да здоровое, дает хороший урожай, то не за горами долгожданное пополнение семейства.*

Нельзя рубить яблоню и ее ветви без особых на то причин: *Спилить яблоню или хорошие здоровые ветви с нее — накликать на себя беду; Отрезание ветвей яблони может привести к разладу в семейных отношениях, а тот, кто осмеливался совсем уничтожить яблоню, может вскоре потерять зрение.*

Необычное «поведение» яблони может символизировать горе, беду: *Яблоня внезапно засохла или сломалась — это сулит беду ее хозяину.*

Яблоки отталкивают негативную энергию: *Стоящая на столе ваза с яблочками очищает домашнюю ауру от сгустков негативной энергии, а плоды, рассыпанные по полу нового дома, прогонят из него любую нечисть.*

На Руси существовали старинные обряды, связанные с яблоками, например: *Чтобы в водоеме не убывала вода, в него обязательно бросали в конце лета спелое яблоко.*

Страница религиозная. Жившие в райском саду Адам и Ева, как сказано в Ветхом

Завете, стали грешными, после того как съели плоды с запретного Древа познания добра и зла. В Библии не сказано, какое это было дерево и какие плоды на нем росли. Но в православной религии традиционно считается, что Ева и Адам, нарушив повеление Бога, съели *яблоко*, за что были изгнаны Творцом из рая.

В православии есть большой религиозный праздник — Яблочный Спас (Преображение Господне), который отмечается 19 августа (6 августа по старому стилю). Он установлен в честь преобразования Иисуса Христа. Символом праздника является яблоко. На Руси праздновали Яблочный Спас с утра, как только всходило солнце. В церковь несли яблоки, виноград и другие плоды для освящения, а после лакомились сами и угощали ими друзей, знакомых, нищих и даже клали на могилы умерших родственников. Все службы в церкви в этот день проводятся в одеяниях белого цвета. Яблоки, освященные в день Преображения Господня, в старину назывались «спасовскими».

Четвертый этап лингвокультурологического проектирования предполагает проведение анкетирования (опроса) с целью выявления ассоциаций, которые вызывают у современной молодежи слова *яблоко/яблочко* и *яблоня*, с последующей статистической обработкой полученных данных.

Страница ассоциативная. Мы провели опрос студентов I–V курсов, обучающихся в Мичуринском государственном аграрном университете. Общее количество респондентов (опрошенных) — 63. Количественные результаты опроса представлены в табл. 6–8.

Таблица 6
Количество реакций на слова *яблоко/яблочко* и *яблоня*

Table 6
Number of responses to the words *apple* (*yabloko*) / *little apple* (*yablochko*) and *apple tree* (*yablonya*)

Реакции	Количество	
	яблоко/яблочко	яблоня
Общее количество реакций	336	270
Количество разных реакций	134	186
Количество единичных реакций	70	84

Таблица 7
 Ассоциации со словами *яблоко* и *яблочко*

Table 7
 Associations with the words *apple* (*yabloko*) and *little apple* (*yablochko*)

Ассоциации	Количество
Красный/красное, наливные яблочки	24
Фрукт/фрукты	19
Зеленый/зеленое	18
Сладкое	15
Кислое	12
Спелое, вкусное	11
Маленькое	9
Яблоко от яблони недалеко падает	8
Еда, сочное, круглое, яблоко раздора	7
Молодильные яблочки	6
Детство, на тарелочке	5
Песня, танец, Мичуринск, большое	4
Вкус, дерево, лето, перекус, сад, сказка/сказки, телефон, червь/червяк, Белоснежка, глазное	3
Натюрморт, огрызок, пирог, семечки, сок, гнилое, желтое, мичуринское/мичуринские, отравленное, свежее, хрустящее, червивое	2
Август, аромат, блюдце, ваза, ведьма, витамины, дети, диета, дом, ежик, загадки, запах, змей, знание, зрелость, игры, искушение, косточки, любовь, магазин, мишень, молодость, мудрость, партия, пирог, пища, плодородие, полдник, поле, радость, рай, родина, румянец, сладость, старуха, счастье, угощение, урожай, учитель, фестиваль, шар, школа, шутки, яблоня, яркость, Адам, Ева, Иван Владимирович Мичурин, Ньютон, Эдем, ароматное, аппетитное, домашнее, душистое, жесткое, золотое, кисло-сладкое, твердое, яркое, растет, упало, вкусно, детские щечки, марка телефона, плод яблони, руки бабушки, символ города, «Кони серые, кони в яблоках...», «Расцвели яблони и груши...»	1

Ассоциации со словом *яблоня*

Table 8
 Associations with the word *apple tree* (*yablonya*)

Ассоциации	Количество
Дерево	33

Ассоциации	Количество
Сад	25
Деревня	13
Лето, цветущая	11
Дом, плод/плоды	9
Мичурин	7
Весна, высокая	6
Дача, зеленая	5
Красивая, цветение	4
Лист/листья, Мичуринск, расцвели яблони и груши, сок	3
Биостанция, большая, детство, дикая, домик в деревне, запах, красный, молодость, огород, плодоносная, отдых, урожай, яблони в цвету	2
Аромат, ароматная, ветка, вишня, в деревне, вкусно, воспоминание из детства, в саду, выведение новых сортов, гроза, груша, день садовода, дерево в моем дворе, дерево во дворе, домашняя, древесина, духота, жара, живая, жизнь, засохла, зелень, зеленый цвет, земля, картина, кора, крепкая, куст, любимая, любимый сад, май, могучая, мода, молодая, молодая девушка, моя, мудрая, небольшая, осень, пахучая, пирог, плодоносить, природа, прогулка в саду, пчелы, работа, растет, растущая, река, Родина, роденькая, родной дом, родной город, родной край, Россия, садовая, сбор урожая, свежесть, селекция, семейное дерево, семья, сказка, созревание, созреть, старая, ствол, стоит, стол, субботник, теплая погода, теплые воспоминания, уборка, ухаживания, фауна, фестиваль, фруктовое дерево, фруктовый сад, хорошая погода, хруст, цветет, цветы, яблоко от яблони недалеко падает, яблоки, яблоки на снегу	1

Средства выражения ассоциаций представлены в табл. 9.

Таблица 9
 Средства выражения ассоциаций

Table 9
 Means of expressing associations

Средства выражения ассоциаций	Количество	
	яблоко/яблочко	яблоня
Имена существительные	130	184
Предложно-падежные формы имени существительного	5	2

Имена прилагательные	142	144
Местоимения	-	1
Глаголы	2	6
Причастия	2	12
Категория состояния	1	1
Словосочетания	6	21
Устойчивые выражения	16	1
Фольклорные сочетания	30	-
Строки из песен	2	6

Анализ материала, полученного в результате опроса, показал, что у современной молодежи слова *яблоко/яблочко* и *яблоня* вызывают самые разные ассоциации. Наиболее частотными на стимулы *яблоко* и *яблочко* являются реакции, связанные с родовым обозначением яблок (*фрукты*), их цветом (*красное, зеленое*), вкусовыми качествами (*сладкое, кислое, вкусное*), народно-поэтическим наименованием (*наливные яблочки*). Наиболее частотными на стимул *яблоня* являются реакции, связанные с родовым обозначением яблони (*дерево*), наименованием ее частей (*плод/плоды*), внешнего вида (*зеленая, высокая, цветущая*), местом произрастания (*сад, дача, дом*).

Несмотря на то что опрос проводился среди студентов Мичуринского аграрного университета, которые проживают в Мичуринске или в других населенных пунктах Тамбовской области, так называемых региональных ассоциаций выявлено чрезвычайно мало: 9 со словами *яблоко* и *яблочко* (*Мичуринск, Иван Владимирович Мичурин, символ города, мичуринские*) и 18 со словом *яблоня* (*Мичурин, Мичуринск, родной край, родной город, день садовода* и др.).

Пятый этап проектирования — выявление значимости образов яблони и яблока в региональной культуре. Здесь следует поставить перед обучающимися ряд проблемных вопросов, которые определяют направления их поисковой работы:

1. Почему символом города Мичуринска является яблоко?
2. Какой вклад внес И. В. Мичурин в развитие селекции и генетики?
3. Какие сорта яблонь вывел И. В. Мичурин?
4. Что и почему изображено на гербе Мичуринска?
5. Какие объекты с изображением яблока расположены на территории Мичуринска?

6. Почему яблоко — символ Мичуринского государственного аграрного университета?

7. Какие садоводческие учреждения находятся в Мичуринске? Чем они занимаются?

8. Что означает: Мичуринские яблоки — бренд Тамбовщины?

9. С какой целью начиная с 2021 г. в Мичуринске и Мичуринском районе проводится фестиваль «Мичуринские яблони в цвету»?

Страница краеведческая. Для жителей города Мичуринска и всего Тамбовского края слова *яблоко* и *яблоня* очень значимы, так как они ассоциируются с родным краем, малой Родиной. Символом Мичуринска является яблоко. И это не случайно: здесь жил и работал И. В. Мичурин (1855–1935), крупнейший ученый-селекционер, доктор биологии, автор многих сортов яблонь, в числе которых Бельфлер-китайка, Бессемянка мичуринская, Китайка золотая ранняя, Пепин шафранный, Славянка, Антоновка шестисотграммовая (Антоновка полторафунтовая), Северный бужбон и др.

Три яблока изображены на гербе города Мичуринска. Они отражают огромные достижения И. В. Мичурина в развитии селекционной науки и вместе с зеленой ветвью символизируют аграрное направление Мичуринска, который в 2003 г. получил статус Наукограда.

Яблоко — символ и Мичуринского государственного аграрного университета. Первоначально это был институт селекции плодово-ягодных культур, открытый в 1931 г. по инициативе И. В. Мичурина. В настоящее время Мичуринский аграрный университет — это не только образовательная организация, но и площадка для научных исследований. Он является одним из лидеров по созданию клоновых подвоев яблони в России.

Мичуринск — общероссийский центр садоводства. Здесь ведут активную работу Всероссийский научно-исследовательский институт садоводства и Всероссийский научно-исследовательский институт генетики и селекции плодовых растений, которые носят имя И. В. Мичурина.

На территории Тамбовской области много яблоневых садов. В 2016 г. на Тамбовщине было создано предприятие «Сады

Мичурина». Цель его создания — обеспечение населения Тамбовской области и других регионов страны плодово-ягодной продукцией собственного производства, и прежде всего — яблоками. Мичуринские яблоки — бренд Тамбовщины. Он объединяет все яблочные сорта, выращиваемые на территории региона. В 2020 г. Мичуринские яблоки стали победителями первого Национального конкурса «Вкусы России» в номинации «Попробуй — полюбишь».

Начиная с 2021 г. в Мичуринске и Мичуринском районе ежегодно проводится фестиваль «Мичуринские яблони в цвету». Во время фестиваля, который проходит в мае в течение нескольких дней, на площадках города и района звучат стихи и песни, посвященные яблоням и яблокам. На ярмарке все желающие могут купить яблоневые саженцы, яблоки, садовый инвентарь. Народные умельцы и местные художники демонстрируют изделия и картины яблоневой и яблочной тематики. В рамках фестиваля проводится акция «Фамильный сад»: любой участник и гость праздника может дать одной из яблонь в мичуринском Центре развития садоводства свою фамилию и получить именной сертификат. К своему фамильному дереву можно приезжать в любое время, ухаживать за ним, а потом собирать с него урожай яблок.

Шестой этап лингвокультурологического проектирования — творческий: обучающимся предлагается написать эссе, сочинить стихотворение/песню, нарисовать картину.

Страница творческая. Здесь в качестве примера представлено стихотворение, сочиненное студенткой Мичуринского ГАУ.

Когда держу я яблоко в руках,
То вспоминаю о родных мичуринских садах.
Они всегда красивы, зелены
И чудные дают плоды!

Работал здесь Мичурин, селекционер великий,
Привил плоды сортов он диких,
Создал гибриды разных видов
И много яблонь новых вывел.

С тех пор прошло столетие,
Но город этим делом все живет,
И сад мичуринский
По-прежнему цветет!

Выводы. Разработка лингвокультурологического проекта имеет большую

практическую значимость. «Такая деятельность не только способствует развитию научного мышления, исследовательских и творческих навыков учащихся, но и приобщает их к духовной культуре, системе нравственных ценностей, формирует уважительное отношение к русскому языку и родному слову» [Черникова 2020: 22]. Проектирование может начинаться, например, в V–VI классах и продолжаться в течение ряда лет. Каждый этап проектной работы завершается систематизацией и обобщением эмпирических данных, публичным представлением полученных результатов (защитой проекта). Проект (и его отдельные этапы) предполагает создание презентации, которая должна содержать самые яркие, наиболее значимые языковые и культурные факты.

Лингвокультурологический анализ слов *яблоня* и *яблоко* на языковом и культурологическом уровнях доказывает важность обозначаемых ими понятий для носителей русского языка и национальной культуры. Русский народ ценит яблоко за его красивый внешний вид, вкус, аромат, питательные свойства. В русской классической литературе, как и в фольклоре, яблоко символизирует жизнь, молодость, здоровье. Яблоко и яблоневые сады — символ Родины, родного края. В русских деревнях душистый аромат яблок, их обильный урожай вызывали радость, веселье, счастье, символизировали достаток в семье. Для православной России очень важен один из религиозных праздников — Яблочный Спас.

Так поэтапно собирая материал для лингвокультурологического проекта, учащиеся составляют своеобразную «Книгу о яблоне и яблоках». Презентация этой «книги», как и ее отдельных «страниц», должна осуществляться в виде докладов на научно-практических конференциях обучающихся, участия в муниципальных, региональных, Всероссийских конкурсах научно-исследовательских и творческих работ/проектов, публикации статей по теме исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва М. В. Проектная деятельность учащихся на материале прозвищ // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 6. С. 14–22. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-6-14-22>.

2. Воиутелева Т. М. Родное слово как воплощение народного духа // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 7–11. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-7-11>.

3. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н. Методический потенциал лингвокультурологических характеристик текста в школьном обучении русскому языку // Русский язык в школе. 2014. № 4. С. 12–17.

4. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка как родного, как иностранного и как неродного // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2012. № 4. С. 23–28 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lingvokulturologicheskogo-podhoda-v-metodike> (дата обращения: 15.11.2022).

5. Добротина И. Н. Формирование лингвокультурологической компетенции учащихся в системе современного школьного языкового образования (на материале фольклорных текстов) // Русский язык в школе. 2017. № 8. С. 3–8; № 9. С. 3–6.

6. Евсюкова Т. В., Бутенко Е. Ю. Лингвокультуралогия: учебник. М.: Флинта, 2014. 479 с.

7. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 208 с.

8. Мишати́на Н. Л. Методическая лингвоконцептология: современное состояние и вектор развития // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3(31). С. 16–25. [http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3\(31\)-16-25](http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3(31)-16-25).

9. Мишати́на Н. Л. Трансдисциплинарный вектор методической лингвоконцептологии // Перспективы науки и образования. 2019. № 3(39). С. 240–254. <http://doi.org/10.32744/pse.2019.3.18>.

10. Мишати́на Н. Л., Вербицкая М. Г. Методическая лингвоконцептология: ориентир — метапредметность (на примере концепта «дом») // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 3. С. 3–10. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-3-10>.

11. Новикова Т. Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 10–15.

12. Остренкова М. А. Лингвокультурологические проекты на уроках русского языка: от слова к образу, от образа к мировидению // Русский язык в школе. 2014. № 11. С. 6–12.

13. Подругина И. А., Ильичева И. В. Проектно-исследовательская деятельность: развитие одаренности: монография. М.: МПГУ, 2017. 300 с.

14. Смулаковская Р. Л., Иванова Е. М. Проектно-исследовательская деятельность учащихся по русскому языку // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 7. С. 3–6. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-6-3-6>.

15. Токарева И. Ю. Применение концептуального анализа ключевых слов культуры при подготовке к итоговому сочинению // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 3–5.

16. Черникова Н. В. Лингвокультурологический проект «Береза — символ России» (материалы к урокам русского языка) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 1. С. 15–23. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-15-23>.

17. Шутан М. И. Работа с концептом «время» на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 3. С. 11–16. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-11-16>.

18. Chernikova N. V., Sidorova I. V., Shvetsova V. M. Linguo-conceptual analysis as an effective technology for organizing scientific and educational activities. First International Scientific Conference, ASedu-2020: Advances in Science, Engineering and Digital Education. Journal of Physics: Conference Series 1691, 2020. P. 12192 [Электронный ресурс]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1691/1/012192/pdf> (дата обращения: 15.11.2022). <http://doi.org/10.1088/1742-6596/1691/1/012192>.

REFERENCES

1. Bobrova M. V. Project activity of students based on the material of nicknames. *Russkii yazyk v shkole*=Russian language at school. 2020;81(6):14–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-6-14-22>.

2. Voiteleva T. M. Native word as the embodiment of the national spirit. *Russkii yazyk v shkole*=Russian language at school. 2022;83(6):7–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-7-11>.

3. Deikina A. D., Levushkina O. N. The methodological potential of linguocultural features of the text in the school teaching of the Russian language. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2014;4:12–17. (In Russ.)

4. Deikina A. D., Levushkina O. N. Linguistic cultural studies in the methodology of Russian language as a native, as foreign and as a second language. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* = Polylinguality and Transcultural Practices. 2012;4:23–28 [Electronic resource]. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2220> (accessed: 15.11.2022). (In Russ.)

5. Dobrotina I. N. Formation of linguocultural competence of students in the system of modern

school language education (on the material of folklore texts). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2017;8:3–8; 2017;9:3–6. (In Russ.)

6. Evsyukova T. V., Butenko E. Yu. Linguoculturology: textbook. Moscow: Flinta. 2014. 479 p. (In Russ.)

7. Maslova V. A. Linguoculturology. Introduction: textbook for universities. Moscow: Urait. 2020. 208 p. (In Russ.)

8. Mishatina N. L. Methodological linguoconceptology: its modern state and development thrust. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018;3:16–25. (In Russ.) [http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3\(31\)-16-25](http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3(31)-16-25).

9. Mishatina N. L. Transdisciplinary thrust of methodological linguoconceptology. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2019;39(3):240–254. (In Russ.) <http://doi.org/10.32744/pse.2019.3.18>.

10. Mishatina N. L., Verbitskaya M. G. Methodological linguoconceptology: aiming at metadisciplinarity (on the example of the concept of Home"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019;80(3):3–10. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-3-10>.

11. Novikova T. F. One word lesson: the path from meaning to senses. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2012;1:10–15. (In Russ.)

12. Ostrenkova M. A. Linguistic and cultural studies projects in Russian lessons: from word to image, from image to worldview. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2014;11:6–12. (In Russ.)

13. Podrugina I. A., Il'icheva I. V. Project-research activities: development of giftedness. Moscow: MPSU. 2017. 300 p. (In Russ.)

14. Smulakovskaya R. L., Ivanova E. M. Project and research activities of students on the Russian language (from work experience). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2018;79(7):3–6. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-7-3-6>.

15. Tokareva I. Yu. Application of conceptual analysis of key cultural words while preparing for the final essay. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2017;11:3–5.

16. Chernikova N. V. Linguoculturological project «A birch tree as a symbol of Russia» (learning materials for russian language lessons). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2020;81(1):15–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-15-23>.

17. Shutan M. I. Working with the concept of «Time» during russian language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019;80(3):11–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-11-16>.

18. Chernikova N. V., Sidorova I. V., Shvetsova V. M. Linguo-conceptual analysis as an effective technology for organizing scientific and educational activities. First International Scientific Conference, ASEU-2020: Advances in Science, Engineering and Digital Education. Journal of Physics: Conference Series 1691, 2020. P. 12192 [Electronic resource]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1691/1/012192/pdf> (accessed: 15.11.2022). <http://doi.org/10.1088/1742-6596/1691/1/012192>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья Владимировна Черникова, доктор филологических наук, профессор

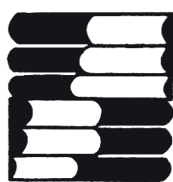
Анастасия Алексеевна Расторгуева, учитель русского языка и литературы

Natalia V. Chernikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Anastasia A. Rastorguyeva, Teacher of Russian Language and Literature

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО METHODOLOGICAL HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-30-37>

Виктор Яковлевич Булохов — человек и ученый (к 90-летию со дня рождения)

Галина Сергеевна Спиридонова¹, Юлия Романовна Юденко²

^{1,2} Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия

¹ spigal73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0777-0924>

² yudenko73@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1020-5275>

Аннотация. Цель статьи – осмысление методического наследия доктора педагогических наук, профессора, видного отечественного ученого Виктора Яковлевича Булохова (1933–2022). В статье кратко освещена биография исследователя. На основе анализа основных трудов выделены ключевые направления его научного поиска, изложены наиболее значительные выводы и оценена их практическая значимость. Авторы отмечают, что В. Я. Булохов рассматривал вопросы методики с позиций психолингвистики, в свете теории речевой деятельности. Сделан вывод о том, что многие предложенные ученым методические решения, смелые, иногда неожиданные, но всегда теоретически обоснованные и экспериментально подтвержденные, не утратили своей актуальности. Они заслуживают пристального изучения и активного применения в практике современной школы.

Ключевые слова: В. Я. Булохов, история методики преподавания русского языка в средней школе, методика преподавания орфографии, орфографическая грамотность, теория речевой деятельности

Для цитирования: Спиридонова Г. С., Юденко Ю. Р. Виктор Яковлевич Булохов – человек и ученый (к 90-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 30–37. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-30-37>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Viktor Yakovlevich Bulokhov: a person and a scientist (to the 90th anniversary of the birth)

Galina S. Spiridonova¹, Yuliya R. Yudenko²

^{1,2} Russia Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia

¹ spigal73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0777-0924>

² yudenko73@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1020-5275>

Abstract. The article aims to comprehend the methodological legacy of Viktor Yakovlevich Bulokhov (1933–2022), a doctor of pedagogical sciences, professor, prominent Russian scientist. The paper briefly highlights the biography of the researcher. Analysing the main writings of V. Ya. Bulokhov, we identify the key areas of his scientific research, present the most significant conclusions, and evaluate their practical significance. It is emphasised that V. Ya. Bulokhov considered the issues of methodology from a psycholinguistics perspective, i. e. in light of the theory of speech activity. Many methodological solutions the scientist proposed are radical, sometimes unexpected, but always theoretically substantiated and experimentally confirmed. It is concluded that they have not lost their relevance so far. They deserve a thorough examination and ought to be consistently applied in modern school practice.

Keywords: V. Ya. Bulokhov, history of Russian language teaching methodology in secondary school, methodology for teaching spelling, spelling literacy, speech activity theory

For citation: Spiridonova G. S., Yudenko Yu. R. Viktor Yakovlevich Bulokhov: a person and a scientist (to the 90th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):30–37. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-30-37>.

Введение. В известном учебнике по методике русского языка под редакцией М. Т. Баранова помещен Краткий библиографический словарь методистов XIX–XX вв., оставивших в своей науке «заметный след»¹. Между фамилиями психолога Д. Н. Богоявленского и педагога Н. Ф. Бунакова там стоит имя В. Я. Булохова. Вклад этого ученого в русскую лингвистику отмечен и в биобиблиографическом справочнике, объединившем выдающихся педагогов и филологов Сибири и Дальнего Востока², и в библиографическом словаре, посвященном тем, чьи труды оказали влияние на развитие отечественной лингводидактики³. Словарные статьи, в которых перечисляются «основные научные интересы» и дается далеко не полный список трудов В. Я. Булохова, отражают два важных момента в деятельности ученого: 1) его внимание было сконцентрировано на решении реальных, насущных, живых проблем школьной методики, большинство из которых входят в разряд «вечных» (обучение сочинению, повышение орфографической грамотности, развитие выразительности речи); 2) проблемы методики он стремился решать с позиций психолингвистики и в этом отношении оказался в числе первопроходцев.

¹ Методика преподавания русского языка в школе / под ред. М. Т. Баранова. М.: Академия, 2001. С. 324.

² Острикова Т. А. Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Сибири и Дальнего Востока: биобиблиографический справочник / сост. и ред. Т. А. Острикова. Абакан: ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. С. 9–13.

³ Шукин А. Н., Московкин Л. В., Янченко В. Д. Лингводидактический биографический словарь: около 500 научных биографий специалистов в области изучения и преподавания языков и смежных дисциплин / научный консультант В. Г. Костомаров / науч. ред. А. Н. Шукин; авт.-сост. А. Н. Шукин, Л. В. Московкин, В. Д. Янченко. М.: Русский язык. Курсы, 2022. С. 87–88.

I. Основные этапы жизни и деятельности

Виктор Яковлевич Булохов родился в 1933 г. на Смоленщине, в деревне Екимовское. Теперь этой деревни не существует: зимой 1942 г. ее сожгли немцы.

Точной даты своего рождения В. Я. Булохов не знал, ее приблизительно установила медицинская комиссия в детском доме, куда он попал во время войны: «Раздели нас догола, пересчитали зубы и каждому насчитали, сколько хотели. Члены комиссии были добрыми людьми и стремились, чтобы у каждого воспитанника день рождения совпадал с каким-либо большим общим праздником: 1 января, 1 мая, 7 ноября. <...> Мне досталось 1 мая» [Булохов 2002: 5].

Отец его, Яков Харитонович Булохов, закончивший церковноприходскую школу, был членом правления колхоза. Уже будучи взрослым, Виктор Яковлевич вспоминал: «К нему приходили мужики советоваться по разным житейским вопросам и называли по имени и отчеству. Мать жила незаметно. Мне было любопытно, что по вечерам в нашей большой хате тот же учитель, который учил меня в школе, куда я ходил в Быково километров за пять, учил читать и писать деревенских баб, среди которых была и моя мать. Никто не называл ее по имени и отчеству, а может быть, я просто забыл» [Там же: 6]. Она умерла в первый военный год от тифа, и ее имя напомнил маленькому Вите вернувшийся с фронта отец. Мать звали Мария Архиповна, в девичестве Горюнова. Эта фамилия, как считал ученый, больше соответствовала его собственной судьбе, чем отцовская.

Во время оккупации мальчик остался совсем один, вынужден был бродяжничать, побираться и в итоге попал в детский дом. Он совершенно разучился читать и писать, хотя до войны закончил первый класс на одни пятерки. Пришлось начинать обучение с «чистого листа».

Воссоединившись после войны с отцом и братьями, некоторое время пожив в семье, Витя, уже двенадцатилетний подросток, самостоятельно принял решение вернуться в детский дом, потому что очень тянулся

к знаниям. «О моей страсти к учебе хорошо знали воспитатели. И когда однажды я провинился, меня не пустили в школу», — вспоминал профессор [Булохов 2002: 23].

В юности он мечтал стать моряком и пытался поступить в Одесское мореходное училище, но не прошел мандатную комиссию. Как отличник, без экзаменов был принят в Одесский морской строительный техникум, однако учиться там не стал.

Волею случая несостоявшийся студент оказался в г. Людиново Калужской области, в классе, где преподавал Юлий Маркович Даниэль. Именно это знакомство, по словам самого В. Я. Булохова, определило его дальнейшую судьбу: он решил стать учителем русского языка и литературы.

Закончив школу с серебряной медалью, В. Я. Булохов поступил на филологический факультет МГУ, где учился у мэтров отечественной филологии: С. М. Бонди, Р. А. Будагова, Е. М. Галкиной-Федорук, Т. П. Ломтева. Его однокурсниками были А. А. Леонтьев, В. Недзвецкий, Д. Урнов.

После университета недавнему выпускнику пришлось долго скитаться по городам и весям. По распределению сначала попал в Узбекистан, в кишлак Янги-Базар (30 км от Ташкента). «Под школу здесь когда-то переоборудовали конюшню, полы отсутствовали, крыша протекала, и в дождливые дни ученики шли к доске, растапывая кирзовыми сапогами вязкую грязь» [Булохов 2002: 52]. Не сумев наладить отношения с местной администрацией, молодой учитель переехал в Сибирь, трудился в Верхнеингашской, Межгранской, Пойма-Тинской, Глинской школах. Педагогов в сельской местности не хватало, поэтому пришлось преподавать русский язык, математику и историю, учить детей и взрослых, исполнять обязанности не только рядового педагога, но и завуча и даже директора.

О своей жизни в поселке Глинском В. Я. Булохов вспоминал: «Уроков у меня было чрезмерно много и в детской школе, и в зоне, и на учебно-консультационном пункте для вольнонаемных. Но я был сам себе хозяин, мог планировать действия так, чтобы оставалось время и для размышлений о том, что делаю и как делаю» [Булохов 2002: 66].

В 1962 г. после успешного выступления на красноярских педагогических чтениях с докладом «О некоторых вопросах

наглядности в преподавании русской грамматики» молодого педагога пригласили в аспирантуру при кафедре русского языка Красноярского пединститута.

Спустя год жюри «Педагогических чтений» присудило В. Я. Булохову премию третьей степени за доклад «Применение технических средств в преподавании русского языка». В докладе рассказывалось о самодельном электрифицированном орфографическом словаре. Этот словарь представлял собой тонкий деревянный ящичек прямоугольной формы, на лицевой стороне которого были записаны «трудные» слова с отверстиями на месте пропущенных букв. Ученик соединял шнур с клеммами, находящимися справа от слова. Рядом с каждой из двух клемм располагались буквы. Если буква выбиралась верно, она загоралась в отверстии. При этом в верхней части ящичка включалось окно отметки: правильно/неправильно. На школьных переменах к словарю выстраивались очереди. Газета «Красноярский рабочий» положительно отзывалась об изобретении, а специальный его экземпляр был изготовлен для Института усовершенствования учителей.

С 1966 г. Виктор Яковлевич работал ассистентом кафедры русского языка Красноярского педагогического института, писал кандидатскую диссертацию «Обогащение письменной речи учащихся тропами (в связи с изучением “Имени прилагательного” в V классе)». Очень скоро он стал кандидатом педагогических наук.

В 1969 г. молодого специалиста направили на повышение квалификации в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. Именно здесь ученый вступил на тот путь, который через 25 лет привел его к защите докторской диссертации.

Сначала возникла идея спецкурса о порождении речевого высказывания, в процессе чтения которого несколько позже сформировалась тема нового исследования: «Работа над предложением как направление развития речи учащихся». Она была обсуждена в личном разговоре с академиком А. В. Текучевым, а потом — с коллегами во время стажировки в лаборатории обучения русскому языку НИИ СиМО АПН СССР. Тему включили в план лаборатории на 1977–1980 гг., а консультантом назначили Таису Алексеевну Ладыженскую.

С 1978 г. В. Я. Булохов преподавал в Омском государственном университете. Здесь, в атмосфере активного научного соревнования, по его собственному признанию, прошли самые приятные и плодотворные годы его научных поисков. Картотека ошибок, которую будущий профессор кропотливо собирал еще в бытность школьным учителем, насчитывала к тому времени около 40 тысяч единиц. В составлении картотеки активное участие принимали студенты, выполнявшие под его руководством курсовые и дипломные работы.

В 1984 г. Л. Ю. Максимов, заведовавший кафедрой русского языка в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, высоко оценил научные достижения В. Я. Булохова. С ним согласились Т. А. Ладыженская и В. П. Озерская. Тогда же была сформулирована тема докторского исследования – «Повышение орфографической грамотности учащихся в свете теории речевой деятельности». 25 апреля 1994 г. состоялась защита диссертации.

В это время Виктор Яковлевич уже снова стал сотрудником Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Он преподавал методику обучения русскому языку на факультете начальных классов до июня 2016 года. За этот период им были прочитаны уникальные авторские спецкурсы, опубликованы наиболее зрелые и интересные научные работы.

Подводя предварительные итоги еще в 2001 г., задолго до кончины, ученый писал: «В моей жизни было много трудного. Я прошел через войну, детские дома, учился в вузе почти на одну стипендию, творческую карьеру начал с работы рядовым учителем в национальной школе. Но были и счастливые моменты: учился в Московском университете имени М. В. Ломоносова, лучшим вузе страны, побывал у могилы Л. Н. Толстого и у могилы А. С. Пушкина, с неослабевающим интересом занимался наукой, видел Байкал.

Мне встречались люди не всегда эталонного поведения, но, может быть, именно они помогли учиться критически смотреть как на окружающий мир, так и на научные теории, объясняющие этот мир и все, что в нем есть, в том числе и на

теорию и практику обучения русскому языку» [Булохов 2002: 105–106].

II. Научное наследие

Первая монография В. Я. Булохова, отражающая основные теоретические положения его докторской диссертации, вышла в 1993 г. в Красноярске и стала наиболее цитируемой его работой. В ней проблема повышения орфографической грамотности рассмотрена с позиции теории речевой деятельности, исследованы психологические закономерности и лингвистические причины неравномерного распределения ошибок по длине предложений. Заслуживают внимания статьи В. Я. Булохова, опубликованные в этот период⁴. В них нашли отражение основные положения диссертационного исследования.

Анализ более чем 20 тысяч школьных и студенческих письменных работ позволил ученому сделать вывод о «концентрации неправильных написаний не только в сказуемом и в группе сказуемого, но и в реме, в последних словах предикативной единицы и в том ее отрезке, который начинается со второго, правого главного члена» [Булохов 1993: 43]. Причины возникновения таких «пиков» исследователь объяснял, с одной стороны, обилием форм и связей сказуемого и его распространителей в русском языке, с другой стороны, недостаточной развитой оперативной речевой памятью пишущих.

В. Я. Булохов предложил, во-первых, развивать оперативную речевую память учащихся с помощью синтетических упражнений, во-вторых, обучать их линейному самоконтролю. Констатация эффективности этих двух направлений и стала основным методическим выводом, сделанным ученым в докторской диссертации.

Синтетическими В. Я. Булохов назвал упражнения, в которых синтез преобладает над анализом. Они строятся не на разборе

⁴ Булохов В. Я. Роль «линейного» самоконтроля учащихся в повышении орфографической грамотности // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 34–37; Булохов В. Я. Орфографические ошибки в детских сочинениях // Русский язык в школе. 1992. № 1. С. 28–33; Булохов В. Я. Повышение грамотности учащихся на основе развития оперативной памяти // Русский язык в школе. 1990. № 6. С. 17–20.

готового предложения, а на его конструировании, преобразовании, перестройке. К ним относятся: диктант «Кто больше запомнит», распространение предложений влево и вправо от главных членов, восстановление пропущенных частей предложения, объединение предложений, восстановление деформированного текста, перестановка частей предложения, объединение предложений и др. В таких упражнениях имитируется процесс порождения высказывания.

Линейный самоконтроль — это «самоконтроль учащихся, сориентированный на преодоление орфографических ошибок преимущественно в местах их наиболее вероятного появления в линейной последовательности слов» [Булохов 1993: 144]. Линейный самоконтроль включает три этапа: упреждение, предупреждение и нахождение неправильных орфографических написаний. Смысл обучения самоконтролю заключается в том, что перед началом, во время и после письменной работы (сочинения, изложения, диктанта) учитель напоминает ученикам о необходимости обращать внимание на правильность написания сказуемых и относящихся к нему слов, а также слов, находящихся после правого главного члена, последних и предпоследних слов предложения. Кроме того, дается рекомендация при проверке написанного читать каждое предложение дважды: обычным способом (слева направо) и необычным (справа налево, т. е. задом наперед).

При совмещении двух путей (развития оперативной памяти посредством синтетических упражнений и обучения линейному самоконтролю) уровень орфографической грамотности испытуемых поднялся на 56 %.

Результаты эксперимента окончательно убедили В. Я. Булохова в том, что орфографии необходимо обучать на синтаксической основе. Современная методическая наука поддерживает и развивает этот принцип, о чем свидетельствуют публикации последних лет.

Как видим, в трудах В. Я. Булохова орфографическая ошибка занимает совершенно особое, «почетное» место. На изучении неправильных написаний в письменных работах мальчиков и девочек построено его уникальное исследование «Межполовые различия орфографической

грамотности учащихся» (1999). Автор приходит к выводу об объективном существовании таких различий: «...мальчики во всех классах без исключения и во всех без исключения видах письменных работ совершают больше орфографических ошибок, чем девочки». И далее отмечает, что эти различия нелинейны, т. е. меняются в зависимости «от специфики исследуемого объекта (орфограмма, морфемы, часть речи), вида учебной речевой деятельности (сочинение, изложение, диктант), возраста учащихся» [Булохов 1999: 93].

Высокую научно-методическую ценность представляет собой последняя монография ученого, посвященная методике орфографии, — «Орфограмма в зеркале лингводидактики» [Булохов 2010]. Здесь автор обращает внимание на ряд важных моментов: неоправданно широкий синонимический ряд к термину *орфограмма*, используемый в научной литературе; досадное смешение в лингводидактике таких понятий, как «орфограмма» и «опознавательные признаки орфограммы»; слишком узкое понимание термина *орфографическая зоркость* и др.

Орфографическую зоркость, замечает В. Я. Булохов, обычно связывают только с работой органов зрения, хотя «орфограмму можно реально или мысленно увидеть или услышать, ощутить в мускульном движении органов речи или руки, обнаружить путем лингвистических рассуждений» [Там же: 49].

С учетом принципа линейности учебный убедительно обосновал существование в русском языке нулевых орфограмм, которые являются «реальными «точками» применения правил», но «не выражены материально, то есть у них нет какого-либо графического выражения и линейной протяженности», «их длина равна нулю» [Там же: 11]. Теория обучения русскому языку была дополнена новым типом орфограмм и еще одной их классификацией. По подсчетам автора, нулевые орфограммы составляют 25 % от общего количества орфограмм, изучаемых в школе, чем доказывается целесообразность их выделения и обсуждения в школьном курсе русского языка. Вопреки распространенному мнению, ученый предлагает ввести в широкую практику обучения русскому языку понятие «поле орфограммы», понимая

под ним пространство, необходимое для совершения орфографического действия. В монографии рассказывается о результатах школьных и вузовских экспериментов, доказавших, что знакомство с понятием «поле орфограммы» позволяет учащимся в 3–7 раз успешнее овладевать правописными навыками.

Внимание не только к орфографическому оформлению, стороне выражения школьного учебного текста, но и к содержательной его стороне — еще один фокус методической мысли исследователя. Вслед за Л. В. Щербой и М. В. Пановым, В. Я. Булохов рассматривал орфографическую ошибку не только как явление, заслуживающее осуждения и полного искоренения, но и как оригинальное средство словесной экспрессии, языковой игры. В пособии «Экспрессивная орфография» (2001) он предложил для анализа интересные случаи намеренного искажения орфографического облика слова в текстах русских классиков (Пушкина, Чехова, Лескова, Астафьева). Например:

1. Почему М. Ю. Лермонтов в письме к А. А. Лопухину от 17 июня 1840 года одно и то же слово написал по-разному — **театр** и **феатр**?
2. Найдите орфографические ошибки в поэме В. Маяковского «Хорошо!». Потеряет ли что-то текст, если все слова написать правильно?⁵

В пособии предлагаются также задания на конструирование орфографических тропов:

1. В письме к товарищу совершите орфографическую ошибку с целью подшутить над ним и над собой.
2. В дневниковой записи выразите ироническое отношение к описываемым событиям, используя игру с орфографическими ошибками.
3. Напишите критическую заметку в стенную или электронную классную (школьную) газету и выразите свое негативное отношение к описываемому явлению средствами экспрессивной орфографии⁶.

Известное выражение «на ошибках учатся» в данном случае особенно актуально: с помощью экспрессивных орфографических написаний, нарушающих норму,

В. Я. Булохов предлагал развивать интерес к языку и учить творческому обращению с ним. В намеренном совершении ошибок ради шутки, ради остроумного высказывания, он видел высший уровень владения родным языком: «Если бы в школьных учебниках русского языка сообщалось о возможности сознательного совершения орфографических ошибок в целях создания художественного образа, то и в сочинениях учащихся, надеемся, иногда встречались бы подобные примеры. Многие школьники без страха, с интересом, творчески относились бы не только к нормам орфографии, но и к содержанию своих письменных работ...» [Булохов 2000: 92].

Как педагог, В. Я. Булохов предостерегал, однако, от чрезмерного увлечения орфографическими тропами: ошибки становятся приемом выразительности только в том случае, когда и пишущий, и читающий в совершенстве знают те нормы орфографии, от которых отступают. И советовал помнить о том, что шутить можно далеко не со всеми и не всегда [Булохов 2001: 46].

В предисловии к «Экспрессивной орфографии» автор признал некоторую экстравагантность заявленной проблемы и отметил, что находится в начале исследовательского поиска. Спустя двадцать лет лингвкреативная деятельность, в том числе и в области орфографии, стала одной из самых перспективных научных тем, и активно обсуждается сейчас филологами, но, к сожалению, среди них практически нет ученых-методистов. Идея В. Я. Булохова о том, что экспрессивной орфографии можно и нужно обучать в школе, еще не получила должного развития, но, как нам представляется, заслуживает внимания учителей.

О важности развития творческой составляющей при обучении языку в школе и вузе ученый размышлял постоянно. Он неоднократно пытался убедить коллег, что в качестве выпускной квалификационной работы на филологическом факультете и факультете начальных классов может выступать сборник рассказов и стихотворений, сочиненных студентом. Сам Виктор Яковлевич выпустил небольшую книжку своих новелл и стихов под названием «Сертификат, подтверждающий право автора преподавать русский

⁵ Булохов В. Я. Экспрессивная орфография. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 52.

⁶ Там же. С. 63.

язык и литературу» (2000), определив ее как свою «запоздавшую выпускную вузовскую работу».

«Учителя сами должны писать сочинения вместе со школьниками, что встречается крайне редко. Это похоже на то, если бы в медицинских вузах обучали студентов ставить диагнозы преподаватели, сами не поставившие ни одного диагноза и не вылечившие ни одного больного», — пишет он в 2007 г. в монографии «Писательская компетенция учащихся» [Булохов 2007: 226]. Здесь дается научное обоснование новому термину, выделяются ключевые писательские умения, которые, по мысли В. Я. Булохова, должны быть сформированы как у учителя, так и у ученика, описываются лингводидактические стратегии обучения сочинениям. Проанализировав богатый опыт школьных учителей, приведя много оригинальных приемов, с помощью которых учащиеся включаются в речетворческую деятельность, на первое место среди стимулов к высказыванию В. Я. Булохов ставит чувство удивления.

Как опытный преподаватель, он понимал, что ни курс методики обучения русскому языку, ни лингвистические дисциплины в вузе не ориентированы на формирование у будущих учителей-русистов необходимых умений по созданию (порождению) текста. И по инициативе В. Я. Булохова в учебном плане студентов-филологов появляется авторский спецкурс «Писательская компетенция», направленный не на изучение теории, а на постижение психологических механизмов порождения текста и создание собственных текстов.

Широта интересов ученого определила специфику его научно-методической школы, расцвет которой пришелся на начало 2000-х годов. Под его руководством был поставлен и исследовался круг вопросов обучения русскому языку с позиции теории речевой деятельности: учет модальности восприятия младших школьников при обучении орфографии; использование окказионализмов как средство развития связной речи обучающихся; приемы обучения школьников «переводу» экстралингвистической информации в текстовую; преодоление возникающих у школьников трудностей в понимании учебных текстов через использование приемов их лингвистической интерпретации.

Аспиранты и соискатели, среди которых О. А. Новикова, Ю. Р. Юденко, Н. В. Кулакова, М. А. Мошкина, М. В. Басалаева, помнят и оригинальность ученого в подходах к решению исследовательских задач, и его высокую требовательность к исполнению работы, но еще отмечают, что имя В. Я. Булохова как научного руководителя служило своеобразной гарантией высокого качества научной работы в глазах ученого сообщества.

Высокие требования к точности измерений и достоверности экспериментальных результатов — отличительная черта исследовательской манеры В. Я. Булохова. Его книги, различные по жанру, содержат ценнейший материал, собранный, структурированный и описанный с завидной тщательностью. Например, составленный им «Словарь ошибочных написаний школьников»⁷ включает более восемнадцати с половиной тысяч слов с ошибками, допущенными учениками самого педагога и учениками его коллег. Такой объем материала впечатляет, особенно если учитывать тот факт, что сбор его происходил еще в так называемую доцифровую эпоху, т. е. до того, как ученым стали доступны не только лингвистические корпусы, но и элементарные сегодня технологические «помощники» — сканеры, поисковики, синтезаторы речи.

Столь же скрупулезно В. Я. Булохов относился к методическим приемам: собирал их, описывал, систематизировал и сопоставлял. В пособии «Сто разновидностей диктантов»⁸ он предложил собственную классификацию, применив по отношению к диктантам понятие «поле» и рассматривая данный вид упражнения в качестве «полевой структуры»: в центре ядра находится слуховой диктант, диктуемый учителем и фиксируемый на письме школьниками, а по мере трансформации этих условий диктанты (выборочный, взаимодиктант, свободный, зрительный, графический и пр.) распределяются от центра ядра к его границе, а затем по периферии поля. Такой демократичный подход по достоинству оценен многими учеными-методистами и практиками,

⁷ Булохов В. Я. Словарь ошибочных написаний школьников. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 378 с.

⁸ Булохов В. Я. Сто разновидностей диктанта. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1994. 72 с.

что подтверждается частым использованием этой классификации в исследованиях современных авторов.

Заключение. Практически во всех работах В. Я. Булохова получили развитие характерные для конца XX в. антропоцентрический и экспериментальный подходы. Исследователь обратился к ним в силу естественных причин, оттолкнувшись, в первую очередь, от собственного, весьма обширного и сложного педагогического опыта, что делает его наблюдения и выводы особенно ценными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булохов В. Я. Автобиография. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 124 с.
2. Булохов В. Я. Межполовые различия орфографической грамотности учащихся. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 1999. 104 с.
3. Булохов В. Я. Орфограмма в зеркале лингводидактики. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2010. 120 с.
4. Булохов В. Я. Писательская компетенция учащихся. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. 256 с.
5. Булохов В. Я. Повышение орфографической грамотности учащихся (в свете теории

речевой деятельности). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1993. 184 с.

6. Булохов В. Я. Роль орфографических ошибок в создании художественного образа // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / под ред. А. П. Сковородникова. Вып 1 (9). Красноярск: КГУ, 2000. С. 90–92.

REFERENCES

1. Bulokhov V. Ya. Autobiography. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafyev, 2002. 124 p. (In Russ.)
2. Bulokhov V. Ya. Gender differences in students' spelling literacy. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafyev, 1999. 104 p. (In Russ.)
3. Bulokhov V. Ya. An orthogram in the mirror of linguodidactics. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafyev, 2010. 120 p. (In Russ.)
4. Bulokhov V. Ya. Students' writing competence. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafyev, 2007. 256 p. (In Russ.)
5. Bulokhov V. Ya. Improving students' spelling literacy (on the basis of the speech activity theory). Krasnoyarsk: KSU, 1993. 184 p. (In Russ.)
6. Bulokhov V. Ya. The role of spelling errors in the creation of an artistic image // Speech communication: Bulletin of the Russian Rhetorical Association / ed. by A. P. Skovorodnikov. Issue 1 (9). Krasnoyarsk: KSU, 2000. P. 90–92. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Галина Сергеевна Спиридонова, кандидат филологических наук, доцент

Юлия Романовна Юденко, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета начальных классов

Galina S. Spiridonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Yuliya R. Yudenko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Dean of the Faculty of Primary Classes

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 05.03.2023.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-38-44>

Символика белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем»: лингвокультурологический аспект

Олег Евгеньевич Вороничев¹, Анастасия Олеговна Вороничева²

¹ Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия, voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

² Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Россия, nastycrow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0154-3844>

Аннотация. Стихотворение Роберта Рождественского «Кладбище под Парижем», несмотря на то что его автор жил в эпоху распространения идей научного атеизма, представляет собой художественный опыт осмысления Гражданской войны как евангельского греха братоубийства. Цель статьи – проанализировать текст произведения в лингвокультурологическом аспекте. Исследование проводилось с применением следующих методов: историко-генетического, описательного, метода наблюдения над стилистическими функциями языковых единиц и методов нарративного, семантического, компонентного и лингвостилистического анализа. В результате были проанализированы выступающие в роли главного объекта исследования слова и устойчивые сочетания, при помощи которых автор передает семантические оттенки белого цвета и создает необходимый для их контрастного восприятия контекстуальный фон. Доминантным лексическим репрезентантом семантики белого цвета в стихотворении Р. Рождественского является прилагательное *белый*, неоднократно повторяемое в разных грамматических формах. Экспрессивный эффект при восприятии произведения достигается прежде всего органичным сочетанием двух основных узусных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) ключевого слова с контекстуальными семантическими оттенками 'цвет савана', 'цвет одежд ангелов, святых' и актуализацией закрепленных за этим цветообозначением концептуально значимых для русского менталитета ассоциативно взаимосвязанных тем смерти и святости. Лингвокультурологическая значимость в тексте лексической доминанты *белый* и ее семантических оттенков усиливается с помощью однокоренного наречия *добела*, ассоциативно близких обозначений *березовый*, *облака*, *свечи* и других тематически взаимодействующих с ним слов и выражений. Авторы приходят к выводу, что семантика белого цвета в стихотворении «Кладбище под Парижем» выполняет текстообразующую и смыслообразующую функции, поскольку создает общую эстетическую тональность произведения и в значительной степени помогает объективно оценить авторский замысел и его художественную реализацию в тексте.

Ключевые слова: белый, цвет, семантика, лексический, стихотворение, Р. Рождественский, «Кладбище под Парижем»

Для цитирования: Вороничев О. Е., Вороничева А. О. Символика белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем»: лингвокультурологический аспект // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 38–44. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-38-44>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

White colour symbolism in the poem "A Cemetery near Paris" by R. Rozhdestvensky: a linguoculturological aspect

Oleg E. Voronichev¹, Anastasia O. Voronicheva²

¹ The Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia, voonid@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

² The Bryansk State Engineering and Technological University, Bryansk, Russia, nastycrow@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-0154-3844>

Abstract. Robert Rozhdestvensky lived in the era of scientific atheist propaganda. Nevertheless, his poem "A Cemetery near Paris" is an artistic experience of understanding a civil war as the evangelical sin of fratricide. The article aims to analyse the poetic text from a linguoculturological perspective. The study used historical-genetic, descriptive methods as well as the method of observation of the stylistic functions of linguistic units in conjunction with narrative, semantic, componential, and linguo-stylistic analysis. We examined the words and set phrases that act as the main object of this study. Using them, the poet conveys the semantic shades of white and creates the contextual background necessary for their contrastive perception. The adjective *white* is the dominant lexical means representing the white colour semantics in the poem by R. Rozhdestvensky. Its different grammatical forms repeatedly occur in the text. The expressive effect in the perception of the work is achieved primarily through a natural combination of two main usual lexico-semantic variants (LSV) of the keyword with the contextual semantic connotations 'colour of the shroud', 'colour of the robes of angels, saints'. In addition, such an effect is also created by actualising the themes of death and holiness which are conceptually significant for the Russian mental linguistic consciousness. These interrelated concepts are associated with the colour *white*. The linguoculturological significance of the dominating lexical unit *white* and its shades of meaning in the text is enhanced with the help of the same root adverb *dobela* (English *until it is spotlessly clean*). Other means include associatively related designations *birch, clouds, candles* as well as words and expressions thematically interacting with the lexeme *white*. We conclude that the semantics of the colour white in the poem "A Cemetery near Paris" performs text-forming and semantic functions since it creates a general elegiac tone of the work and considerably helps to objectively evaluate the message of the poet and how it is artistically conveyed in the text.

Keywords: white, colour, semantics, lexical, poem, R. Rozhdestvensky, "A Cemetery near Paris"

For citation: Voronichev O. E., Voronicheva A. O. White colour symbolism in the poem "A Cemetery near Paris" by R. Rozhdestvensky: a linguoculturological aspect. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(2):38–44. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-38-44>.

Введение. Несмотря на то что стихотворение «Кладбище под Парижем» было написано Р. Рождественским в конце 70-х гг. XX в., оно воспринимается и сегодня как пронзительное лирическое откровение русского человека, душа которого проникнута элегическим настроением и состраданием к соотечественникам, покоящимся вдали от Родины.

Стихотворение, автор которого жил и творил в эпоху пропаганды идей научного атеизма, по сути, представляет собой художественное, весьма актуальное в наши дни осмысление Гражданской войны как евангельского греха братоубийства, способствует осознанию ее трагизма и в конечном счете воспринимается как подтекстный призыв к милосердию и примирению.

Актуальность тематики и мастерство автора в создании лирической ностальгически скорбной тональности этого произведения не могут оставить читателя равнодушным. Поэтому в СССР и в эмигрантских кругах реакция на первую публикацию стихотворения (в 1984 г. в журнале «Юность») была далеко не однозначной: потомки эмигрантов

не приняли текст из-за слов *Только не наши они, а ничьи* (первая редакция: *Только не наши скорей, а ничьи*).

В данной статье на основе анализа цветовой семантики стихотворения как его синергетического центра мы попытаемся оценить общий замысел, главную идею, архитектуру произведения и доказать, что в текст органично входит и эта, негативно воспринятая эмигрантами, строка.

Методы исследования. В работе использованы метод наблюдения над стилистическими функциями языковых единиц, описательный метод, методы нарративного, семантического, компонентного, лингвистического анализа и историко-генетический метод.

Анализ. Данный лингвокультурологический анализ с использованием элементов методологического аппарата лингвистической и психолингвистической априорно не может претендовать на полную объективность. Еще Л. В. Щерба в «Опытах лингвистического толкования стихотворений» подчеркивал, что все такого рода «семантические наблюдения могут быть только

субъективными» [Щерба 1957: 28]. Тем не менее объективным остается то, что «цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей... Но языковая концептуализация различна в разных культурах... Язык отражает происходящее в сознании, а не в мозгу, наше же сознание формируется, в частности, и под воздействием окружающей нас культуры» [Вежбицкая 1996: 238–239]. По мнению Е. В. Рахилиной, «за базовым цветом, как правило, всегда стоит некоторый концепт, а не просто часть спектра, и именно он, а не физический цвет определяет сочетаемостные возможности базового прилагательного цвета» [Рахилина 2011: 35].

Если исходить из этих объективных факторов, то при исследовании цветовой семантики в тексте Рождественского в первую очередь обращает на себя внимание лексема *белый*, которая является не только ключевой в данном стихотворении, но и одним из лексических концептов, составляющих русскую языковую картину мира и, в частности, лингвоцветовую картину мира (термин К. А. Андреевой [Андреева, Электронный ресурс]). Несмотря на всю неоднозначность терминов *концепт* и *лексический концепт*, вряд ли кто-либо станет отрицать, что у слов-цветообозначений в русском языке особая концептуальная значимость, сопоставимая «пожалуй, лишь со статусом терминов родства» [Фрумкина 1984: 4]. Одним из подтверждений значимости слов данной лексико-семантической группы является их реализованная в языке способность к конверсии: прилагательные *белый, черный, красный, голубой, коричневый, зеленый* активно выступают сегодня в роли субстантивов.

Весь текст — уже с первой строки — будто бы пронизан белизной, и этот экспрессивный эффект достигается главным образом посредством многократного повтора лексической доминанты *белый*, выступающей в разных грамматических формах: *белая церковка, белая гвардия, белое воинство, белая кость, на белом коне* и др.). Этот эффект усиливают однокоренные слова (*камень дождями изрыт добела*) и непрямые, ассоциативно близкие обозначения белого цвета: *свечи, березовый отсвет, облака*. В фонике ощутима аллитерация [б]: с ключевыми лексическими единицами

с корнем *-бел-* тесно взаимодействуют слова *доблесть, кладбище, штабс-капитаны, буквы, благородия, забытые, бывшие, победившую, березовый* и др. Эта аллитерация особо акцентирована в финале: *облака, будто белые...*

У лексемы *белый* в современных толковых словарях зафиксированы следующие значения и семантические оттенки:

1. Цвета снега или мела; противоп. черн. Белый. Белая береза. 2. Светлый. Белое вино. Б. хлеб. 3. Контрреволюционный, белогвардейский (употр. со времен Великой французской революции, когда обозначало сторонника Бурбонов); противоп. красный. Б. офицер. Белая гвардия // в знач. сущ., преимущ., мн. белые, -ых. Белогвардейцы. В плену у белых. 4. Белокожий (о расе, в отличие от краснокожих и т. д.). Белая раса¹.

Субстантиват *белый*, отмеченный в словаре Д. Н. Ушакова в качестве семантического оттенка, в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (СОШ) выделен как имеющий самостоятельное значение², а в словаре Т. Ф. Ефремовой признан омонимом (одним из шести в гнезде). В то же время анализируемое нами цветообозначающее прилагательное *белый* зафиксировано в словаре Т. Ф. Ефремовой с тремя дополнительными переносными разговорными семантическими оттенками:

Очень бледный от страха, испуга, болезни и т. п. // Светло-русый, белокурый. // Седой —

и четырьмя ЛСВ (преимущественно переносными), не отмеченными словарями Ушакова и СОШ:

4. перен. Ясный, светлый (о времени суток). 5. перен. Не заполненный текстом, рисунком; неисписанный, чистый (о листе бумаги). 6. перен. Незапятнанный, нравственно безупречный. 7. Употр. как постоянный эпитет в народно-поэтической речи³.

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I: А–Г / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ГИСЭ, 1935. Стлб. 121.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. С. 43 (СОШ).

³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. I: А–Л. М.: АСТ, 2006. С. 148.

Спектр ЛСВ и семантических оттенков (последние, не столь интересные нас в рамках данной статьи, детально рассматриваются в БАС⁴) прилагательного *белый* могут быть дополнены дефиницией, помеченной в МАС как устаревшая и диалектная:

Чистый. *Белая горница. Белая половина (в избе)*⁵.

Этот ЛСВ (4-й в МАС) сближается с 7-м в словаре Ефремовой, что обусловлено общим источником — закрепленным при восприятии белого цвета в сознании народа и закономерно отраженным в народной поэзии и разговорно-бытовой фразеологии ореолом чистоты и непорочности.

На вопросы, что представляло собой Белое движение и почему во время Гражданской войны в России так обобщенно назывались все вооруженные формирования, организованно противодействовавшие Красной Армии, вполне убедительным представляется ответ историка В. Ж. Цветкова: «В 1917 году... белый цвет... ассоциировался с монархией. Это было связано отчасти с историей Франции, где королевским гербом Бурбонов была белая лилия...» В период Гражданской войны «термин “Белое движение” почти не употреблялся самими “белыми”. <...> В зарубежье... участники Белого движения стали определять себя “белыми” больше с психологической, социокультурной позиции», поскольку «на чужой земле, в другой стране надо было сохранить себя не просто как русских людей, но как сторонников определенной системы ценностей, за которые они отдавали жизнь во время Гражданской войны» [Пушаев, Электронный ресурс].

Глубина замысла автора, использующего лексику семантической группы «Белый цвет», может быть постигнута и оценена лишь с учетом того, что с белизной в русском сознании и языке концептуально связаны три основные темы: 1) святость и нравственная чистота (белые одежды святых, белые ризы, белые крылья ангелов);

2) невинность и непорочность (белая фата, белое платье невесты); 3) смерть (белый саван).

При создании стихотворения для Р. Рождественского, с нашей точки зрения, были наиболее значимы два из названных выше семантических аспектов ментального восприятия белого цвета, тесно взаимосвязанных в сознании носителей русского языка. Опираясь на текст, логично предположить, что автор мог ассоциативно воспринимать (скорее на интуитивном уровне, ведь ему, как всякому эрудированному человеку, были хорошо известны библейские сюжеты) Гражданскую войну как евангельский грех братоубийства. Следовательно, и людей, ставших ее жертвами — павших на фронтах в 1918–1920 гг. или скончавшихся в эмиграции (их, тосковавших по родине, но погребенных в чужой земле, тоже можно причислить к жертвам братоубийственной войны), — поэт мог подсознательно воспринимать как мучеников, уверовавших в святость Белого движения и остававшихся преданными ему до конца. Тогда и символический цвет савана, ассоциативная связь с которым осуществляется в тексте с помощью наречия *добела* (*Камень дождями изрыт добела*) и авторской незамкнутой элементарной метафорической конструкции [Левин 1998: 457–459] *Березовый отсвет покоя*, неразрывно связан у поэта с цветом крыльев (*Белая стая*) и одежд ангелов и святых мучеников.

Если сравнить этот текст, например, со стихотворением «Береза» С. А. Есенина, то в последнем очевидна актуальность 2-го из основных тематических аспектов восприятия белого цвета в русской языковой картине мира: невинность, девственная чистота. Эту узкую семантику органично дополняет авторский семантический оттенок ‘восхищающая совершенством красота природы’, контекстуально поддерживаемый словами *береза, серебро, снег, снежный*. Тот же семантический аспект (с окказиональным оттенком «совершенная красота, слепящая глаз рафинированной белизной, ярко выделяющейся даже на белом фоне») акцентирован в строке: *На белом белая белеет* — стихотворения И. Северянина «Дым льда».

Чтобы усилить элегическую экспрессию, Рождественский прибегает к синтаксическому параллелизму и лексическому повтору.

⁴ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. I: А–Б. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 378–388 (БАС).

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. Т. I: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. С. 78 (МАС).

Наряду с ключевым словом *белый* поэт повторяет контекстуально связанные с колоративом лексемы и выражения: *я, бывшие, свои, наши, пусть, здесь похоронены, не стало*.

Композицию стихотворения, написанного четырехстопным дактилем, можно рассматривать как кольцевую, поскольку, чтобы подчеркнуть святость места успокоения соотечественников, искренне веривших в святость Белого движения (впоследствии не только «реабилитированного», но и отчасти восторжествовавшего, не случайно сегодня герб и флаг России — те же, что были у белогвардейцев), поэт в начале текста описывает церковь (*Белая церковка*) и в последнем четверостишии употребляет ее синекдохическое наименование: *В небе — российские купола*.

Во 2-й строфе поэт мастерски использует бессоюзие и перечислительные ряды попарно соединенных союзом *и* однородных членов: в первых двух строках — метафорические (перифрастические), в двух последних — в большей степени контекстуально-антонимические, которыми обозначен широкий диапазон различных статусов и званий русских офицеров, дворян, покоящихся на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (от низшего юношеского — гардемарины и юнкера — до высоких «зрелых»: штабс-капитаны и полковники):

Здесь похоронены сны и молитвы.

Слезы и доблесть. «Прощай!» и «Ура!».

Штабс-капитаны и гардемарины.

Хваты полковники и юнкера.

Читатель всё сильнее проникается эстетическим настроением автора — состраданием и милосердием к соотечественникам, которые покоятся в чужой земле, и начинает постигать главную идею произведения — христианского всепрощения. Р. Рождественский постепенно подводит к мысли, что время и переоценка ценностей, искренняя вера в святость Белого движения, неизбывная, мучительная тоска по Родине и, наконец, смерть на чужбине наших, русских людей должны примирить два некогда враждебных стана: объединенные любовью к России сыны и дочери одного народа («красные» и «белые») в равной степени достойны уважения и памяти потомков. Сегодня, в постсоветское время, эта идея уже далеко не нова и вполне

очевидна, но заметим, что Рождественский, советский поэт, талант которого превзошел по силе его прокоммунистические убеждения и позволил еще в брежневскую эпоху прочувствовать назревшую необходимость такого примирения, одним из первых остро обозначил проблему и выразил ее с поразительной художественной силой.

Осознанию главной идеи во многом способствует и используемый в 3-й строфе обобщенно-качественный перечислительный ряд с лексическим повтором: *белая гвардия, белая стая, белое воинство, белая кость*. Мы видим, что доминантный цветовой признак подвержен определенной градации: за узуальным, с наименее яркой контекстуальной коннотацией военно-терминологическим сочетанием *белая гвардия* следует романтически возвышенная двучленная метафора *белая стая*, затем — книжное, в большей степени конфессиональное (характерное для таких жанров, как молитва, в том числе заупокойная, благословение и т. д.) выражение *белое воинство*. Замыкает эту градационную последовательность, призванную создать в восприятии читателя образ рафинированной белизны, метафорическое обозначение благородства — *белая кость*. А завершает строфу авторская антитеза: *Русские буквы. Французский погост...*

Следующие четыре строфы, в обрамлении двух интонационно-логических пауз, содержат основную часть (микротему) текста. Первое четверостишие в этой кульминационной части начинается строкой: *Я прикасаюсь ладонью к истории* — и заканчивается словами: *О, как же хотелось им в первопрестольную / Въехать однажды на белом коне*. В последней строке ключевое слово *белый* органично вписывается в текст, обретая новый яркий семантический оттенок: поэт употребляет эту лексему во фразеологически связанном значении, которое реализуется в крылатом изречении, восходящем к античной истории: *въехать (в город) на белом коне* — «войти победителем, триумфатором».

Вершиной кульминации стихотворения следует признать строфу:

Как они после — забытые, бывшие, —

Все проклиная и нынче, и впредь,

Рвались взглянуть на нее — победившую,

Пусть — непонятную, пусть — непростившую,

Землю родимую! И — умереть... —

которая следует за словами: *Только не наши они, а — ничьи...* — негативно воспринятыми эмигрантами. С нашей точки зрения, эта преамбула к кульминационной строфе, где наиболее остро выражено сострадание поэта к лежащим в чужой земле соотечественникам, вполне гармонирует с общей лирической тональностью и архитектурной тексты, так как создает тяжелое, гнетущее ощущение неприкаянности, бесприютности, вселенского одиночества, помогает в полной мере осознать, насколько трагичны, безысходны жизнь и смерть вдали от Родины.

Заключительную строфу поэт, используя прямые и косвенные наименования белого цвета (*белые, облака, березовый*), строит таким образом, чтобы достичь в финале максимального усиления экспрессивного эффекта белизны. Строфа пронизана тональностью умиротворения, мудрого элегического созерцания вечного приюта своих, русских, заброшенных на чужбину бурным лихолетьем революции и Гражданской войны. Эта строфа, как и весь текст, продиктована чувством сострадания, и мы видим в ней подтекстный призыв автора к милосердию и христианскому всепрощению. Непрямое обозначение белого цвета *березовый* (напомним, что береза является ментальным поэтическим символом России) в авторской незамкнутой метафорической конструкции *березовый отсвет покоя* используется как напоминание о том, что вопреки вызывающей острое ностальгическое сопереживание временной и пространственной отделенности от родины покоящихся здесь соотечественников астральная и духовная связь их с Россией все-таки полностью не утрачена. Намек на нее содержится и в строке: *В небе — **российские** купола*, — которая напоминает также о высшем, самом справедливом судии (слово *небо* совмещает прямое значение с перифрастическим «Бог»), заповедовавшем быть милосердными, и в то же время подчеркивает святость этого места, которое стало последним приютом русских эмигрантов, заслуживших своей любовью к Родине и жизнью и смертью на чужбине как мученическим искуплением всех грехов светлую память потомков. В последних двух строках:

И облака, будто *белые* кони,
Мчатся над Сан-Женевьев-де-Буа —
использование ключевого слова *белый* в составе сравнительного оборота и аллитерация звука [б] способствуют усилению общей для данной строфы тональности умиротворения. Эти слова, переключаясь с последними двумя строками 4-й строфы:

Как же хотелось им в Первопрестольную
Въехать однажды на белом коне, —

ассоциативно воспринимаются как прощальное пожелание соотечественникам, заветная мечта которых навсегда осталась несбывшейся, покоиться с миром.

Выводы. Изложенные в данной статье результаты лингвокультурологического анализа роли и характера семантики белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем» дают основания сделать вывод, что она выполняет текстообразующую и смыслообразующую функции, поскольку создает лейтмотивную элегическую тональность произведения и одновременно — в соответствии с авторским замыслом — в значительной степени помогает постичь и объективно оценить идейно-художественное содержание текста. Доминантным лексическим репрезентантом семантики белого цвета в стихотворении поэта является ключевое, неоднократно повторяемое в разных грамматических формах слово *белый*. Экспрессивный эффект при восприятии произведения достигается органичным совмещением двух основных узусальных ЛСВ этого прилагательного — ‘контрреволюционный, белогвардейский’ и ‘незапятнанный, нравственно безупречный’ — с семантическими оттенками ‘цвет савана’, ‘цвет одежд ангелов, святых’ и актуализацией закрепленных за этим ключевым цветообозначением концептуально важных для русского менталитета, ассоциативно взаимосвязанных тем — смерти и святости. Лингвокультурологическая значимость в тексте как самой лексической доминанты *белый*, так и ее семантических оттенков усиливается с помощью значения однокоренного наречия *добела*, ассоциативно близких обозначений *свечи, березовый, облака* и других тематически тесно взаимодействующих с ним слов и выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева К. А. Лингвоцветовая картина мира и диалог культур [Электронный ресурс]. URL: <http://irgf.utm.ru/last/No11/text07.htm> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание*. М.: Русское слово, 1996. С. 231–291.
3. Левин Ю. И. Структура русской метафоры // *Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457–463.
4. Пущаев Ю. В. Белые в русскую гражданскую: кто они были и чего хотели. Беседа с историком Василием Цветковым 28.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/120195.html> (дата обращения: 19.01.2021).
5. Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета // *Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ* / отв. ред. д-р филол. наук А. П. Василевич. М.: URSS: КомКнига, 2011. 316 с.
6. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа). М.: Наука, 1984. 176 с.
7. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина // *Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.

REFERENCES

1. Andreeva K. A., Timofeeva A. M. The linguocolour picture of the world and the dialogue of cultures. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Gumanitarnye issledovaniya. Humanities = Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates. 2001;4:106–112 [Electronic resource]. URL: <http://irgf.utm.ru/last/No11/text07.htm> (accessed: 21.01.2021). (In Russ.)

2. Vezhbitskaya A. Colour designations and the universalities of visual perception. *Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian word, 1996. P. 231–291. (In Russ.)

3. Levin Yu. I. The structure of Russian metaphor. *Levin Yu. I. Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika = Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. P. 457–463. (In Russ.)

4. Pushchayev Yu. V. The Whites in the Russian Civil War: who they were and what they wanted. An interview with historian Vasily Tsvetkov. *Pravoslavie.ru*. 2019, March 28 [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/120195.html> (accessed: 19.01.2021). (In Russ.)

5. Rakhilina E. V. On the semantics of colour adjectives. *Naimenovaniya tsveta v indoevropeyskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz. = The names of colour in the Indo-European languages: Systemic and historical analysis* / A. P. Vasilevich (ed.). Moscow: URSS: KomKniga, 2011. 316 p. (In Russ.)

6. Frumkina R. M. Colour, meaning, similarity (aspects of psycholinguistic analysis). Moscow: Science, 1984. 176 p. (In Russ.)

7. Shcherba L. V. Experiments in the Linguistic Interpretation of Poems. I. Pushkin's "Recollection". *Shcherba L. V. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku = Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957. P. 26–44. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент

Анастасия Олеговна Вороничева, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Oleg E. Voronichev, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Anastasia O. Voronicheva, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>

Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Ирина Викторовна Якушевич

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, sa1107@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Аннотация. Статья посвящена номинациям вина, рыбы, мяса и первого блюда как компонентам пищевого кода в романе «Мастер и Маргарита». Знаковая природа и обусловленность национальным культурным наследием позволяет определить пищевой код как систему слов-символов. Цель исследования – соотнести символическое значение номинаций еды в христианском мировоззрении с их авторской интерпретацией. За единицу анализа взята лексико-семантическая группа с общей семой 'еда', где каждое слово является означающим «А» символа. Означающее вербализовано в ближайшем контексте в виде слова, словосочетания, предложения и обозначено буквой «Б». Результатом исследования является система символов-дублеров, чье означающее многократно варьируется в словах разных лексико-семантических групп, а означаемое остается общим и представлено всего четырьмя символическими значениями: 1) 'смерть или болезнь'; 2) 'человек и его душа'; 3) 'порок'; 4) 'жертва'. Кроме символов-дублеров символический смысл в тексте маркируют слова с диффузным значением, скрытые в тексте фразеологизмы, градационные однородные ряды, семантический параллелизм предложений, библейские аллюзии на тему трапезы. Такая продуманная символическая система передает главный смысл приезда Воланда в Москву – наказание порока, когда «каждому будет дано по его вере».

Ключевые слова: пищевой код, символ, лексико-семантическая группа, означающее, означаемое, символическое значение, символ-дублер, библейская аллюзия

Благодарности: выражаю благодарность А. В. Бекетовой.

Для цитирования: Якушевич И. В. Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 45–57. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov

Irina V. Yakushevich

Moscow City University, Moscow, Russia, sa1107@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Abstract. The article considers wine, fish, meat, and the main dish names as components of the food code manifested in the novel "The Master and Margarita". The food code can be defined as a system of words-symbols due to its semiotic nature and dependence on the national cultural heritage. The research aims to correlate the symbolic meaning of food names in the Christian worldview with their interpretation suggested by the writer. The unit of study is the lexical-semantic group (LSG) with the common seme 'food'. Each word in this LSG is the signifier "A" of the symbol. The signified is verbalised in the immediate context in the form of a word, phrase, or sentence and is marked with the letter "B". The result of the study is a system of double symbols. Their signifier varies substantially in the words belonging to different lexical-semantic groups. The signified of such double symbols remains unchanged and is represented by only four symbolic meanings: 1) 'death or illness'; 2) 'man and his soul'; 3) 'vice'; 4) 'victim'. In addition to double symbols, the symbolic meaning in the text is expressed by words with a vague meaning, phraseological units concealed in the text, climax homogeneous series, semantic sentence parallelism, biblical allusions to the repast theme. This elaborate symbolic system conveys the key point of Woland's arrival in Moscow, i. e. punishing vice when "it will be given to each one according to his faith".

Keywords: food code, symbol, lexical-semantic group, signifier, signified, symbolic meaning, double symbol, biblical allusion

Acknowledgements: I express my gratitude to A. V. Beketova.

For citation: Yakushevich I. V. The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):45–57. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

Введение. Понятие культурного кода широко используется в лингвистике, поскольку языковое декодирование феноменов национальной культуры, к которым принадлежит и знаменитый роман М. А. Булгакова, — одна из приоритетных современных исследовательских задач. Изучение пищевого кода в отечественном языкознании восходит к этнографическим трудам И. П. Сахарова и Д. К. Зеленина¹. Современная лингвокультурологическая и этнолингвистическая интерпретация культурного кода отражена в работах Н. И. Толстого [Толстой 1982], С. М. Толстой [Толстая 2007], Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой [Гудков, Ковшова 2007], В. В. Красных [Красных 2003] и др.²

Культурный код в самом обобщенном и простом понимании этого термина — «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова 2007: 9]. Признание культуры семиотической системой [Лотман 2007: 31, 32] и знаковая природа культурного кода неизбежно отправляют нас в область семиотики. В данном исследовании мы понимаем под пищевым кодом художественного текста знак, который имеет означающее в качестве материального носителя и означаемое — некий смысл, приписываемый означающему. В схеме культурного

кода Н. И. Толстого такая структура соответствует логическому субъекту и предикату [Толстой 1982]. С. М. Толстая указывает на двойственность означающего. С одной стороны, это вещный носитель кода: продукт питания, изображение снеди на картине, запах и, наконец, слово. Носителем вербального кода является звуко- или букворяд языковой единицы. С другой стороны, предметная (иначе «субстанциональная») природа культурного кода — «единицы смысла... которые соотносятся с разными материальными воплощениями этого смысла» [Толстая 2007]. Это не сама еда, а ее образ, понимаемый нами достаточно узко как ментальный результат чувственного восприятия предмета или явления [Жинкин 1964]. В такой интерпретации С. М. Толстая называет культурный код «концептуальным», т. е. означающее пищевого кода в тексте — это слово (или словосочетание) как единство звуко-буквенной (субстанциональной) оболочки и чувственного образа, а пищевым этот код мы будем называть именно в концептуальном смысле, подразумевая общее значение 'еда'.

Наличие прочной, обусловленной национальным мировоззрением связи означающего и символического значения и делает единицы языка носителями культурного кода [Красных 2003]. По нашему мнению, понятие культурного кода идентично понятию «символ» вообще и вербализованному символу в частности в силу знаковой структуры, гетерогенного вещного воплощения чувственного образа (графически, мимически, ритмически, вербально и пр.) и наличию вторичного, символического значения. Безусловно, речь идет не об одном символе, а о «системе взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [Карасик 2009: 4]. Цель исследования — рассмотреть номинации еды в романе «Мастер и Маргарита» как систему символов, соотнеся общекультурное символическое значение еды в дохристианском и христианском мировоззрении с ее трансформацией в авторском замысле М. А. Булгакова.

Методы и материалы исследования. Для анализа символической системы «еда» обратимся к семантико-семиотической структуре символа: А→Б [Якушевич 2012: 72–73].

¹ См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа / под ред. О. А. Платонова: в 2 т. М.: Институт русской цивилизации, 2013; Зеленин Д. К. Приготовление пищи // Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 116–160.

² См. также: Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.; Пименова М. В. Коды культуры и проблемы классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь, 2007. С. 79–85; Юрина Е. А. Словарь русской кулинарной метафоры: принципы отбора материала и структура словарной статьи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 70–78; Канелюшник Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 11–14; Маркина Л. В. О семантике бранных обозначений человека в современной диалектной коммуникации // Филологический сборник: в честь юбилея проф. Л. И. Осиповой. М.: ВивидАрт, 2015. С. 95–102.

Означающее А. В нашем исследовании означающее символа представлено лексико-семантической группой слов одной части речи, объединенных общей архисемой. Выбор именно этой единицы исследования соответствует двум свойствам культурного кода — гомогенности и системности, которые охватывают как означаемое, так и означающее [Толстая 2007]. Гомогенность лексико-семантической группы ‘еда, питье’ обеспечивается общностью указанных архисем, а системность — всей семантической структурой парадигмы. Для анализа мы выбрали только четыре лексико-семантические группы: «Вино и водка», «Рыба», «Мясо и птица», «Первое блюдо».

Означающее Б. Это результат древнего мифологического переосмысления означающего. Первое и самое главное символическое значение еды — ‘здоровье и жизнь’. Так, в русской пословице *Живем да хлеб жуем* значение слов *жить* и *жевать* сближается не только при помощи союза *да*, но и рифмы³. В ряде диалектных слов со значением ‘еда’ внутренняя форма обусловлена производящим корнем *-жи-*: *жизница* (‘средство для пропитания’), *жило* (‘перебродившее пиво, брага, тесто’), *житник* (‘пирог, хлеб, печенье, лепешка из ячменной муки’)⁴.

И в языческом, и в христианском мировоззрении частотно другое символическое значение — ‘еда как божья забота’. Эта мысль отчетливо звучит в русской пословице: *Даст Бог день — даст и пищу*⁵. В Псалме 103 прославляется Бог, который «произращает траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу» (Пс. 103:14)⁶. Как и что именно ест человек, служит в Библии показателем благочестия или, наоборот, греховности человека. Любая трапеза без думы о Боге и без благодарности ему за повседневную пищу, а также чрезмерное насыщение ею свидетельствуют о грехе. Напротив, воздержание от пищи

(например, в пост) говорит о нравственной добродетели⁷. Итак, второе значение символа «еда» — ‘почитание Бога’.

Третье значение противоположно первому: ‘еда как смерть’. На амбивалентную природу символа указывал П. Флоренский: единство противоположностей и есть истинное значение символа [Флоренский 1986: 125]. Гносеологическая природа символа такова, что посредством чувственного образа он стремится познать предельные границы неведомых для человека метафизических иррациональных начал — жизни и смерти — и поэтому в тексте может иметь противоположные значения [Якушевич 2012: 74]. В христианской традиции еда связана со смертью в том случае, если человек не чтит Бога, совершает грех (доминанта Ветхого Завета). В «Книге Иова» читаем: «Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим... то эта пища его в утробе его превратится в желчь аспидов внутри его» (Иов. 20: 14). Пророк Илия предсказал идолопоклонникам наступление засухи, которая принесет голод, и назвал это гневом Божиим (3 Цар. 17: 1). В русском языке связь сем ‘смерть’ и ‘еда’ следует, например, из этимологического значения слова *яд*, которое восходит к старославянскому *ъстѣ*⁸.

Четвертое значение — пища как жертва — является основополагающим символом Нового Завета: «Ибо плоть моя истинно есть пища, кровь Моя истинно есть питье» (Ин. 4:32). Вкушая хлеб и вино — символическое тело и кровь Христа, — человек становится сопричастным его жизни и смерти: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:10). Этимологически слова *жрать* и *жертва* являются однокоренными⁹.

Пятое значение антропоморфно: еда и питье в организме человека отождествлялись с ним самим. В Ветхом Завете

³ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. С. 118 (Жуков-1991).

⁴ Словарь русских народных говоров: в 49 т. / под ред. Ф. П. Филина. Т. 9: Ерепеня— Заглазеться. Л.: Наука, 1972. С. 172, 174, 190.

⁵ Жуков-1991. С. 44.

⁶ Здесь и далее цит. по: Библия онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 10.10.2022).

⁷ Словарь библейских образов / ред. Л. Райкена, Дж. Уилхоята, Д. Рейда. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 310–311 (СБО).

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1987. С. 18 (Фасмер-1987).

⁹ Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). С. 354.

частотны антропоморфные метафоры: *вино, кровь виноградных ягод* (Втор. 32:14); *кровь гроздов* (Быт. 49:1); *живот твой — круглая чаша, в которой не источается ароматное вино, чрево твоё — ворох пшеницы...* (Песн. 7:3). Итак, означаемое символа «еда» имеет пять значений: 1) «жизнь, здоровье»; 2) «почитание Бога», 3) «болезнь, смерть», 4) «жертва», 5) «человек».

Анализ. В тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» означаемое А пищевого кода-символа выражено словами той или иной лексико-семантической группы с общей семой «еда». Означаемое Б развернуто в «описательных формах» разного формата — от слова и словосочетания до сверхфразового единства [Халикова 2020: 52].

Вино. Слово *вино* самое частотное в романе, встречается 25 раз, *водка* — 17 и почти во всех случаях является либо предвестником болезни (смерти), либо кодирует тот или иной порок. За единицу описания символов возьмем фрагмент текста, где вербализованы и означаются А, и означаемое Б.

1. Вино мастера → «болезнь мастера». Перед тем как сжечь роман, мастер нашел бутылку белого *вина* (А), откупорил *ее* (А) и, стал пить *вино* (А) из горлышка. В этот момент мастер осознает свою болезнь: *Я лег заблевающим (Б), а проснулся больным (Б)...* *Со мной случилась беда (Б)...* *Я возненавидел этот роман, и я боюсь (Б). Я болен (Б). Мне страшно (Б).* Означаемое *вино* отождествляется с болезненным состоянием мастера, переданным словами *беда, боюсь, болен, страшно*. Симптомы болезни — искаженное страхом и судорогой лицо — не один раз возникают во время его разговора с Бездомным. М. А. Булгаков называет мастера *больным*, когда герой предстает перед Воландом в квартире № 50: *Больной (Б) опустил голову и стал смотреть в землю угрюмыми больными (Б) глазами.*

В этом же эпизоде и Маргарита пьет вино в решимости рассказать своему мужу об измене и уйти от него: *Я объяснюсь с ним завтра утром, скажу, что я люблю другого (Б), и навсегда вернусь к тебе.* Означаемое выражено предикативной частью *я люблю другого* и указывает на грех прелюбодеяния.

2. Пролитое вино → «рак и смерть Сокова». Буфетчик Соков в гостях у Воланда и его свиты в квартире № 50 опрокинул на

себя вино перед тем, как узнал, что болен раком: *Буфетчик... опрокинул себе на брюки полную чашу красного вина (Б).* Пролитое из чаши вино — древний эсхатологический ветхозаветный символ Божьего гнева: верша суд, Бог отправляет грешников на погибель, принуждая испить чашу¹⁰. Чуть позже Воланд предложит Сокову вина: *Чашу вина? (А) Белое, красное?* Упоминание вина в эпизоде с нечестным буфетчиком — предсказание его скорой смерти: *Умрет он (Б) через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени (Б) в клинике 1-го МГУ, в четвертой палате.* Означаемое *вино* и означаемое *умрет от рака* связаны между собой причинно-следственными отношениями по той же схеме, что и в примете.

3. Кровавая лужа вина → 1) «грех Пилата» (Б1); 2) «кровь (смерть) Иешуа» (Б2); 3) «вина Пилата» (Б3): *У ног прокуратора простиралась неубранная красная, как бы кровавая, лужа (А) и валялись осколки разбитого кувшина.* Во-первых, как и в предыдущих эпизодах, пролитое вино символизирует грех, который будет назван Иешуа и озвучен Пилату Аффранием: *...в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость (Б1).* Эпитет *кровавый (Б2)* многократно осложняет символ, подключая не только новозаветное значение смерти Христа как жертвы¹¹, но и значение вины: пролитая кровь убитого преследует убийцу до самой смерти (Иез. 35:6, Притч. 28:17, Мф. 27:24–25). В тексте романа это состояние выражено в сочетании *пала тоска (Б3)* и в несобственно-прямой речи прокуратора: *Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил (Б3).*

Две белые розы, утонувшие в красной луже, и разбитый кувшин — символы-дублиеры. Символом-дублером мы называем такой символ, у которого означаемое совпадает, а означаемое — разные перцептивные образы. В данном случае речь идет сразу о трех символах-дублерах, указывающих на смерть Иешуа: красное вино, разбитый сосуд и две белые розы. В Екклесиасте разбитый кувшин — антропоморфный символ человеческой смерти (Ек. 12:1–7). Красная роза в католической церкви традиционно

¹⁰ СБО. С. 1306.

¹¹ СБО. С. 567–568.

символизирует Христа. Белая же роза в античности считалась символом смерти и загробного мира. Недаром в Древнем Риме проходили розарии – весенний праздник роз, когда особенно почитали умерших и украшали их могилы¹². На этот праздник в Ершалаиме указывают стены роз на мраморной лестнице, сорванные и унесенные на балкон прокуратора цветы. Значение ‘смерть’ подчеркнуто четным числом роз и выражено словом *смерть* в устах Пилата: *Вы сами установили, что **смерть** (Б2) пришла?*

Но белые розы – это еще и христианское прощение, о котором в Книге пророка Исаии сказано как о превращении красного в белое: «Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут **грехи** ваши, как багряное, – как снег убелю...» (Ис. 1:18). Значение прощения есть в глаголе *не винит*, употребленном Иешуа и переданном Афранием Пилату: *...не **винит** (Б) за то, что у него отняли жизнь*. В своем сне прокуратор уверен, что *казни не было! Не было! (Б)*. Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны. Прощение даровано Пилату спустя 2 тыс. лет: за него уже *попросил (Б)* тот, с кем он так стремится разговаривать. В свете этого символического значения иначе воспринимается *белый плащ с кровавым подбоем*.

4. Цекубское вино Пилата и Афрания → ‘смерть Иуды’. Во время обеда после казни Иешуа Пилат и Афраний пьют вино, договариваясь об убийстве Иуды: *густое красное вино (А); прихлебывая вино (А); не отказался и от второй чаши вина (А); отлили немного вина (А)... в блюдо с мясом*. На фразу Афрания: *...это – не «Фалерно»?* – прокуратор отвечал: *«Цекуба», тридцатилетнее*. Замена М. А. Булгаковым вин не случайна: фалернское вино считалось янтарно-желтым [Афинея 2003: 39], в то время как цекубское – белым, но при длительном хранении приобретало огненный цвет, о чем писал древнегреческий врач Гален в трактате «О хороших и плохих соках». По всей видимости, М. А. Булгакову были важны и долгая выдержка, и кровавый цвет напитка, символизирующего смерть. Выпитое вино не просто означает убийство Иуды,

а предвосхищает его: между означающим и означаемым снова возникают причинно-следственные отношения. Означаемое выражено словосочетанием *бездыханное тело: **Бездыханное тело** (Б) лежало с раскинутыми руками*.

5. Вино жителей Ершалаима → 1) ‘смерть Иуды’; 2) ‘жертва’. Возвращаясь во дворец после убийства Иуды, Афраний заглядывал в окна жителей Ершалаима: он *мог видеть людей за столом, на котором лежало мясо козленка, стояли чаши с вином (А) меж блюд с горькими травами*. Означающее *чаши с вином* – символическая иллюстрация уже совершенного убийства Иуды. Жертвенный козленок – символ-дублер: Иуда был принесен в жертву поздно раскаявшемуся Пилату. В Библии рассказывается, что на Пасху каждая семья должна принести в жертву годовалого ягненка или козленка и его кровью помазать перекладину и косяк двери, а мясо испечь и съесть с пресным хлебом, не ломая костей животного (Исх.12).

6. Вино Воланда → 1) жертва; 2) ‘смерть и прах’. На балу в чаше Воланда, сделанной из черепа Берлиоза, – жертвенная кровь барона Майгеля. Это причастие наоборот: власть над душами доносчиков, предателей [Поздняева 2007: 100]. В Библии об этом сказано: «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа» (Втор. 12:23).

Однако Маргарита пьет уже превращенную в вино кровь: *Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья (А)*. Означающее выражено метонимическим перифразом *виноградные гроздья*. Это вино становится средством развенчания героини как королевы бала: вместо гостей она видит только прах: *Тление (Б2) на глазах Маргариты охватило зал, над ним потек запах склепа (Б2)*. Означаемое выражено словами *тление* и *склеп*, включающими сему ‘смерть’.

7. Водка Рюхина, Лиходеева, Босого, винный бассейн Воланда → ‘порок’. Водка в романе приобретает символическое значение ‘порок’, которое отражено и в Библии: «вино и напитки завладели сердцем их» (Ос. 4:11–12); «не упивайтесь вином» (Еф. 5:18); «Вино – глумливо, сикера – буйна, и всякий, увлекающийся ими, неразумен» (Притч. 20:1).

¹² Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1997. С. 140.

Рюхин пил водку в Грибоедове после того, как отвез Ивана Бездомного в клинику Стравинского и увидел, что его приятель совершенно здоров: *Рюхин всмотрелся в Ивана и похолодел... «...Зачем же мы, в самом деле, сюда-то его притащили? Нормален, нормален, только рожка расцарапана...»* Означающее символа заключено в обвинительных словах Бездомного, который назвал Рюхина *сволочью, вредителем, балбесом и бездарностью, типичным кулачком*. Оскорбления попадают в самое сердце Рюхина, и чувство вины потрясает его: *И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключается правда. 'Вина' — еще одно значение водки, как и в случае с вином Пилата, — включено как компонент в глагольные формы, описывающие состояние Рюхина: похолодеть, терзать, бормотать, отравленный (взрывом неврастении), заболевший (поэт), постаревший*. Авторское значение вины приобретает глагол *исправить*, объясняющий отчаяние и Пилата (*...он что-то безвозвратно упустил*), и теперь он упущенное *хочет исправить*), и Рюхина: *...пил рюмку за рюмкой, понимая и признавая, что исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть*. И в том и в другом случае чувство вины становится осознанием потери чего-то самого важного в жизни.

Водка (А) на похмельном столике Лиходеева оказалась во время встречи Степана Богдановича с Воландом и его свитой. Означающее этого символа — градиционный однородный ряд глаголов во фразе Коровьева, называющего проступки Лиходеева: *Вообще они в последнее время жутко свинячат (Б), пьянствуют (Б), вступают в связи с женщинами (Б), используя свое положение (Б), ни черта не делают (Б), да и делать ничего не могут (Б), потому что ничего не смыслят (Б) в том, что им поручено. Начальству втирают очки!* (Б) Обвинительный характер словам Коровьева и Бегмота придает лексика юридических документов, в частности жалоб: *пьянствовать, вступать в связь с женщинами, использовать свое положение*. Однако для свиты вся ситуация — фарс и шутовство, поэтому речь «обвинителей» перемежается просторечными словами и фразеологизмами: *свинячить, ни черта не делать, втирать очки*. Фарсовой является и пародия на Лиходеева — черный

кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб.

Винный бассейн на балу у Воланда — гротескный вариант упомянутой выше излившейся на грешников чаши. Эпитет *чудовищный* (размер), метафора *толща вина* усиливают авторскую гиперболу. В одном случае струя хлестала прямо из мраморной стены, а в другом — из пасти огромного Нептуна. Означающее отмечено очень длинным (и в этом смысле тоже гиперболизированным) однородным рядом, перечисляющим грешников на балу: *Маргариту... не заинтересовал ни один из королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравительниц, висельников, сводниц, тюремщиков и шулеров, палачей, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растений (Б)*.

8. Спирт (водка) → 'восстановление сил, духа'. Лишь в двух случаях вино в романе является «символом поддержания сил и жизни»¹³. После бала на ужине с Воландом и его свитой Маргарита пьет из стопки спирт, символическое значение которого мотивировано внутренней формой слова: *spiritus* — «дыхание, дух, душа»¹⁴. **Оживившаяся (Б) после водки (А); Живое (Б) тепло потекло по ее животу, что-то мягко стукнуло в затылок, вернулись силы (Б)**, как будто она встала после долгого освежающего сна. То же превращение происходит и с мастером, которого Воланд вернул Маргарите: *Больной взял стакан и выпил то, что было в нем (А), но рука его дрогнула, и опустившийся стакан разбился у его ног*. Автор не называет содержимое, но можно предположить, что это тот же самый спирт-водка, который некоторое время назад пила и Маргарита. Сначала небритое лицо его дергалось гримасой... *Не терзай меня, я тяжело болен... После того как мастер осушил второй стакан, его глаза стали живыми и осмысленными (Б)*. Означающее выражено однородными именными сказуемыми (*стали живыми и осмысленными*), причем второе уточняет смысл первого: *живыми* глаза стали от мыслительной работы, в противоположность предыдущей характеристике: *...он сумасшедшие* пугливо косился на огни свечей. Смысловой диссонанс вносит разбитый стакан, символизирующий

¹³ СБО. С. 140.

¹⁴ Фасмер-1987. Т. 4. С. 735.

смерть мастера (о символе «разбитый сосуд» мы писали выше). Дарованный Воландом мастеру и Маргарите покой мог наступить только через смерть героев.

9. Фалернское вино → 1) ‘смерть’ (Б1); 2) ‘восстановление духа’ (Б2). Фалернское вино — единственный амбивалентный символ. Его выбор объясняет Азазелло: *это то самое вино (А), которое пил прокуратор Иудеи*. Это означало уважение Воланда к роману, но в символическом контексте — смерть. О ней предупреждает *гробовая парча*, в которую был завернут *заплесневелый кувшин*. Означаемое выражено словом *конец*: *Дыхание его перехватило и он почувствовал, что настает конец (Б)*. Умирание мастера передано градацией света: сначала свет только исчезал *перед грозой*, потом начал *гаснуть* и, наконец, *все окружающее мастера в подвале окрасилось в черный цвет*. Интересно, что чернота характеризует не только потерю зрения, но и цвет фалернского вина, как его описывал Марциал: *И от фалерна у нас черным бы делался снег; То вдруг амфору подай с отстоявшимся темным фалерном* [Марциал 1968: 254, 327]. В «Пире мудрецов» Афиной упоминает, что в результате долгого хранения фалернское вино превращается в яд и сразу же вызывает потерю сознания [Афиной 2003: 47], а подарок Воланда был двухтысячелетней выдержки. Выпитые вторично капли вина преобразуют бессмертный дух героев: *Маргарита вздохнула, стала подниматься (Б); мастер поднялся, огляделся взором живым и светлым (Б)*.

Рыба. Рыба — древнейший антропоморфный символ, в языческих верованиях славян относилась к существам нижнего, водного, мира. Именно поэтому она была наделена хтонической символикой, обозначая душу умершего или нерожденного человека¹⁵. Так, в рязанской загадке жареная рыба отождествляется со смертью: *Верть, верть, / На черепочке смерть* [Садовников 1995: 87]. В псковской загадке о рыбе упоминаются дети: *Гнезда не заводит, / А детей выводит* [Там же: 249]. В ветхозаветных текстах рыба символизирует души людей, ждущих Божьего суда;

в новозаветных — души верующих в учение мессии, где невод — Царствие Небесное¹⁶. В лексико-семантическую группу «Рыба» входит 6 слов с корнем *-рыб-* и 37 видовых номинаций. Некоторые из них — названия изысканных ресторанных блюд: *порционные судачки, стерлядь кусками, осетрина, селедка, балычок (балык, метафора балыковые бревна), семга, лососина, карась*.

1. Рыба в Грибоедове и Торгсине → 1) ‘душа грешника’; 2) ‘порок’. Наибольшее количество номинаций рыбы встречается в описании ресторана Грибоедова и валютного магазина Торгсин. Грибоедов, сосредоточие всех благ и предмет зависти, имеет символическое значение Рая. Этот подтекст вносится изображением пойманного карася на одной из вывесок (‘рыба как душа в Царствии Небесном’): *На дверях первой же комнаты... виднелась крупная надпись «Рыбно-дачная секция», и тут же был изображен карась (А1), попавшийся на уд.* Только «рыбаком» этих душ-карасей является вовсе не Иисус, а Арчибальд Арчибальдович — директор ресторана, которого М. А. Булгаков характеризует словами, объединяющимися в текстовую тематическую группу «Мореплаватель»: *капитан, пират, флибустер, командир брига*. Сам ресторан Грибоедова автор четыре раза называет *бригом*, который Арчибальд Арчибальдович покидает последним. Он держит под мышкой два *балыковых бревна* — деталь, дублирующая символический смысл ‘душа’, скрытый в упомянутом выше предложении о карасе.

Вернемся к вывескам Грибоедова, перечисляющим блага, доступные писателям: творческий отпуск с названиями курортов и туристических достопримечательностей, квартира, бильярд и — как апофеоз — лучший в Москве ресторан. На символическую Царствия Небесного указывает название фокстрота «Аллилуйя», который был популярен в 1920–1930 гг. и который оркестр Грибоедова играет непосредственно перед известием о гибели Берлиоза. В булгаковском архиве сохранились ноты этого фокстрота¹⁷.

¹⁵ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 505.

¹⁶ СБО. С. 1017–1018.

¹⁷ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 191.

Однако символическое значение 'Царствие Небесное' оказывается фарсовым и приобретает значение — 'ад': *Словом, ад. И было в полночь видение в аду.* Кроме слова *ад*, на это значение указывают еще три детали. Во-первых, в личности Арчибальда Арчибальдовича есть нечто демоническое. Например, от слов директора ресторана *ну что с тобой сделать за это швейцар* так испугался, что *кожа на лице... приняла тифозный оттенок, а глаза помертвели.* Кроме того, Арчибальд Арчибальдович один понял, кто такие клетчатый и кот, и (не боясь пожара!) последним покинул здание. Во-вторых, оркестр играл один и тот же фокстрот и в Грибоедове, и на балу у сатаны, причем в обоих случаях ровно в полночь. В-третьих, описание блюд Грибоедова приходится на Страстную неделю, когда требовалось соблюдать строгий пост.

Особым антропоморфным значением наделен *рыбец* (А), который ест Рюхин, вернувшийся потрясенным из психбольницы, куда отвозил Бездомного. *Рыбец* — повинная душа самого Рюхина. Означающее *рыбец* обыгрывается имплицитным прямым значением слова *глотать*, описывающего состояние героя: *Поэт... стал что-то бормотать, нить, глотаю самого себя* (Б). В переносном значении *глотать* здесь — 'мучить, терзать (о чувствах)'¹⁸. *Рыбец* можно назвать дублиром вышеупомянутого символа *карась*, поскольку оба вида относятся к лучеперым рыбам из семейства карповых и ведут схожий образ жизни.

Как и Грибоедов, Торгсин — место «ловли» человеческих душ. Но если символика ресторана связана с чревоугодием, то Торгсин ассоциируется со стяжательством. Этот грех символически передан в эпизоде с лососиной: *Острейшим ножом, очень похожим на нож, украденный Левием Матвеем, он снимал с жирной плачущей розовой лососины (А) ее похожую на змеиную с серебристым отливом шкуру.* Именно слова *снимал* и *шкуру* воспроизводят в памяти читателя фразеологизм *снять шкуру* со значением 'жестоко обходиться, не щадить'.

Значение фразеологизма косвенно продублировано в фарсовой «речи» Коровьева: ... *он, видите ли, в парадном сиреновом костюме, от лососины весь распух, он весь набит валютой, а нашему-то, нашему-то?! Другая деталь также подтверждает сказанное: М. А. Булгаков сравнивает нож продавца лососины с ножом Левия Матвея, поскольку тот раньше был сборщиком налогов и сам выступал от лица власти, снимая последнюю шкуру с народа.*

Еще один скрытый фразеологизм транслирует антропоморфное значение символа «рыба» — *как сельди в бочке* (о большом скоплении людей). Люди (Булгаков не раз назвал их собирательным существительным *публика*) толпились у дверей магазина и внутри: *Сзади уже напирала и сердилась публика; Публика из ситцевого отделения повалила на этот крик; Публика стала окружать негодяев; Публика, сразу подняв отчаянный крик, шарахнулась из кондитерского назад.* Компонент фразеологизма *сельди* обыгран в двух эпизодах. Первый — поедание Бегемотом керченской бочковой селедки. Второй — когда *толстяк, беляя, повалился навзничь и сел в кадку с керченской сельдью (А), выбив из нее фонтан селедочного (А) рассола.* И в том и в другом случае селедка — символ человеческих душ, одержимых стяжательством.

2. *Селедка с зеленым луком Босого* → 1) 'Босой'; 2) 'порок'. Как и в предыдущем эпизоде, *селедка* — антропоморфный символ самого героя. Такая незначительная, на первый взгляд, деталь, как *зеленый лук*, которым была *густо посыпана* селедка, оказывается метафорой валюты, найденной службами в вентиляции сортира: *в пачке оказались не рубли, а неизвестные денги — не то синие, не то зеленые.* Порок, за который наказан Босой, озвучен чуть раньше Воландом: *Он — выжига и плут* (Б). Обвинительную ноту в предложение вносит авторское тире.

3. *Осетрина второй свежести* → 'рак и смерть Сокова'. Этот символ дублирует описанное выше значение символа «пролитое вино». Не понимая символического контекста, буфетчик удивлен, зачем вообще «артист» упомянул осетрину: *...я не по этому делу, и осетрина (А) здесь ни при чем...* Ответ Воланда вносит еще больше недоумения: *То есть, как это ни при чем, если она*

¹⁸ Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. 4-е изд. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (дата обращения: 23.10.2022) (Словарь-1999).

испорчена. Слова *испорчена* и *тухлая* имеют диффузное значение и характеризуют не только осетрину, но и обреченного буфетчика.

Мясо и птица. К группе «Мясо» относится 11 словоформ лексемы *мясо* и 11 — с корнем *-кур-*. Слово *филейчики* встречается 5 раз. По одному разу упомянуты блюда ресторана: *фляки господарские, куриные котлеты де-воляй, перепела по-генуэзски, дупеля, гарнишпы, бекасы, вальдишпы, кулики, дрозды*.

В Библии означающее ‘мясо’ имеет те же значения, что и еда (питье) вообще. 1. ‘Божья забота’ (то же значение и символа «вино»). 2. ‘Жертва’: в Ветхом Завете в основном речь идет о жертвенных домашних животных и птицах, в Новом Завете жертвой является Христос («Как овца, веден Он на заклание» (Деян. 8:32)). 3. ‘Человек, его душа’ — символическое значение, наиболее характерное для означающего ‘птица’, например: «Как охотничья птица в западне, таково сердце надменного...» (Сир. 11:30). Заметим, что в романе есть очень похожая фраза про Иуду, у которого за секунды до смерти *сердце (Б) стало прыгать, как птица (А) под черным покрывалом*. Другое библейское высказывание («Как птица, покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое» (Притч. 27:8)) также имеет аналог в романе: *Сонная и странная личность (Б) улетела из дому, как птица (А), не оставив по себе никакого следа*.

1. Мясо на столе жителей Ершалаима, на обеде Пилата и Афрания, обеде и ужине у Воланда → ‘жертва’. Во всех упомянутых эпизодах *мясо* имеет значение принесенной жертвы. Однако в каждом случае М. А. Булгаков варьирует прямое («предмет или живое существо, приносимые в дар божеству») и переносное значение жертвы («тот, кто пострадал или погиб от какого-либо несчастья»)¹⁹. Причем второе значение писатель связывает как с жертвой Христа, так и с любой другой человеческой жертвой — например, Иудой. Так, мясо годовалого козленка на столе жителей Ершалаима в пасхальную ночь важно рассматривать и как традиционную праздничную жертву (прямое значение), и как убийство Иуды, столь важное для

совести Пилата (переносное). Мясо, которое едят Пилат и Афраний, символизирует не только жертву Христа, но и гибель Иуды: *Красная лужа была затерта, убраны черепки, на столе дымилось мясо (А)*.

Мясо на столе у Воланда также имеет значение ‘жертва’. Но это иная жертва иному божеству — сатане. Буфетчик и наблюдал, как Азazelло (демон-убийца!) жарил мясо, и ел его: *...прожевывая душистое, сочное мясо (А), буфетчик едва не подавился и не упал вторично*. Причина тому — сова, «отметившая» крылом Сокова, — птица, которая у многих славян символизировала смерть. Более того, в разных фольклорных текстах сова в загробном Вырии — судья всех птиц, которые должны ей отчитаться о своих добрых и злых делах [Гура 1997: 568].

На ужине мессира мясо ела и Маргарита: *Маргарита утivilась текущим из него соком*. И в этом эпизоде мясо символизирует жертву, на которую пошла Маргарита ради любви, став ведьмой и отдав душу дьяволу. Как и в предыдущих примерах, мясо символизирует смерть героя: и мастера, и Маргариту после встречи с сатаной настигнет физическая смерть.

2. Дичь в Грибоедове, курица → ‘мертвый человек и его душа’. В контексте символического значения Грибоедова как ада многочисленные названия блюд из дичи реализуют антропоморфное эсхатологическое значение ‘души грешников’. Наиболее показателен эпизод, в котором один из гостей, узнав о смерти Берлиоза, вернулся к своему столику, выпил и закусил: *В самом деле, не пропадать же куриным котлетам де-воляй? (А) Чем мы поможем Михаилу Александровичу? (Б) Котлеты де-воляй символизируют умершего Берлиоза, который за несколько минут до своей смерти видел Коровьева с ушками... как куриные перья (А)*.

Слово *курица* не раз встречается в эпизоде изгнания из квартиры № 50 дяди Берлиоза: Поплавский и брошенная вслед за ним жареная курица совершают одинаковое действие, названное глаголами *полетел* и *пропрыгала*: *Поплавский (Б) полетел вниз по лестнице, держа в руках паспорт; Мимо него пропрыгала безногая курица (А) и свалилась в пролет... Два последовательных предложения связаны семантическим параллелизмом, соединяющим означаемое*

¹⁹ Словарь-1999.

Поплавский и означающее *курица*. Небольшая деталь только подчеркивает символическое значение 'мертвый человек': нога курицы осталась в руках Азazelло и была обглодана, а потом положена в карман. Ключом к этой детали являются «рыдания» Коровьева о том, как именно трамвай раздавил Берлиоза: *Начисто! Я был свидетелем. Верите — раз — голова прочь! Правая нога — хрусть, пополам! Левая — хрусть, пополам!* И обглоданная куриная нога, и рассказ Коровьева — угроза быть убитым. Именно это понял Поплавский, торопясь на вокзал: *Не думая больше ни о покойном племяннике, ни о квартире, содрогаясь при мысли о той опасности, которой он подвергся.*

Первое блюдо. В ветхозаветном контексте похлебка фигурирует прежде всего в притче о неразумном Исае, который отказывается от первородства в пользу Иакова, обменяв это право на чашу похлебки (см. Быт. 25)²⁰. В притче она символизирует испытание характера: сила, богатство и почет, сопровождающие первородство, были обесценены и отданы ради удовлетворения сиюминутного голода. Смысл этого библейского сюжета важен для понимания зависти сатаны к человеку, чью бессмертную душу благословил Бог-отец, даровав ему свободу выбора и свое подобие. Христа как сына Божьего в Библии не раз называют первородным между братьями и наследником всего (Евр. 1:2). Апостол Павел внушал верующим, что отвергнувший честь первородства человек лишается божьего благословения и благодати (Евр. 12:16).

Суп в романе представлен двумя номинациями — *суп* и *борщ*. Это блюдо связано в тексте с отравительницей Тофаной, вором-буфетчиком, взяточником-управдомом и, вероятно, является аллюзией знаменитой библейской притчи. Алчность персонажей — своего рода предательство «первородства». Первое блюдо в их жизни неразрывно связано с болезнью и смертью. Так, о *какой-то воде в пузырьках*, которую продавала итальянка Тофана, рассказывает на балу сатаны Коровьев: эту воду-яд жены добавляли в суп и травили своих мужей.

Суп заблешего раком Сокова упоминается в эпизоде посещения профессора Кузьмина, который посоветовал ничего

не солить (*Даже суп (А) не солить?*). Здесь следует подвести черту под всеми эсхатологическими символами, столь плотно окружающими буфетчика Сокова: и разлитое вино, и съеденное мясо, и сова, и разговор о тухлой осетрине, и упоминание о супе — символы-дублиеры, предрекающие герою печальный конец.

Борщ предсказывает не только болезнь управдому Босому, получившему контракт с баснословными суточными и навязанную Коровьевым взятку, но даже и диагноз. Особое значение имеет такая деталь, как мозговая кость: *Никанор Иванович разливательной ложкой поволок из огнедышащего озера ее, кость (А), треснувшую вдоль*. Слово *мозговая* имеет диффузное значение: помимо прямого смысла ('говяжья суповая кость') в символическом контексте возникает и антропоморфное — 'болезнь мозга Босого'. Автор указывает сразу на два недуга Никанора Ивановича — инсульт и шизофрению. Первый называет Коровьев: *То ли бывает, Никанор Иванович!.. Рассеянность, рассеянность, переутомление и повышение кровяного давления!* (Б) Признаки инсульта М. А. Булгаковым щедро разбросаны по тексту: *управдома, как удар (Б),хватила мысль о проникновении в квартиру переводчика; Босой посинел лицом (Б); в глазах у Никанора Ивановича потемнело (Б); Никанор Иванович разглядел неясно, перед глазами у него плавали какие-то пятна (Б); перед глазами как-то мутилось от приливов крови (Б)*. Отголосок того, что Босой лишился божьего заступничества, слышен на допросе управдома, который просил Бога о защите, цитируя отрывки молитв: *Бог истинный, Бог всемогущий! ... Господь меня наказует за скверну мою; герой крестил воздух и просил окропить помещение*. Второй диагноз настиг Босого уже в клинике Стравинского, где во сне ему приснился суп в миске, в которой *одиноко плавал капустаный лист* и которая по мере пробуждения героя превращалась в тарелочку, накрытую марлей, с лежащим на ней шприцем. Сопоставим содержимое трех тарелок управдома: *мозговая кость — капустаный лист — шприц*. Перед нами своего рода символическая градация, рассказывающая не только о развитии болезни героя, но и о его судьбе в целом.

Выводы. Итак, пищевой код «Мастера и Маргариты», выраженный номинациями вина, водки, рыбы, дичи и первого блюда,

²⁰ СБО. С. 875.

является системой слов со следующими символическими значениями эсхатологического характера:

- 1) ‘болезнь или смерть’;
- 2) ‘порок’;
- 3) ‘жертва’;
- 4) ‘человек или его душа’.

Все символические значения (означаемое Б) так или иначе вербализованы в виде языковых единиц разного формата — от слова до синтаксической конструкции. Важно, что в романе функционируют не просто одиночные символы еды.

Это целая система символов-дублеров, чье означающее многократно варьируется в разных словах с общей семой ‘еда’, а означаемое остается общим. В представленной ниже таблице систематизированы дублирующие символы еды с указанием тех персонажей и деталей, которые отмечены авторской характеристикой: 20 означающим (А) из разных лексико-семантических групп с архисемой ‘еда’ соответствует только 4 символических значения, конкретизированных в той или иной мере.

Таблица

Система дублирующих символов пищевого кода романа

Table

Novel Food Code Duplicate Character System

А	Б ‘болезнь или смерть’
вино мастера перед сжиганием рукописи	болезнь мастера
пролитое буфетчиком вино, осетрина второй свежести	рак и смерть Сокова
цекусское вино Пилата и Афрания, вино жителей Ершалаима в Пасху	смерть Иуды
вино на балу в чаше Маргариты	прах гостей на балу сатаны
фалернское вино	смерть мастера и Маргариты
кровавая лужа вина Пилата	смерть Иешуа
суп Сокова, борщ Босого, суп Тофаны	рак и смерть Сокова, инсульт и шизофрения Босого, отравление неаполитанских мужей
А	Б ‘человек и его душа’
рыба в Грибоедове и Торгсине	душа грешника (писатели)
рыбец Рюхина	душа Рюхина
осетрина второй свежести	буфетчик Соков
дичь в Грибоедове, курица Поплавского	писатели, Берлиоз и Поплавский
А	Б ‘порок’
водка Рюхина, Лиходеева, Босого, винный бассейн на балу	порок
рыба в Грибоедове и Торгсине	чревоугодие писателей и иностранцев
селедка с зеленым луком Босого	алчность Босого
кровавая лужа вина Пилата	трусость Пилата
А	Б ‘жертва’
вино-кровь Майгеля	жертва сатане
вино жителей Ершалаима	Иуда как жертва Пилата
мясо козленка на столе жителей Ершалаима, мясо на обеде Пилата и Афрания, мясо на трапезе у Воланда	пасхальная жертва, Иуда как жертва, Иешуа как жертва, душа человека как жертва сатане

Помимо символического дублирования М. А. Булгаков использует и другие приемы маркирования языковых единиц, несущих символический смысл, в частности:

- а) диффузные слова (например, *тухлый, испорчена, мозговая, глотать*);
- б) скрытые в тексте фразеологические единицы (*как сельдь в бочке, сдирать кожу*);

в) градационные однородные ряды (чаще всего когда назывались грешники или их пороки);

г) семантический параллелизм предположений, как правило связанных причинно-следственными отношениями (*Поплавский полетел вниз; курица пропрыгала*);

д) антропоморфные детали блюда (оторванная нога жареной курицы Поплавского, треснувшая мозговая кость в борще Босого);

е) библейские аллюзии на тему еды (карась на крючке, жертвенный козленок, опрокинутая чаша и др.).

Такая продуманная символическая система передает главный смысл приезда Воланда в Москву — наказание порока, когда *каждому будет дано по его вере*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афинея*. Пир мудрецов / пер. Н. Т. Голинкевича; под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 2003. 656 с.
2. *Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 287 с.
3. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
4. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
5. *Карасик В. И.* Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2009. № 10(44). С. 4–11.
6. *Красных В. В.* Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.) / сост. Н. К. Онипенко. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 146–148.
7. *Лотман Ю. М.* К проблеме типологии культуры // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 198. Труды по знаковым системам. Т. 3. Тарту, 1967. С. 30–38.
8. *Марциал Марк Аврелий*. Эпиграммы. М.: Художественная литература, 1968. 487 с.
9. *Пименова М. В.* Коды культуры и проблемы классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь, 2007. С. 79–85.
10. *Поздняева Т.* Воланд и Маргарита. СПб.: Амфора, 2007. 446 с.

11. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа: сб. загадок, вопросов, притч и задач. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.

12. *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. Серия: Studia Ethnologica. СПб., 2007. С. 23–31.

13. *Толстой Н. И.* Из «грамматики» славянских обрядов. Типология культуры. Взаимное воздействие культур // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 576. Труды по знаковым системам. Т. 15. Тарту, 1982. С. 57–71.

14. *Флоренский П. А.* Итоги // Эстетические ценности в системе культуры. М. [б.и.], 1986. С. 122–132.

15. *Халикова Н. В.* Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 51–59. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59>.

16. *Якушевич И. В.* Лингвокогнитивная типология символов // Вестник российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 5–13.

17. *Якушевич И. В.* Энантиосемия в лексико-семантической структуре символа // Вестник Иркутского лингвистического ун-та. Иркутск, 2012. Т. 2(19). С. 72–77.

REFERENCES

1. *Athenaeus*. Deipnosophistae / Trans. by N. T. Golinkevich; M. L. Gasparov (ed.). Moscow: Science, 2003. 656 p. (In Russ.)
2. *Gudkov D. B., Kovshova M. L.* The body code of Russian culture: materials for the dictionary. Moscow: Gnosis, 2007. 287 p. (In Russ.)
3. *Gura A. V.* Animal symbolism in Slavic folk tradition. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.)
4. *Zhinkin N. I.* About code transitions in inner speech. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the study of language*. 1964;6:26–38. (In Russ.)
5. *Karasik V. I.* Concept as a unit of linguocultural code. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;10(44):4–11. (In Russ.)
6. *Krasnykh V. V.* The object code of culture in the Russian cultural space. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 8–10 iyunya 2002 g.) = Russian Studies on the threshold of the XXI Century: Problems and prospects: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, June 8–10, 2002) / Comp. by N. K. Onipenko*. Moscow:

Russian Language Institute of RAS. 2003. P. 146–148. (In Russ.)

7. Lotman Yu. M. Regarding the typology of culture. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 198. Trudy po znakovym sistemam. T. 3 = Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 198. Works on semiotics. Vol. 3.* Tartu, 1967. P. 30–38. (In Russ.)

8. Marcus Valerius Martialis. Epigrams. Moscow: Fiction, 1968. 487 p. (In Russ.)

9. Pimenova M. V. Cultural codes and problems of concept classification. *Yazyk. Tekst. Diskurs: nauchnyi almanakh Stavropolskogo otdeleniya RALC. Vyp. 5 = Language. Text. Discourse: scientific almanac of Stavropol branch of RALC. Vol. 5.* / G. N. Manayenko (ed.). Stavropol, 2007. P. 79–85. (In Russ.)

10. Pozdnyayeva T. Volland and Margarita. Saint-Petersburg: Amfora, 2007. 446 p. (In Russ.)

11. Sadovnikov D. N. Riddles of the Russian people: a collection of riddles, questions, parables, and problems. Moscow: Modern Writer, 1995. 400 p. (In Russ.)

12. Tolstaya S. M. On the concept of cultural codes. *Sbornik statei k 60-letiyu A. K. Bayburina. Seriya: Studia Ethnologica = Collection of articles for the 60th anniversary of A. K. Bayburin. Series:*

Studia Ethnologica. Saint-Petersburg, 2007. P. 23–31. (In Russ.)

13. Tolstoy N. I. From the "grammar" of Slavic rituals. The typology of culture. Reciprocal influence of cultures. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 576. Trudy po znakovym sistemam. T. 15 = Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 576. Works on semiotics. Vol. 15.* Tartu, 1982. P. 57–71. (In Russ.)

14. Florensky P. A. Results. *Esteticheskie tsennosti v sisteme kul'tury = Aesthetic values in the cultural system.* Moscow: [s.n.], 1986. P. 122–132. (In Russ.)

15. Khalikova N. V. Formal and semantic structure of the artistic image "The Wind Blows" in I. Bunin's fiction. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology.* 2020;4:51–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59>.

16. Yakushevich I. V. Lingvokognitive typology of symbols. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics.* 2012;4:5–13. (In Russ.)

17. Yakushevich I. V. Enantiosemy in the lexical-semantic structure of the symbol. *Vestnik Irkutskogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk Linguistic University.* 2012;2(19):72–77. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина Викторовна Якушевич, доктор филологических наук, профессор

Irina V. Yakushevich, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 31.10.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 31.10.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 15.01.2023.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-58-67>

Учебный паремиологический словарь нового типа как лингвокультурологический источник

Татьяна Геннадьевна Никитина¹, Елена Ивановна Роголёва²

^{1, 2} Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

¹ cambala2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

² fno-timgo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9963-4203>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствовать лингвокультурологическую интерпретацию русских пословиц и поговорок в учебных словарях. Рассмотрение паремий как знаков языка и культуры предполагает не только их культурно-историческое комментирование, которое успешно реализуется современными лексикографами, развивающими идеи классиков паремиографии, но и характеристику функционирования паремий в современном социокультурном контексте, что должно быть проиллюстрировано образцами живой речи носителей языка, в том числе ровесников читателя – школьников и студентов – пользователей и интерпретаторов паремий. Цель исследования – разработать концепцию инновационного учебного словаря, обеспечивающую увеличение объема лингвокультурологической информации, которая предлагается читателю на основе характеристики происхождения и современного функционирования паремий. Для достижения этой цели при лексикографическом моделировании был использован дискурсивный подход, что позволило расширить иллюстративную зону словарной статьи до объемного сюжетного или научно-популярного текста, комплексно представляющего историко-этимологическую информацию и современные речевые смыслы паремий, реализуемые на материале актуальных для молодежи тем в образовательном, социально-бытовом, досуговом коммуникативном пространстве. Паремиологический материал, ставший объектом словарного описания и отобранный с учетом культурологической и коммуникативной значимости, был исследован методами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа, интерпретация его результатов представлена с использованием метода лингвокультурологического комментирования. Научно-практическим итогом исследования стала реализация разработанной лексикографической концепции в четырех инновационных словарях дискурсивного типа, два из которых выполнены в жанре словаря-путешествия, что позволило ввести еще больший объем дополнительной страноведческой информации в дискурсивное представление пословицы. Таким образом, преподаватели-практики получили готовые к использованию в учебном процессе лингвокультурологические словарные материалы, а положения и выводы, касающиеся жанровой специфики дискурсивных словарей, могут представлять ценность для теоретической лексикографии. Успешная апробация словарных материалов дает основание сделать вывод о целесообразности использования в учебной лексикографии предлагаемой модели лингвокультурологической репрезентации русских паремий.

Ключевые слова: русский язык, лингвокультурология, лексикография, пословица, паремия, паремиология, паремиологический словарь, учебный словарь, дискурсивный словарь, словарь-путешествие

Для цитирования: Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Учебный паремиологический словарь нового типа как лингвокультурологический источник // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 58–67. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-58-67>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

An innovative learner's paremiological dictionary: a linguoculturological source

Tatiana G. Nikitina¹, Elena I. Rogaleva²

^{1,2} Pskov State University, Pskov, Russia

¹ cambala2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9006-9738>

² jno-timgo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9963-4203>

Abstract. The need to improve the linguoculturological interpretation of Russian proverbs and sayings in learners' dictionaries determines the relevance of this study. Considering proverbs as signs of language and culture implies not only their cultural and historical commentary which modern lexicographers developing the ideas of paremiography classics successfully write. Also, it should reflect the functioning of proverbs (paroemias) in the modern sociocultural context. This involves providing live speech samples of native speakers, including peers of readers (i. e. schoolchildren and students) who use and interpret proverbs. The study aims to develop a concept of an innovative learner's dictionary increasing the quantity of linguoculturological information. The data such a lexicographic resource offers to readers ought to be based on the characterisation of the origin and modern functioning of paroemias. To achieve this goal, a discursive approach was used in lexicographic modelling, which enabled us to expand the illustrative examples in dictionary entries to voluminous narrative or popular science texts. Such examples give comprehensive historical and etymological information as well as modern speech meanings of paroemias. These meanings are expressed in materials developed topics relevant to young people in educational, social, and leisure communicative space. The paremiological material which became the object of the dictionary description was selected with consideration to its cultural and communicative significance. We used linguoculturological and historical-etymological analysis to study paremiological data. The paper interprets the obtained results using the method of linguoculturological commenting. Implementing the developed lexicographic concept in four innovative discursive dictionaries is the research and practical outcomes of the study. Two dictionaries are compiled in the travelogue dictionary genre, which made it possible to introduce even more additional country-specific information into the discursive presentation of proverbs. Thus, practicing teachers received ready-to-use linguoculturological lexicographic materials to apply in the educational process. The ideas and conclusions concerning the genre specificity of discursive dictionaries can be valuable for theoretical lexicography. The successful testing of lexicographic materials allows us to conclude that it is worth adopting the introduced model of linguoculturological representation of Russian proverbs in learner's lexicography.

Keywords: Russian language, linguoculturology, lexicography, proverb, paroemia, paremiology, paremiological dictionary, learner's dictionary, discursive dictionary, travelogue dictionary

For citation: Nikitina T. G., Rogaleva E. I. An innovative learner's paremiological dictionary: a linguoculturological source. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):58–67. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-58-67>.

Введение. Русские паремии, прежде всего пословицы, основательно изучены в лингвокультурологическом плане [Савенкова 2002; Паремиология 2015; Ковшова-2019; Mokienko 2019; Med 2020; Lomotey, Csajbok-Twerefou 2021], в том числе в аспекте учебной репрезентации различным категориям адресата [Ильина 2008; Ая 2014; Мурашова 2017], а паремиологические словари наряду с фразеологическими отнесены к словарям лингвокультурологического типа [Зиновьева, Юрков 2009: 222].

Традиции культурологического комментирования паремий были заложены в XIX в. классиками отечественной паремиографии. Диапазон таких комментариев — от лаконичной культурно-исторической или историко-этимологической справки к отдельным

компонентам пословиц у В. И. Даля¹ до текстового культурологически ориентированного описания тематических групп пословиц у И. М. Снегирева [Снегирев 1831–1834]. Эти способы экспликации культурного фона паремий используют и современные лексикографы².

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Университетская типография, 1862. 1159 с.

² См.: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2002. 544 с.; Мокшенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с.; Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. М.: Цитадель-Трейд; Ростов н/Д: Феникс, 2008. 543 с. (Зимин, Спирин 2008); Соколова М. И. Народная мудрость:

Понимая, что новые лексикографические жанры могут открыть новые возможности эффективной лингвокультурологической репрезентации материала, сотрудники Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ поставили перед собой цель описать русские пословицы в инновационных учебных словарях, максимально увеличив объем лингвокультурологической информации, предъявляемой читателю, за счет расширения сведений о происхождении и функционировании паремий. В данной статье представлена концепция такого расширенного лингвокультурологического наполнения учебного дискурсивного словаря пословиц³, в том числе выполненного в жанре травелога⁴.

Методы и материалы исследования. Источниками материала для исследования и последующего лексикографического описания стали современные словари и сборники пословиц, критериями отбора паремий — их коммуникативная значимость и лингвокультурологическая ценность. Важным принципом отбора был учет фактора адресата: словари пословиц ориентированы на школьников, изучающих русский язык за рубежом, и обучающихся в российских школах детей-билингвов из семей переселенцев (средние и старшие классы) Но, как показала апробация словарных материалов в Пскове и Псковской области, они

оказались полезными и для русскоязычных школьников в плане расширения их паремиологического запаса и культурного поля. Методом лингвокультурологического анализа выявлен и структурирован культурный фон паремиологических единиц. Историко-этимологический анализ материала позволил уточнить происхождение паремий, а метод лингвокультурологического комментирования обеспечил доступную и научно-достоверную словарную репрезентацию пословиц как фактов языка и культуры. В целом же макроструктура словарей и оптимальная система параметризации паремий в рамках словарной статьи определялись методом лексикографического моделирования с использованием дискурсивного подхода.

Анализ. Итогом проведенного теоретического исследования и практического лексикографирования материала стали учебные лингвокультурологически ориентированные словари паремий, готовые к использованию в процессе обучения русскому языку российских и зарубежных школьников. Теория лингвокультурологии пополнилась концепциями новых словарных жанров. Для методики обучения русскому языку может оказаться полезной идея использования словаря как пособия по страноведческому чтению, что призвано расширить лингвокультурологический кругозор учащихся.

Обобщая опыт современной лингвокультурологической словарной репрезентации русских паремий, отметим возможность использования с этой целью параметрической модели статьи, реализованной в словаре «Русские фразеологизмы» В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко⁵ и включающей толкование устойчивого оборота и отдельных его этнокультурно маркированных компонентов; комментариев, раскрывающий происхождение фразеологизма и его связь с русской историей, крестьянским бытом, духовной и материальной культурой народа; ситуативную характеристику оборота и иллюстративные контексты его употребления.

Применительно к паремиологическому материалу эта лингвокультурологическая концепция воплощена В. М. Мокиенко

пословицы и поговорки. Новосибирск: Офсет, 2009. 622 с.; Ковишова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: URSS, 2019. 350 с.; Розе Т. В. Большой толковый словарь русских пословиц и поговорок для детей. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 224 с.

³ Ая У., Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Пословицы в нашей речи: учебный словарь с комментариями на эстонском языке. Псков: Логос, 2012. 124 с. (Пословицы-2012); Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Б. Бурешова и др. Praha: Fraus, 2013. 272 с. (Учебный словарь-2013).

⁴ Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Регионы России в пословицах и поговорках. Лингвострановедческий словарь. Псков: ЛОГОС Плюс, 2017. 130 с. (Роголева-Никитина-2017); Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Сами с усами: веселый фразеологический словарь. М.: Издательский дом Мещерякова, 2020. 192 с.

⁵ Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1990. 220 с.

в «Школьном словаре живых русских пословиц»⁶. Заголовочная паремия получает здесь прагматически ориентированное толкование, например в статье «Терпи казак [беду], атаманом будешь»:

Терпеливо переноси трудности, испытания, дождешься чего-л. лучшего, добьешься в жизни многого, займешь высокое положение.

Лингвокультурологическая семантизация компонентов *казак* и *атаман*, включающая этимологическую справку, как и культурно-исторический комментарий пословицы в целом, отсылает читателя к событиям XIV–XVII вв., когда из беглых крепостных крестьян на окраинах Русского государства сложилась сословная группа казаков со своим самоуправлением. Функционально-стилистическая параметризация (*Говорится в шутку, чтобы подбодрить того, кто переживает трудности, кто жалуется на тяжелое положение, неудобства, боль*)⁷ помогает современному школьнику понять коммуникативные смыслы пословицы в текстах классической литературы.

Лингвострановедческая тематико-идеографическая классификация фразеологизмов, разработанная В. М. Мокиенко [Мокиенко 1982: 117–118], применима также к материалу пословиц. Она отражает принадлежность оборотов к той или иной культурологически значимой сфере происхождения, среди которых русская природа, анатомия человека и жесты, народный быт (реалии повседневной жизни, трудовые процессы, единицы измерения, кухня и пища), история, духовная культура и др. Описание пословиц, сгруппированных по такому принципу, находим у В. И. Зиминой и А. С. Спирина, которые в Объяснительном словаре «Пословицы и поговорки русского народа» описывают эти сферы и их фрагменты, аргументируя пословицами свои наблюдения. Например, в главе «Еда» (раздел «Суп, щи, каша»):

...Русские любят сварить такие щи, чтоб ложка стояла. О жидких щах говорят: Щи – хоть портянки полощи; Щи – хоть портки полощи. <...> В буквальном смысле понимаю

пословицу: Из плохих овощей не сварить хороших щей. <...> Если есть из чего готовить пищу, то это легко сделать: Было бы пшено, а каша будет; Было бы пшено и курочка, а суп сварит и дурочка⁸.

Таким образом, лексикографический дискурс наполняется лингвокультурологическим содержанием.

Согласно мнению авторов концепции дискурсивных словарей, представленный в них широкий контекст употребления языковых единиц должен отразить особенности их функционирования в живом общении, что позволит лексикографу показать речевые смыслы и оценочные коннотации этих единиц, их семантическое развитие в современных социокультурных условиях коммуникации⁹ и тем самым превратить словарь в инструмент сохранения культурного наследия определенного этноязыкового сообщества [Кошкарова, Солопова 2021: 69].

В полном смысле дискурсивными можно назвать фразеологические и паремические словари Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета. Образцы дружеского молодежного дискурса, бытового семейного общения и интернет-коммуникации представляют функционирование паремий в словаре «Пословицы в русской речи»¹⁰ и в «Учебном словаре русской фразеологии»¹¹, где наряду с фразеологизмами-идиомами есть и пословицы. За заголовочной единицей, ее толкованием и краткой функционально-прагматической характеристикой (например: УЧЕНЬЕ – СВЕТ, А НЕУЧЕНЬЕ – ТЬМА. Учеба развивает человека, помогает добиться успеха в жизни. *Говорится назидательно, чтобы убедить человека в пользе знаний, используется*

⁸ Зимин, Спирин 2008. С. 185–186.

⁹ См.: Фесенко О. П. Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря // Вопросы лексикографии. 2016. 1(9). С. 85. <http://doi.org/10.17223/22274200/9/6>; Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113. <http://doi.org/10.17223/22274200/16/7>.

¹⁰ Пословицы-2012.

¹¹ Учебный словарь-2013.

⁶ Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с.

⁷ Там же. С. 114–115.

как совет учиться)¹² следует собственно дискурсивная иллюстративная часть словарной статьи. Актуальные для школьников и студентов коммуникативные ситуации употребления пословиц, которые становятся основой сконструированной лексикографами сюжетной истории, отбираются из школьных сочинений, материала опросов школьников и студентов, писем, присланных ими в адрес словарной лаборатории (в наших учебных словарях мы просим читателей поделиться своим коммуникативным опытом восприятия и использования фразеологизмов и пословиц). Авторы таких историй становятся их рассказчиками и в словаре: они являются не только «пользователями» паремий, но и их интерпретаторами, рассуждающими о происхождении пословиц, об их актуальности, обновлении образности, о функциях в новых контекстах. Лингвокультурологическая ценность такого паремиологически наполненного дискурса обеспечивается за счет использования всего арсенала приемов лингвокультурологии, которые и будут представлены ниже.

Историко-этимологическое комментирование этнокультурно маркированных компонентов паремий и семантики прототипа реализуется в двух вариантах: комментарий от составителей словаря и комментарий от рассказчика.

В первом случае пояснения размещаются в справочной зоне перед иллюстративным рассказом, например в статье «Или грудь в крестах, или голова в кустах»:

Крест — награда, орден в виде креста в царской и современной России; *грудь в крестах* — о наградах на груди; *голова в кустах* — образно: о гибели в бою¹³.

Во втором случае комментарий от лица рассказчика рассредоточенно вписан в ситуативную репрезентацию паремии или рефлексивно-интерпретационный монолог, построенный в стилистике современного молодежного дискурса и обобщающий паремиологический опыт «автора», как, например, в статье «Делу — время, потехе — час». Буквальное восприятие пословицы меняется у школьника при освоении этимологической информации (он узнал, что слово

час в древнерусском языке использовалось в значении 'время', и тут же реализует свой лингвокреативный потенциал в шутливом прагматически ориентированном переосмыслении прототипа паремии):

Так хочется хорошенько отдохнуть после школы — послушать музыку, посмотреть любимое видео! Но тут как тут бабушка: «Надо за уроки садиться! Делу время, потехе час!» Сначала я ей говорил, что час еще не прошел, и она засекала время. А теперь я знаю, как перевести эту пословицу с древнерусского языка: «Делу — время, потехе — время!» И про количество времени ничего не говорится! Вот это аргумент в мою пользу! Молодцы наши предки — тоже любили развлекаться. Правда, пословица имела у них такой смысл: всему свое время. Но это я бабушке пока не скажу (Сергей С., Псков)¹⁴.

Традиционно используемая в лингвокультурологии группировка пословиц и поговорок под стержневым компонентом, который в большинстве случаев оказывается этнокультурно маркированным, предлагается читателю в рамках большинства словарных статей. Так, под вокабулой *Хлеб всему голова* в иллюстративном тексте-комментарии собраны пословицы с компонентом *хлеб*: *Хлеб — батюшка, водица — матушка*; *Земля — матушка, а хлеб — батюшка*; *Хлеба ни куска — и в избе тоска*; *Хлеба нет — и друзей не бывало* и др. С этими пословицами посетители знакомят в Санкт-Петербургском музее Хлеба. В рассказе школьницы, которая делится впечатлениями от экскурсии, хлеб охарактеризован не только как основной продукт питания русских, но и как символ русской культуры, воплощающий народные представления о плодородии, достатке, благополучии¹⁵.

Реализуется в дискурсивных словарях и принцип группировки пословиц (также внутри словарной статьи) по тематике, когда темами становятся лингвокультурные ценности. Например, значимость дружбы для русского человека школьниками — авторы иллюстративного текстового материала — анализируют вместе с учителем русского языка, который комментирует не только русские пословицы (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Друзья познаются в беде*; *Сам познбай, а товарища выручай* и др.), но и повышающие

¹² Учебный словарь-2013. С. 252.

¹³ Пословицы-2012. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 49–50.

¹⁵ Учебный словарь-2013. С. 256–258.

лингвокультурологическую ценность словаря тексты современной рэп-культуры, посвященные теме дружбы (см. словарную статью «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»¹⁶).

В статье «Уčenje свет, а неучење тьма» наряду с данной паремией образование как интеллектуальную ценность представляют пословицы *Учиться — всегда пригодится; Учиться никогда не поздно*, а ассоциативно-образный потенциал заголовочной единицы раскрывает лингвокультурологический комментарий школьницы, включающий сопоставительный компонент:

Учение — свет! Красиво звучит. Слово *просвещение* — тоже с корнем *свет-*. Светлая голова — так говорят об умном человеке, а *темным* называют отсталого, необразованного. О чем-то непонятном, запутанном говорят: *темный лес*.

Мы с подругой в нашем научном проекте выясняем, какие народы воспринимают учебу, знания как свет. В английском, немецком и французском языках мы нашли выражения типа *светлая голова, ясная голова, блестящий ум, ясный ум*. Но пословицу *учење — свет, а неучење — тьма* обнаружили только в славянских языках — польском, словацком, чешском, сербском... <...>

Кстати, мы нашли и другие пословицы о пользе учения: *Учиться — всегда пригодится. Учиться никогда не поздно*. Сейчас их проверяем по всем языкам (Арина Б., Псков)¹⁷.

Дискурсивный характер словаря позволяет показать применение пословицы к самым разным современным ситуациям, описание которых отражает социокультурно значимые характеристики участников коммуникации — их увлечения, ценностные приоритеты, особенности коммуникативного поведения, паремиологическую компетентность. На примере трех поколений одной семьи эти параметры представлены в статье «На вкус и цвет товарища нет», где рассказчики используют пословицу-синонимы в резюмирующей и рекомендательной функции:

На вкус и на цвет товарища нет. Хорошо, что мы знаем эту пословицу и спокойно относимся к тому, что всем нравятся разные вещи. Мама любит ходить в театр, а папа на рыбалку. Витек Малыгин болеет за «Торпедо», а я — за «Спартак»... Ты можешь продолжить этот список. Включи

в него и себя, а заодно проверь, как ты относишься к тому, что на вкус и на цвет у тебя много «не-товарищей» (Вова И., Великий Новгород).

Еще одна пословица на эту тему — *О вкусах не спорят*. А если уж спор о вкусах все-таки начинается, я знаю, как его прекратить. «О вкусах не спорят», — говорю я, — или «На вкус и на цвет товарищей нет». И спорщики замолкают. Попробуйте. Действует безотказно! (Света Б., Великий Новгород)¹⁸.

По таким дискурсивно-иллюстративным материалам прослеживается динамика социальной сферы в пословичном отображении, и это еще один аспект лингвокультурологической словарной репрезентации паремий. *Жениться — не воды напиться* — эта заголовочная пословица открывает в соответствующей словарной статье семейную дискуссию о выборе невесты (в семье готовятся к свадьбе старшего сына). Вспоминаются исторические периоды, когда свобода такого выбора отсутствовала и смириться с ситуацией призвала поговорка *Стерпится — слюбится*. А как же выбрать невесту сейчас? *Не искать красоты, а искать доброты*, как предлагает дедушка? Да нет, красота тоже приветствуется, по мнению папы. Главное — согласие в семье (*Коли в семье лад, не нужен и клад*), как считает мама. Но для молодежи (брата и сестренки, рассказчицы этой истории) важна и материальная сторона вопроса¹⁹.

После апробации материалов данной словарной статьи в разных регионах России наша иллюстративная текстовка пополнилась рассказами читателей о местных свадебных обрядах, приглашениями на традиционные свадьбы или их реконструкции. Так родилась идея паремиологического словаря-травелога²⁰, где в ходе виртуального путешествия читатель может получить дополнительную страноведческую информацию в ее привязке к паремиологическому образу, конкретному компоненту пословицы, ее происхождению или тематической принадлежности, как в случае с паремией *Жениться — не воды напиться*.

В словаре «Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками»²¹

¹⁸ Учебный словарь-2013. С. 220–221.

¹⁹ Там же. С. 198–199.

²⁰ Роголева-Никитина-2017.

²¹ Роголева Е. И., Никитина Т. Г. Путешествуем по России с русскими пословицами

¹⁶ Пословицы-2012. С. 78–81.

¹⁷ Там же. С. 49–50.

после рассуждений школьников и их родителей о семейной жизни и традициях русской свадьбы в «свадебную переключку» включаются регионы России:

У нас в Мордовии, например, свадьба раньше была очень сложным, многоэтапным событием. Перед свадьбой родители жениха и невесты несколько раз собирались и обсуждали финансовые проблемы: цена за невесту (да-да, за невесту платили!), количество подарков, приданого. Обменивались хлебом — это символизировало союз двух семей. Торжественно назначался день свадьбы. С этого дня невеста утром и вечером должна была прощаться с родным домом — плакать, петь печальные песни, а днем — готовить подарки родственникам жениха. Особенно ценились вышитые рубахи, которых нужно было приготовить не менее двадцати... В день свадьбы в доме жениха с иконами и пирогами встречали молодых, а когда они входили в избу, раздавались выстрелы — так родственники отгоняли нечистую силу. Молодых сажали за стол, кормили обедом, на руки им сажали ребенка, чтобы учились нянчить детей, после этого вели на кухню, знакомили с печью, показывали другие хозяйственные постройки. Вот так, делом, давали понять, что *жениться — не воды напиться* (Лиза Н., г. Саранск).

Паремиологический словарь-травелог можно использовать и как пособие по страноведческому чтению. Словарные статьи называются здесь главами, соответствующим образом сформулированы их названия, например:

ГЛАВА 17, в которой вы узнаете о пользе учения, о русском полководце Суворове, о необычном музее Суворова в селе Кончанском-Суворовском и о пословице ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ — ЛЕГКО В БОЮ.

Справочная зона словарной статьи традиционно включает заголовочную паремию, ее толкование и коммуникативно-прагматический комментарий:

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ — ЛЕГКО В БОЮ. Учиться чему-либо тяжело, зато, выучившись, человек легко справляется с освоенным делом. *Говорится, чтобы подбодрить человека, который учится чему-то сложному*²².

и поговорками. М.: Русский язык. Курсы, 2019. 136 с. (Рогалева-Никитина-2019)

²² Там же. С. 112.

Афористический характер этой паремии диктует привязку страноведческой информации к личности А. В. Суворова, наставление которого солдатам (*Легко в учении — тяжело в походе, тяжело в учении — легко в походе*) и стало основой паремии *Тяжело в учении — легко в бою*. О происхождении пословицы и о боевом пути легендарного полководца рассказывает десятиклассник из Мурманска, увлекающийся русской историей, а от авторов словаря в разделе «Информация для туристов» читателям предлагается виртуальное посещение музея-заповедника в имени А. В. Суворова (село Кончанское-Суворовское в Новгородской области)²³.

Топонимические компоненты паремий также могут задавать направление «туристических маршрутов» в словаре-травелог: например, Москву, Киев, Тулу читатели посетят, осваивая пословицы *Москва не сразу строилась*, *Язык до Киева доведет*, *В Тулу со своим самоваром не ездят*. А из Тулы, как станет ясно из словарной статьи, не уезжают, не посетив музей-усадьбу «Ясная Поляна», где родился и жил великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, где он написал свои знаменитые романы «Война и мир», «Анна Каренина» и др.²⁴

Апеллятивные компоненты пословиц также могут стать триггерами, включающими ассоциативный механизм планирования паремиографического путешествия. Так, в статье «Дома и стены помогают» проводником по маршруту становятся компоненты *стена* и *домá*. Дискурсивная зона словарной статьи представляет функционирование пословицы в речи современных школьников, рассказывающих об успехах футболистов, играющих «дома» (на своем поле), о пятёрках, полученных за контрольную работу, выполнявшуюся дома в дистанционном режиме, и т. п. «Здесь речь не идет о конкретных стенах», — анализирует эти примеры студент-историк Володя Дмитриев и приглашает читателей посмотреть на кремлевские стены, которые в древности защищали горожан и помогали им справляться с врагами:

Это были деревянные, а позднее каменные стены крепостей и замков. Когда я собирал материал для экскурсии по Москве, я узнал, что на

²³ Там же. С. 115.

²⁴ Рогалева-Никитина-2017. С. 31.

территории современного Кремля уже в XII веке существовал земляной вал высотой 7 метров. Эта «стена» защищала территорию площадью 3 гектара, а длина ее составляла 850 метров. Позднее, когда Кремль стал резиденцией московских князей, были возведены стены из дуба. В 1366–1368 годах при великом князе Дмитрии Донском построили стены из белого камня, поэтому Москву и стали называть белокаменной. В середине XV века белый камень заменили более прочным обожженным кирпичом, расширили и территорию, обнесенную стенами. Сейчас общая протяженность кремлевской стены – 2 235 м, высота от 5 до 19 м, толщина – от 3,5 до 6,5 м. Вдоль стен расположено 20 башен. Стены Московского Кремля несколько раз реставрировались, а во время Великой Отечественной войны были замаскированы. На них были изображены улицы и фасады других зданий. Кремль визуально исчез – так удалось избежать его целенаправленной бомбардировки²⁵.

Далее читателю предлагается фото-экскурсия по псковскому кремлю, стены которого древнее московских, да еще и образуют пять колец, возводившихся по мере разрастания средневекового города.

И самая убедительная пословица, приглашающая в паремнографическое путешествие, может быть применена к любой достопримечательности, к любому городу и региону: *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*. В этой словарной статье²⁶ о значении пословицы рассуждает музейный работник Ангелина Станиславовна из Санкт-Петербурга:

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» – так начинаются многие отзывы посетителей самых необычных музеев России. Я расскажу о некоторых из них.

В Москве на улице Кузнецкий Мост и в Санкт-Петербурге на Конюшенной площади действуют музеи игровых автоматов...

В городе Переславль-Залесский в Ярославской области есть музей утюга. В музейной коллекции собрано более 200 старинных утюгов. Есть и действующие экспонаты, которыми можно попытаться погладить одежду.

Здесь же в Ярославской области, в городе Мышкине, находится единственный в мире Музей мыши. Экскурсантам рассказывают легенду о мыши, в честь которой назван город, – она спасла русского князя Федора Михайловича

Мстиславского от укуса змеи. В экспозиции есть сувенирные фигурки мышек, привезенные из разных стран.

Музей Солнца в Новосибирске тоже единственный в мире. Его экспонаты рассказывают о культе солнца в древних цивилизациях, о современных исследованиях солнца.

Подробный и увлекательный рассказ Ангелины Станиславовны о Национальном шоу-музее «Гранд Макет Россия» в Санкт-Петербурге завершается советом при первой же возможности посетить музей и своими глазами увидеть самый большой в мире макет, где представлены все регионы страны и все показано в движении:

По железным дорогам (их протяженность на макете – два с половиной километра) едут поезда (их более 250). Автобусы и машины останавливаются на светофорах, сигналият, обгоняют друг друга – всё как в жизни. Много процессов можно запустить самим: нажимаете одну из 40 интерактивных кнопок, и строители начинают строить дом, пассажиры садятся в самолет, стадо коров выходит на поле. Очень интересны дома «в разрезе», где жители заняты своими делами, и кинотеатр, в котором зрители смотрят реальный кинофильм. Каждые 15 минут с востока на запад день сменяется ночью, в домах загораются огни. Все это *лучше один раз увидеть, чем сто раз об этом услышать*²⁷.

А не достаточно ли Интернета, чтобы все это один раз увидеть, да еще и звуковой комментарий услышать? И не пора ли обновить пословицу? Об этом рассуждает Лена Ермакова из Москвы. Она нашла в Интернете реку Енисей, озеро Байкал, заповедник «Ленские столбы», а теперь, путешествуя с родителями по Сибири, предлагает новый вариант пословицы: *лучше один раз увидеть в реальной жизни, чем сто раз в Интернете*²⁸.

Тем не менее нельзя не отметить роль Интернета как источника материала, позволяющего составителям словарей дискурсивного типа наблюдать динамику лексико-фразеологического состава языка и тенденции в сфере вербальной коммуникации, а лингвотуристам – анализировать социокультурный контекст этой коммуникации, специфику новых языковых образов, современные интерпретации культурных символов и ценностей.

²⁵ Роголева-Никитина-2017. С. 50–54.

²⁶ Роголева-Никитина-2019. С. 82–88.

²⁷ Там же. С. 83–85.

²⁸ Там же. С. 85–87.

Выводы. Опыт разработки и успешная апробация дискурсивных паремиологических словарей позволяет говорить о целесообразности использования в учебной лексикографии предлагаемой модели лингвокультурологической репрезентации русских паремий. Дискурсивный подход обеспечивает реализацию принципа доступности при сохранении научной достоверности этимологической версии. Культурно-исторический фон паремии при этом может быть дан более детально и занимательно, что очень важно в плане формирования интереса к русскому языку и культуре. Комплексная текстовая иллюстрация паремии представляет ее использование в ситуациях, близких и понятных современным школьникам и студентам, которые могут соотнести с этими ситуациями свой социокультурный и языковой опыт. Современный паремиографический дискурс дает возможность проследить и структурно-семантические игровые модификации паремий, которые все чаще сопровождают их использование в соответствии с тенденциями карнавализации общения.

Как показала словарная практика, объем лингвокультурологического наполнения учебного паремиографического дискурса может быть значительно увеличен в рамках жанра словарь-путешествия, где культурный фон пословицы и особенности ее функционирования раскрываются на фоне реалий различных российских регионов, куда читателя приводит топонимический компонент пословицы, история ее происхождения или общее содержание, конкретизирующиеся на региональном материале.

Перспективными направлениями в дискурсивной лингвокультурологической разработке паремий представляется создание словарей-путешествий по определенным маршрутам — по Волге, по Сибири, по южным и северным областям России, а также тематически организованных паремиологических словарей в рассказах, которые покажут ценностные фрагменты пословичной картины русского мира. В электронных вариантах таких словарей будет полезным использование гиперссылок, с помощью которых можно получить дополнительную лингвокультурологическую информацию, в бумажном варианте словаря в этой функции могут использоваться QR-коды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ая У. Возможности использования паремиологического материала в интегрированном обучении культурологии и русскому языку в эстонской школе // Русский язык за рубежом. 2014. № 2(243). С. 22–26.
2. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: МИРС, 2009. 291 с.
3. Ильина К. Е. Формирование лингвокультурологической компетенции при изучении пословиц и поговорок (на материале паремий, репрезентирующих концепт «Предостережение») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 382–385.
4. Ковишова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропологический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.
5. Кошкарлова Н. Н., Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивный вектор развития лексикографии: как топонимическая система отражается в словаре // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сб. науч. ст. / гл. ред. Е. В. Дзюба, С. А. Еремина. Екатеринбург: УрГПУ, 2021. С. 69–73.
6. Мокшенко В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / под ред. Е. М. Верещагина. М.: Русский язык, 1982. С. 108–121.
7. Мурашова Н. В. Способы лингвокультурологической репрезентации русских пословиц иноязычному адресату // Известия ВГПУ. 2017. № 6(119). С. 105–110.
8. Паремология в дискурсе: общие и прикладные вопросы паремологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. 294 с.
9. Савенкова Л. Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 240 с.
10. Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. М.: Университетская типография. Кн. 1, 1831. 175 с.; Кн. 2, 1831. 180 с.; Кн. 3, 1832. 280 с.; Кн. 4, 1843. 213 с.
11. Lomotey B. A., Csajbok-Twerefou I. A pragmatic and sociolinguistic analysis of proverbs across languages and cultures. *Journal of Pragmatics*. 2021;182:86–91. <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.014>.
12. Med N. Cultural Code in Russian Phraseology and Paremiology. *Paremia*. 2020;30:215–224.

13. Mokienko V. M. Russian Paremiology in the linguistic and cultural Space. *Paremia*. 2019;28:199–222.

REFERENCES

1. Aya U. Using paremiological material in the integrated teaching of cultural studies and the Russian language in Estonian schools. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2014;2(243):22–26. (In Russ.)
2. Zinov'eva E. I., Yurkov E. E. Linguoculturology: theory and practice. Saint-Petersburg: MIRS, 2009. 291 p. (In Russ.)
3. Il'ina K. E. Developing linguocultural competence when studying proverbs and sayings (on the material of proverbs, representing the concept "Caution"). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;60:382–385. (In Russ.)
4. Kovshova M. L. Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: anthropological code of culture. Moscow: Lenand, 2019. 400 p. (In Russ.)
5. Koshkarova N. N., Solopova O. A. Cognitive and discursive vector of lexicography: how the toponymic system is reflected in the dictionary. *Kognitivnye strategii filologicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom: sb. nauch. st. = Cognitive strategies of philological education in Russia and abroad: collection of scientific articles* / E. V. Dzyuba, S. A. Eremina (eds.). Ekaterinburg: USPU, 2021. P. 69–73. (In Russ.)

6. Mokienko V. M. On the thematic-ideographical classification of phraseological expressions. *Slovari i lingvostranovedenie = Dictionaries and linguocountry studies* / E. M. Vereshchagin (ed.). Moscow: Russian language, 1982. P. 108–121. (In Russ.)

7. Murashova N. V. Ways of linguistic and cultural representation of Russian proverbs to a foreign addressee. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;6(119):105–110. (In Russ.)

8. Paremiology in discourse: general and applied questions of paremiology. Proverbs in discourse and text. Proverbs and language picture of the world / O. V. Lomakina (ed.). Moscow: Lenand, 2015. 294 p. (In Russ.)

9. Savenkova L. B. Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects. Rostov-on-Don: Publ. house of Rostov university, 2002. 240 p. (In Russ.)

10. Snegirev I. M. Russians in their proverbs. Reflections and research on Russian proverbs and sayings. Moscow: University Printing House. Vol. 1, 1831. 175 p.; Vol. 2, 1831. 180 p.; Vol. 3, 1832. 280 p.; Vol. 4, 1843. 213 p. (In Russ.)

11. Lomotey B. A., Csajbok-Twerefou I. A pragmatic and sociolinguistic analysis of proverbs across languages and cultures. *Journal of Pragmatics*. 2021;182:86–91. <http://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.014>. (In English)

12. Med N. Cultural code in Russian phraseology and paremiology. *Paremia*. 2020;30:215–224. (In Spanish)

13. Mokienko V. M. Russian paremiology in the linguistic and cultural space. *Paremia*. 2019;28:199–222. (In Spanish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор

Рогалёва Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор

Tatiana G. Nikitina, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena I. Rogaleva, Doctor of Science (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 05.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted 05.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 25.02.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-68-76>

Типология речевых аномалий в языке современной рекламы

Елена Александровна Фролова

ООО «Наш язык», г. Москва, Россия, frojen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Аннотация. В статье рассмотрены разные группы речевых аномалий, встречающихся в текстах современной рекламы. Цель – дать комплексный анализ речевых девиаций в рекламных текстах, составить типологию речевых аномалий и определить их роль в достижении коммуникативной эффективности рекламного сообщения. В ходе исследования используются следующие методы и приемы: анализ (лексический, семный, словообразовательный, классификационно-дифференцирующий), сопоставительный и интегрирующий методы, методика контекстуально-семантического анализа, позволяющая выявить содержательно-смысловую нагрузку компонентов рекламного текста. Автор, опираясь на имеющиеся научные работы по данной проблематике, предлагает собственное видение типологии речевых аномалий, обосновывая чересступенчатое словообразование как базу для формирования речевых аномалий и взаимодействие элементов разных уровней языка как условие появления девиаций.

Ключевые слова: языковая норма, речевая аномалия, типология, языковая игра, лингвотворчество, уровни языка, сема, семантическая трансформация, чересступенчатая мотивация

Для цитирования: Фролова Е. А. Типология речевых аномалий в языке современной рекламы // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 68–76. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-68-76>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Typology of speech anomalies in the present-day advertising language

Elena A. Frolova

Limited Liability Company "Our Language", Moscow, Russia, frojen@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Abstract. The article considers different groups of speech anomalies found in modern advertising texts. The aim is threefold: to comprehensively analysis speech deviations in advertising texts, to develop a typology of speech anomalies and to determine their role in ensuring the communicative effectiveness of an advertising message. The study used analysis (lexical, componental, word-formation, classification and differentiation), comparative and integrative methods, as well as the contextual-semantic analysis technique. These procedures enable identification of the content and semantic load of advertising text components. Drawing on relevant scientific literature, I communicate my own vision of the typology of speech anomalies. The paper explains a rationale for considering the inter-step word-formation as the basis for creating speech anomalies and the interaction of elements of different language levels as a condition for the appearance of deviations.

Keywords: language norm, speech anomaly, typology, language game, linguistic creativity, language levels, sema, semantic transformation, inter-step motivation

For citation: Frolova E. A. Typology of speech anomalies in the present-day advertising language. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(3):68–76. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-68-76>.

Введение. Понятия «речевая ошибка» и «речевая аномалия» тесно связаны между собой и соотносятся с понятием «языковая норма», поскольку обусловлены ее нарушением. Условия возникновения девиаций могут быть различны: случайно/по незнанию/преднамеренно. Если речевая ошибка – результат незнания нормы или оговорки

(устная речь), описки (письменный текст), то речевая аномалия – факт сознательного нарушения нормы для привлечения внимания к содержанию текста, к образу, для актуализации замысла автора.

Ю. Д. Апресян, изучавший проблемы языковой нормы, писал, что в любом национальном языке (при условии его развитости)

заложен значительный потенциал для формирования разного рода отклонений от нормы. Данные отклонения не ведут к деструкции системы, а способствуют выражению креативности и расширению возможностей языка. Для такой функции нарушений ученый ввел определение «языковые аномалии как точки роста новых явлений» [Апресян 1990: 64].

Вопросом типологии речевых норм и ошибок активно занимался В. П. Москвин, предложивший их развернутую классификацию¹.

По мнению Н. Д. Арутюновой, норма и правила языка — универсальная категория мироздания и мироощущения, которые регулируют меру порядка в хаосе. «В естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило» [Арутюнова 1987]. В таком плане, будучи семантически нагруженной и информативной, аномалия становится именно маркированным коррелятом нормы в оппозиции «норма—аномалия».

Не всегда просто определить механизм той или иной девиации. На этом фоне закономерно могут возникать вопросы, что такое аномалия языка, в каком именно смысле данное явление оказывается аномальным, какова природа аномалии языка: логическая, языковая или прагматическая?

Т. Б. Радбиль в диссертационном исследовании «Языковые аномалии в художественном тексте»² пишет о том, что аномальность языка вычленив просто, но непросто дать этому объяснение. Интуиция на уровне языка его носителей довольно просто распознает различные отклонения от норм. Это могут быть и какие-то устные обмолвки, оговорки, ошибки в тетрадах учеников и студентов, «ляпы» в речи общественных деятелей.

Искусственные ошибки / девиации можно определить как игру слов. Понятие «игра слов» было использовано Йоханом Хейзингом

в работе «Homo ludens» («Человек играющий», 1938). Ученый считал, что «всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [Хейзинг 2011].

Языковая игра исследовалась в работах Л. Витгенштейна, В. В. Виноградова, Е. А. Земской, Н. А. Янко-Триницкой, Т. А. Гридиной, В. З. Санникова, Б. Ю. Нормана, Н. Д. Голева и других ученых³. В широком понимании термин *языковая игра* — это нестандартное использование языковых средств, искусство в языке, ориентация на скрытые эстетические способности языкового символа.

Речь — важнейший инструмент культуры, который, как и все древнейшие виды человеческой деятельности, переплетается с игрой. Впервые термин *языковая игра* употребил австрийский философ Л. Витгенштейн. Согласно его теории, элементы языка должны иметь смысл только как часть определенной игры. Их содержание актуализируется в конкретных ситуациях употребления языковых средств [Витгенштейн 1985: 34]. Автор не предлагает четкого определения понятия языковой игры, но говорит о том, что все игры имеют свои определенные правила, а следовательно, дают возможность отличить языковую игру от оговорки, т. е. умышленную ошибку от непреднамеренной. Витгенштейн отмечает, что одно и то же высказывание в разных контекстах будет иметь и разные смыслы. Следовательно, умышленные ошибки обнаруживаются не только на уровне текстовых единиц, но и на других уровнях организации авторского текста.

В. В. Виноградов считал, что «языковая игра создается благодаря умелому использованию с целью достижения комического

¹ См. об этом: Москвин В. П. Классификация речевых ошибок // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 15–19; Москвин В. П. Правильность современной русской речи. Норма и варианты: теоретический курс для филологов. М.: ФЛИНТА, 2020. 256 с.

² Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2006. 496 с.

³ См. об этом: Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.; Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 503 с.; Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.; Ильцова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.; Имшинецкая И. Креатив в рекламе. М.: РИП-холдинг, 2004. 174 с.; Голев Н. Д. Языковая игра как лингводидактический принцип // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5(259). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 63. С. 27–33.

эффекта различных созвучий, определенных или частичных омонимов, паронимов и таких языковых феноменов, как полисемия и изменение устоявшихся лексических оборотов» [Виноградов 1963: 98].

Исследователь В. З. Санников в книге «Русский язык в зеркале языковой игры» понимает под этим явлением «каждое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта)» [Санников 1999: 45].

Т. А. Гридина определяет языковую игру как «особую форму лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах и проявляющего способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008].

По мнению Е. Н. Ремчуковой, «факты “массового лингвокреатива”, разнородные с точки зрения лингвистической ценности и этической составляющей, должны быть соответствующим образом отобраны и прокомментированы. Для русиста, изучающего современные языковые процессы, очевидно, что удельный вес массового лингвокреатива достаточно велик, хотя он и не может быть экспериментально и статистически “высчитан”, а его зоны достаточно четко очерчены. В отличие от индивидуально-авторской лингвокреативности художественного текста в нем преобладает стандарт в выборе самого способа и формы креативности, с одной стороны, и реализуется возможность его преодоления — в конкретном наполнении заданной “схемы”, с другой» [Ремчукова 2013: 84]⁴.

Проблемы речевых аномалий в текстах рекламы исследовались неоднократно⁵.

⁴ О лингвокреативе см. также: *Карасик В. И.* Креативы в сетевом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44. <http://doi.org/10.18384/2310-712X-2018-5-29-44>; *Шаховский В. И.* Жизнь языка в медиа-коммуникации (Размышления лингвиста как потребителя медиа-контента) // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 3(15). С. 47–63; и др.

⁵ См. об этом: *Амири Л. П.* Особенности словообразовательной игры в современной рекламе (на материале существительных-новообразований) // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы III Республиканского научного семинара. Саратов, 2009. С. 12–20; *Амири Л. П.* Контаминация как

Однако основной акцент в научных статьях и пособиях делался на окказиональном словопроизводстве. Цель данной статьи — дать комплексный анализ речевых девиаций, встречающихся в текстах современной рекламы на разных уровнях языка, составить типологию речевых аномалий и определить их роль в достижении коммуникативной эффективности рекламного сообщения.

Для достижения поставленной цели используются следующие методы и приемы: анализ (лексический, семный, словообразовательный, классификационно-дифференцирующий), сопоставительный и интегрирующий методы, методика контекстуально-семантического анализа, позволяющая выявить содержательно-смысловую нагрузку компонентов рекламного текста.

Анализ. Язык рекламы формируется и функционирует под влиянием целей и специфики рекламного дискурса — особой сферы массовой коммуникации. Эффективность рекламы определяют две составляющие — коммуникативная и эмоциональная. Коммуникативная эффективность подразумевает успешный контакт рекламы с потребителем, который выражается в высокой степени распознаваемости, запоминаемости, притягательности, силы воздействия рекламного сообщения [Fuhrich 2017: 12–13]. Рекламное сообщение вербализуется средствами языка. Это специально созданное сообщение в устной или

разновидность окказионального словообразования в языке рекламы // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. 1. Ростов н/Д, 2007. С. 173–174; *Залаяева А. Р.* Связность вербального и иконического компонентов в рекламном креолизованном тексте // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. 1. Ростов н/Д, 2007. С. 187–189; *Иванова К. А.* Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. СПб., 2007. 160 с.; *Картер Г.* Эффективная реклама: путеводитель для мелких предприятий. М.: Прогресс, Б. г. (1990). 280 с.; *Муравьева С. Г.* Язык современной рекламы (Структурно-функциональный аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 185 с.; *Рябкова Н. И.* Языковые особенности современной рекламы // Коммуникативные стратегии XXI века. СПб.: СПбГУСЭ, 2009. С. 73–81; и др.

письменной форме, которое ориентировано на донесение той или иной информации достаточно широкой аудитории. Цель рекламного текста — привлечь внимание потенциальных потребителей к рекламируемому объекту.

«В условиях избытка информации и перенасыщения информационного пространства рекламой коммерческие сообщения используют не только выразительный визуальный и аудиальный контент, но и разнообразные манипуляции с языковыми средствами, в число которых входит языковая игра» [Кузница 2021, Электронный ресурс].

Будучи нарушением речевой нормы, «языковая игра привлекает внимание реципиента оригинальностью оформления и содержания текста, тем самым выделяя рекламное сообщение в информационном потоке» [Там же].

Речевые девиации можно обнаружить на разных языковых уровнях текстов современной рекламы. При этом появление аномалий обусловлено, как правило, сочетанием единиц разных систем, их взаимодействием. Рассмотрим типологию речевых аномалий в рекламных именах и слоганах.

Фонетико-графический уровень отражает нарушения орфоэпических и орфографических норм литературного языка. В качестве примера приведем рекламный слоган сетевых магазинов «Дикси»:

Что? Что? Ничёси цена!

Разговорно-просторечные редуцированные формы вопросительного местоимения и местоименного фразеологизированного сочетания (ср.: *Что? Что? Ничего себе цена!*) характерны для живого дружеского общения в молодежной среде или для устной речи представителей с невысоким культурным статусом. Стилистически сниженная синтаксическая конструкция ориентирована на рядового/повседневного потребителя продукции. Риторическая вопросно-восклицательная форма слогана призвана эмоционально воздействовать на потенциальных покупателей, чтобы привлечь их в «свой» магазин за небывало дешёвыми товарами.

Фонетико-словообразовательное нарушение встречаем в рекламе торговых центров бытовой техники и электроники «М.видео»:

Школько скидки.

Окказионализм со значением ‘огромные скидки на товары для школы/школьников’ представляет собой контаминированное производное на базе объединения мотивирующих слов *школа/школьный/школьник* + *сколько*. Благодаря контаминации лексем данное новообразование приобретает полисемантическую, одновременно выступая носителем «школьной» семантики и высокой оценки «скидочной» политики магазина. Кроме этого, замена начального свистящего звука [с] на шипящий [ш] создает эффект детской шепелявости — широко распространенного дефекта речи младших школьников, что позволяет включить в семный состав окказионализма указание на адресата товаров со скидками.

На **лексико-семантическом уровне** отмечается контекстуальное изменение (расширение/трансформация) семантики отдельных лексических единиц. Рассмотрим слоган рекламного текста мехового магазина «Elena Furs»:

Большая летняя *шубная* распродажа.

Адъектив *шубный* традиционно в толковых словарях русского языка имеет следующие дефиниции:

ШУБНЫЙ, -ая, -ое. 1. Прил. к шуба (в 1 знач.). — *Приезжает к его камердинеру квартильный: «Генерал, говорит, прислал сейчас найденный через полицию шубный рукав и приказал мне посмотреть, от той ли ихней самой шубы, али от другой».* Писемский, Тысяча душ. || Предназначенный для шубы. *Шубные крючки. Шубная овчина.*

2. С хорошим, теплым мехом, пригодным для изготовления шуб. *Шубный медведь. Шубные овцы.* || Связанный с изготовлением и торговлей изделиями из меха (из овчины). *Шубный товар. Шубный цех.*

♦ **Шубный клей** (спец.) — клей, полученный из кожевенных отбросов. **Шубное овцеводство** — разведение овец особых пород для получения овчин, идущих на шитье тулупов, полушубков и других изделий⁶.

Относительное имя прилагательное, сочетающееся с конкретными существительными, оказывается в одном ряду с неоднородными

⁶ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. С. 735.

определениями при абстрактном субстантивном имени. Происходит метонимический перенос: *шуба / шубный товар* → *шубная распродажа*, — в результате которого у прилагательного развивается значение ‘высококачественный, но недорогой’. Одновременно определение *летний* отсылает потенциальных потребителей к известной пословице *Готовь сани летом, а телегу — зимой*, что призвано подчеркнуть значимость покупки, а также хозяйственность и прагматичность тех, кто воспользуется данным предложением (ассоциации способствуют формированию положительной коннотации в оценке покупателей). Кроме этого, контактное расположение адъективов *летняя* и *шубная* не только указывает на сезон торговли продукцией, но и добавляет сему ‘теплый’, что существенно для характеристики товара.

Разнообразие речевых девиаций встречается, как правило, в рекламных текстах, имеющих сейловую направленность, что вполне закономерно, поскольку обилие скидочных акций должно быть дифференцировано: каждая компания стремится индивидуализировать свой бренд. Приведем примеры слоганов СберМаркета и сетевых магазинов «Магнит» и «Дикси»:

- 1) СберМаркет *роняет цены!*
- 2) *Поймай скидку* в чеке.
- 3) *Не прожужжи скидку!*

Как видно из приведенных примеров, трансформация значения происходит в глагольных лексемах, что позволяет расширить их сочетаемостные возможности. Так, в значении глагола *ронять* сема ‘случайно, нечаянно’ заменяется антонимичной ‘сознательно, специально’. При этом предметный характер зависимых единиц (*ронять мяч, платок, книгу* и т. п.) уходит на второй план, уступая место абстрактному существительному *цена*. (В скобках хочется заметить, что мы не рассматриваем здесь переносное значение глагола, допускающее валентность с отвлеченными единицами: *ронять честь, достоинство*.)

Аналогичная ситуация наблюдается в слогане рекламы магазина «Дикси», предлагающем *поймать скидку*. Регулярная для рекламы императивная конструкция, побуждающая потенциальных потребителей к совершению того или иного действия, предлагает схватить / удержать нечто

неуловимое / абстрактное — своеобразную птицу счастья, что придает тексту символическое звучание и выводит его на прецедентный уровень.

В слогане магазина «Магнит» с участием Насти Ивлеевой в костюме пчелы использование звукоподражательного глагола *прожужжи*, с одной стороны, вполне логично, а с другой — вступает в противоречие с контекстом. Префиксальная морфема *про-* со значением ‘ограничение во времени’ соотносит императив-призыв *не прожужжи* с литературно уместным *не пропусти* (ср.: *Не пропусти скидку!*). Рекламный слоган имплицитно порождает контраст: образ пчелы-труженицы содержит положительную коннотацию для русского менталитета, однако визуальное восприятие «конфликтует» с вербальным, вызывающим реминисценции из басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей» (...*Ты всё пела? Это дело: / Так пойдё же, попляши!*). Так возникает энантиосемия в рамках глагольной формы.

Речевые аномалии **лексико-словообразовательного уровня** встречаем в слоганах рекламы мороженого бренда «Чистая линия» и оператора мобильной связи «МегаФон»:

- 1) Сосочки мои, *язычкики!* Все ли из вас порадованы?..
- 2) — ...Мой бывший напарник звонит.
— А что это с ним?
— Он просто *зависник*, у него Интернет *зависает*...

Словарное толкование слова *язычник* восходит к мотивирующему *язык* в устаревшем значении ‘народ, народность’. Ср.:

ЯЗЫЧНИК, -а, м.

1. Последователь язычества; идолопоклонник. — *Они ведь, все эти крещенные инородцы, сударь, сколь их ни есть, только по званию христиане, а по естеству, как были язычники, так и остались ими.* Наумов, Горная идиллия.

2. Прост. Человек, дерзкий на язык; болтун, сплетник. [*Василиса:*] *Я всю улицу натравлю на тебя... язычник ты проклятый... молод ты лаять про меня.* М. Горький, На дне⁷.

⁷ Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/mal18224.htm?cmd=>

В тексте рекламного обращения происходит смещение семантики производящего слова и в качестве мотивирующего выступает первое (прямое) значение лексемы *язык*:

ЯЗЫК, -а, м.

1. Орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые свойства. — *Жизнь каторжная! — ворчал он, перекатывая языком во рту крохи черного хлеба.* Чехов, Нахлебники. [*Собака*] прерывисто дышала, высунав розовый язык. Гаршин, То, чего не было...⁸

Использование регулярного суффикса *-ник* со значением лица персонифицирует мультяшных героев рекламного ролика, что способствует сближению устаревшего и потенциального значений производного слова.

Во втором примере также наблюдаем процесс замещения, однако в данном случае смена мотивирующих происходит не в рамках одного полисемантического слова, а в результате каламбурного употребления омофонов. Литературное *завистник* образовано от глагола *завидовать* или существительного *зависть* ('тот, кто завидует', 'тот, кто испытывает чувство зависти') суффиксальным способом. По той же продуктивной словообразовательной модели в тексте рекламного сообщения создается потенциальное производное *зависник* (от разговорного (интернет-сленг) глагола *зависать*), что порождает контекстуальные паронимы. При этом происходит смещение экспрессивной окраски производных со значением лица — с негативно-оценочной на ироничную.

На **лексико-синтаксическом уровне** отмечается нарушение лексической сочетаемости. Традиционно данный вид нарушений относят к группе лексических девиаций. Мы считаем, что в данном случае отклонения от нормы наблюдаются не только в значении той или иной лексемы, но и в изменении валентности слов.

Обратимся к рекламе колбасной продукции бренда «Баварушка»:

«Баварушка»... *Звучит вкусно!*

0&stext=1 (МАС, электронная версия) (дата обращения: 26.08.2022).

⁸ Там же.

Наречие *вкусно* толкуется в словарях современного русского языка следующим образом:

ВКУ́СНО, нареч.

1. Нареч. к *вкусный*.

2. Со вкусом, аппетитно. [*Козлов*] *вкусно пил чай, вкусно грыз мелкими зубами пресные лепешки.* М. Горький, Жизнь Клима Самгина. *Пастухов ел заразительно вкусно: с хрустом перекусывал редиску, намазывал на нее масло, обмакивал в соль.* Федин, Первые радости⁹.

Как видно из иллюстраций к словарным дефинициям, адвербатив сочетается, как правило, с лексемами, обозначающими вкусовые ощущения при принятии пищи. В современной речи сочетаемость данной лексической единицы расширилась за счет колоративов с семантикой зрительного восприятия (ср.: *вкусный цвет*). В данном рекламном слогане наречие входит в глагольное сочетание со значением говорения/восприятия речи. Подобная «аномальная» сочетаемость призвана усилить сему 'высокое качество продукции': наличие в рекламном имени экспрессивно-оценочного суффикса *-ушк-* (ср.: *сударушка*) подчеркивает максимально положительное восприятие названия бренда, что обуславливает перенос оценки на сам продукт.

Другим примером лексико-синтаксических девиаций может служить реклама карты «Халва» с участием Полины Гагариной:

«Халва» по-прежнему вам ничего *не весит*... «Халва» — *невесомая* рассрочка, *весомое* преимущество.

Данный текст содержит две речевые погрешности: 1) нарушение норм лексической сочетаемости и 2) нарушение норм управления (ср. нормативное *для вас не весит*). Кроме этого, в рекламном сообщении трижды повторяются лексемы с корнем *-вес-*, что также входит в число речевых девиаций. Однако в тексте повтор оказывается уместным, поскольку расширяет и синтезирует семантику корневой морфемы: в первой фразе актуализирована сема 'отсутствие тяжести', во втором предложении, построенном на противопоставлении имен прилагательных, подчеркиваются, с одной стороны, легкость и простота

⁹ МАС, электронная версия.

в использовании кредитной карты, а с другой — акцентировано внимание на ее значимости. Аномальная падежная форма в рекламном тексте (родительный падеж вместо дательного) привлекает внимание потенциальных пользователей карты «Халва», с помощью чего и достигается эффективность рекламного сообщения.

На **деривационно-стилистическом уровне** встречаем характерные для разговорной речи усеченные производные, ориентированные на определенные группы потенциальных потребителей рекламы продукции/акции. Приведем примеры рекламы СберМаркета и одного из «Национальных проектов России» «Спорт — норма жизни»:

1) Говорят, что у каждой рок-группы должен быть мерч¹⁰. Считаем себя достаточно *рок*, чтобы выпустить свой!

2) ...Мне никогда еще не было настолько *норм*. Мне нравится просыпаться *раньше*, чем раньше...

Первый пример ярко отражает изменения, происходящие в политике сбербанка. Начав с усечения официального имени: *сбербанк* → *Сбер*, — сбербанк расширил свою структуру и деятельность, создав ряд подразделений для привлечения большего числа клиентов и сближения с потенциальными потребителями разных возрастных и социальных групп. Сленговое заимствование *мерч* в сочетании с усечением *рок* обращено к молодежной аудитории и характеризует СберМаркет как открытую для новаций систему.

Второй рекламный текст адресован лицам, ведущим здоровый образ жизни, и пропагандирует активность и спорт. Тот, кто всегда в движении, привык к быстрому темпу жизни, что объясняет включение в текст рекламы усеченного слова категории состояния *норм* в составе предиката. Следующее предложение содержит сравнительную конструкцию-каламбур — характерный прием языковой игры, — что повышает оригинальность текста, привлекая к нему внимание аудитории: синтетическая

форма сравнительной степени *раньше* одновременно реализует родовое и видовое значения — время как абстрактная категория и время суток.

Морфолого-словообразовательный уровень включает многочисленные примеры чересступенчатого словопроизводства. Мы считаем неправомерным отнесение к речевым аномалиям окказиональных единиц (*Покупальный сезон в RBT.ru*, где *покупальный* — результат контаминации слов *покупать* и *купальный*, и т. п.), поскольку дифференциация узусального и окказионального словообразования является одним из критериев современной классификации способов словопроизводства, при этом новообразования не всегда нарушают закономерности деривационной системы русского языка. Например, потенциальные слова в слогане рекламы компании «Индилайт» (мясо индейки): *Чилим* и *грилим* — созданы по продуктивным моделям русского словопроизводства (англ. *chill* (расслабляться) и *гриль* + глагольный суффикс *-и-* со значением действия; ср.: *мыло* → *мыть*). С нашей точки зрения, морфолого-словообразовательные девиации возникают именно вследствие пропуска звеньев в деривационных цепочках (чересступенчатая мотивация), характерных для современного русского языка. Приведем примеры:

Холлснись — взбодрись! — слоган карамели «Холлс»;

Десертни — акция на десерты в кафе «Бургер Кинг»;

Роллтонем? — слоган бренда «Роллтон».

Потенциальные глагольные формы в рекламных конструкциях образованы от имен существительных, минуя ступень инфинитива (**холлснуться*, **десертнуть* и **роллтонуть* — глаголы совершенного вида с суффиксом *-ну-* со значением однократного/законченного действия). Во всех примерах выражено императивное значение, что, как уже отмечалось, характерно для рекламных текстов. Однако если в первых двух слоганах императивные форма и значение совпадают, то в третьем примере представлен глагол изъявительного наклонения, употребленный в той же императивной функции. При этом форма 1-го лица множественного числа корректирует значение, добавляя ему 'приглашение к совместному действию'.

¹⁰ **Мерч** (**Merch**) — сленговый термин, используемый в сфере ритейла и в быту для наименования товаров с символикой (логотипом) определенного бренда, музыкального коллектива, фильма, компьютерной игры и т. п.

Морфолого-стилистические аномалии можно продемонстрировать на примере рекламных слоганов «Почта Банк» и сетевых магазинов «Чижик»:

- 1) *Самый рядом* банк;
- 2) Качество выше, цены *чиже*!

Оба примера демонстрируют нарушения в образовании компаративных форм (превосходной и сравнительной степеней). В обоих случаях наблюдается формообразование на базе недопустимых с точки зрения норм литературного русского языка лексических единиц – локативного наречия *рядом* (нет суффикса *-о/-е*) и имени существительного *чиж/чижик*. Аномальное формообразование обуславливает трансформацию исходных слов в стилистически сниженные (разговорно-просторечные) адъективы. Параллельно расширяется их семантическое наполнение: пространственное значение слова *рядом* дополняется семой «близкий, родной» (ср.: *Самый близкий банк*), а словоформа *чиже* вступает в антонимические отношения с формой *выше*, что поддерживается традиционной рекламной формулой *Качество выше, цены ниже* и ассоциативным восприятием птицы, от названия которой образовалась синтетическая форма компаратива (чижик – птица небольших размеров).

К **стиликтико-синтаксическим** отклонениям можно отнести рекламный слоган «Совкомбанка» с участием Сергея Безрукова:

И включите *обратно* все ваши планы.

Наречие *обратно* в современном русском языке имеет локативную семантику, указывая направление, противоположное предшествующему движению. В данном примере актуализирована темпоральная сема адвербатива, что характерно для разговорной речи и просторечия (ср.: **Ты обратно налил воды*). Возникает стилистическая аномалия, обусловленная контекстным употреблением лексики. Замена стилистически окрашенного наречия на стилистически нейтральные *назад* (локатив) или *вновь* (временная составляющая) привела бы к четкой дифференциации обстоятельствных характеристик. Использование адвербатива *обратно* способствует совмещению пространственного и временного

планов, что расширяет значение контекста в целом.

Выводы. Таким образом, речевые аномалии как прием языковой игры активно используются в текстах современной рекламы. Речевые девиации возникают, как правило, на разных уровнях языковой системы, при этом отклонения характеризуют особенности сразу нескольких уровней, что отражено в составленной типологии речевых аномалий. Были выделены следующие группы речевых девиаций в языке современной рекламы:

- 1) фонетико-графические;
- 2) фонетико-словообразовательные;
- 3) лексико-семантические;
- 4) лексико-словообразовательные;
- 5) лексико-синтаксические;
- 6) деривационно-стилистические;
- 7) морфолого-словообразовательные;
- 8) морфолого-стилистические;
- 9) стиликтико-синтаксические.

Объединяя специфику разных языковых уровней, речевые аномалии как прием языковой игры с целью достижения эффективности рекламного текста обуславливают изменение/расширение/трансформацию семного состава лексических единиц и контекста в целом, указывают на появление новых мотивирующих, приводят к трансформации звукового облика и валентности компонентов рекламного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 760 с.
2. Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 34–58.
3. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
4. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 79–128.
6. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 2008. 166 с.

7. Кузницина Е. С. Языковая игра как средство создания и функционирования рекламного текста // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnikmgou.ru. <http://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1063>.

8. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–89.

9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

10. Хёйзинг Й. Homo ludens. Человек игровой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

11. Fuhrich K. Mixed-language and humorous advertising slogans: PhD thesis in philosophical sciences. München, 2017. 177 p.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Selected works: in 2 vols. Vol. 2: Integral description of language and system lexicography. Moscow: Languages of Russian Culture, 1995. 760 p. (In Russ.)

2. Apresyan Yu. D. Linguistic anomaly and logical contradiction. *Logicheskii analiz yazyka: Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* = *Logical analysis of language: problems of intensional and pragmatic contexts*. Moscow: Science, 1989. P. 34–58. (In Russ.)

3. Arutyunova N. D. Anomalies and language (To the problem of the linguistic «picture of the

world»). *Voprosy jazykoznanija* = *Topics in the study of language*. 1987;3:3–19. (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. Stylistics, poetic speech theory, poetics. Moscow: AS USSR Publ., 1963. 256 p. (In Russ.)

5. Vitgenshteyn L. Philosophical research. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika* = *New in foreign linguistics. Vol. 16: Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress, 1985. P. 79–128. (In Russ.)

6. Gridina T. A. Language game in a text of fiction. Ekaterinburg: Ural SPI, 2008. 166 p. (In Russ.)

7. Kuznitsina E. S. Language game as a means of creation and functioning of advertising text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* = *Bulletin of Moscow Region State University*. 2021;(2):209–218. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1063>.

8. Remchukova E. N. Mass linguocreativity: surmounting standards. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* = *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2013;2:83–89. (In Russ.)

9. Sannikov V. Z. Russian language through the mirror of the language game. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 544 p. (In Russ.)

10. Huizinga J. Homo Ludens. A Study of the Play-Element of Culture. Saint-Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)

11. Fuhrich K. Mixed-language and humorous advertising slogans: PhD thesis in philosophical sciences. München, 2017. 177 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент, редактор

Elena A. Frolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Editor

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 25.09.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 25.09.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-77-90>

Смузимания: адаптация новых заимствований в современном русском языке

Таисия Николаевна Буцева¹, Александр Васильевич Зеленин²

¹ *Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Научно-исследовательский институт прикладной русистики, Лаборатория компьютерной лексикографии, г. Санкт-Петербург, Россия, taisbut@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>*

² *Независимый исследователь, г. Тампере, Финляндия, aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>*

Аннотация. Статья посвящена анализу неонанглозаимствования *смузи* на основе собранного корпуса производных и орфографических вариантов, насчитывающего около 200 единиц. Время появления слова *smoothie/smoothy* в английском языке – 1977 г., русским языком слово заимствовано в начале 2000-х гг. в тематические сферы «Здоровый образ жизни», «Правильное питание». Теоретическим базисом комплексного изучения этого слова и его производных является теория заимствования; лексему можно отнести к «модным словам». Рассматриваются способы англозаимствования в русской графико-орфографической системе: транслитерация (*смусли, смуси*) и транскрипция (*смути, смутти*), аналогии с более ранними заимствованиями (типа *памперс, сникерс*) с финалью на *-ис* (*смутис, смуфис, смузис*). Характеризуется морфологическая адаптация неологизма, выступающего в русском языке в формах среднего, мужского, женского родов (в разговорно-сленговом варианте *смузя*). Описывается обширное словообразовательное гнездо со словом *смузи*. Лексему можно отнести к полифункциональным, поскольку она может употребляться и как имя существительное, и как прилагательное. Путем адъективации существительного *смузи* был образован начальный компонент *смузи-...*. Приводятся и классифицируются его многочисленные производные, активно включенные в лингвомаркетинговый нейминг с другими актуальными префиксоидами: *био...*, *эко...*, *органик...*, – участвующими в образовании неолексемы тематической группы «Еда, питание». У производных обнаруживается развитие многозначности, связанное с передвижением понятийного и лексического ряда ближе к центру лексической системы и активным проникновением понятия в другие социолекты. Ведущими семантическими механизмами являются функциональный перенос, метонимия, метафора. В статье систематизируются наблюдения, связанные со степенью узуализации анализируемых неолексем и возможностью лексикографической фиксации некоторых слов, с характером и сроками их узуализации в современных условиях, что важно для лексикографической практики. Приводятся сопоставительные словарные данные о фиксации слова *смузи* и его производных в словарях разных типов. Методами исследования являются: системный, классификационный, статистический, структурно-семантический, словообразовательный, этимологический, контекстный.

Ключевые слова: неологизм, заимствование, префиксоид, начальный компонент сложных слов, словообразование, модное слово

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-012-00122 (тема проекта: «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складчиковской)»).

Для цитирования: Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Смузимания: адаптация новых заимствований в современном русском языке // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 77–90. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-77-90>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Smoothimania: adapting borrowings in modern Russian

Taisiya N. Butseva¹, Aleksandr V. Zelenin²

¹ *Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Research Institute of Applied Russian Studies,*

Laboratory of Computer Lexicography, Saint-Petersburg, Russia, taisbut@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>

² Independent researcher, Tampere, Finland, aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Abstract. The new borrowing *smoothie/smoothy* from English is considered in the article. The collected corpus of derivatives and spelling variants is about 200 units. The word *smoothie/smoothy* is fixed in English in 1977, in Russian the word was borrowed in the early 2000s in the thematic areas of "Healthy lifestyle", "Proper nutrition". The theoretical basis for a comprehensive study of this word and its derivatives is the theory of borrowing; the base lexeme can be attributed as a "Buzzword". The methods of English borrowing in the Russian graphic-spelling system are considered: transliteration (Rus. *smussi*, *smusi*) and transcription (Rus. *smuti*, *smutti*), analogies with earlier borrowings (such as *pampers*, *snickers*) with the final on *-is* (Rus. *smutis*, *smufis*, *smusis*). The morphological adaptation of the neologism in Russian are in the forms of masculine, neuter, and feminine (in slang version of *smuz*). An extensive family words is analyzed. The lexeme *smoothie* can be classified as multifunctional, since it can be used both as a noun and as an adjective. By adjectivation of the noun *smoothie*, the initial component of the *smoothie*- was formed. Its numerous derivatives are listed and classified, actively included in marketing naming with other prefixes: *bio...*, *eco...*, *organic...*, participating in the formation of lexemes of the thematic group "Food, nutrition". Derivatives tend to develop polysemy. They move from the lexical periphery to the center of the lexical system and also penetrate into other sociolects. The leading semantic mechanisms are functional transfer, metonymy, and metaphor. Observations about the level of usage of the analyzed lexemes, the possibility of lexicographic fixation of some words, the nature and timing of usage are given in the article. Dictionary fixations of some lexemes are given in the table. The research methods are system-related, classification, statistical, structural-semantic analysis, word-formation, etymological, contextual.

Keywords: neologism, borrowing, prefixoid, initial component of compound words, word-building, buzzword

Acknowledgments: The work was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-012-00122 (project topic: "Language and dictionary: an explanatory dictionary as an object and empirical base for linguistic research (on the materials of the Dictionary of the Russian Language of the 21st Century, ed. by G. N. Sklyarevskaya)").

For citation: Butseva T. N., Zelenin A. V. Smoothimania: adapting borrowings in modern Russian. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):77–90. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-77-90>.

Введение. *Смузи* — низкокалорийный густой напиток, приготовленный путем измельчения в блендере или миксере свежих фруктов, овощей, зелени с возможным добавлением фруктовых соков, молока, орехов, творога, специй и т. д. С изобретением в США Норманом Волкером (Norman Walker) в 1930-е гг. электрического блендера измельченные фрукты стали использоваться для диетического питания, однако термин *смузи* (*smoothie*) появился только в 1970-е гг., и его начали употреблять в рецептурных рекомендациях и торговых марках преимущественно в США и Австралии. В 1970-е — начале 1980-х гг. смузи-коктейли стали использоваться в специальном спортивном питании. Летние Олимпийские игры 1984 г. в Лос-Анджелесе сыграли важную роль в широком знакомстве многочисленных туристов, болельщиков с напитками, включающими фрукты, перетертые с молоком, йогуртом, мороженым¹. Мода на здоровый образ жизни

и правильное питание с начала 1990-х гг. способствовали популяризации этого напитка, проникновению его на все континенты и заимствованию английского слова, ставшего интернационализмом.

У слова *смузи* в Интернете более 15 млн. словоупотреблений. Не *смузимания* ли перед нами? И действительно, язык зафиксировал массовое увлечение этим напитком в виде двух слов:

«Ледяные» вечеринки и *смузи-бум*: как подмосковные бизнесмены зарабатывают на жаре. (Наше Подмосковье. 22.06.2019);

Вас уже захватила *смузимания*? Еще нет? Тогда вот вам один из вкуснейших вариантов. Малина, черника, домашний йогурт и отруби — все очень вкусно и полезно! (<https://webspoon.ru/recept/malinovo-chernichnyj-smuzi>).

По данным Интегрума, в русскоязычных медиа слово *смузи* появилось в 2004 г.:

Смузи, фреши, коктейли, блюда вьетнамского стрит-фуда, гранола, фруктово-ореховые батончики, кокосовая паста с малиной или бананом... и многое другое ждет ростовчан и гостей города (BezFormata.com^РБ: Ростов-на-Дону и Ростовская область. 07.09.2004).

¹ Smith A. The Oxford Encyclopedia of Food and Drink in America. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 40.

Ср.: более ранняя фиксация в русскоязычной прессе Германии:

Нынешним летом по всей Германии вошли в моду коктейли типа «смузи» — напитки-смеси из свежих фруктов и кисломолочных продуктов (Контакт (Германия). 25.07.2002).

Напиток стал массовым модным трендом и неотъемлемой частью всего комплекса рационально организованного, спланированного режима поведения человека, следящего за своим здоровьем, культурой питания и занимающегося спортом. В русском языке появился составной термин *правильное питание* (англ. *proper nutrition*), его аббревиатура *ПП* (ср. англ. *PN*) и продуктивный префиксоид *ПП-*..., а также терминологическое словосочетание *здоровый образ жизни* (англ. *healthy lifestyle*), аббревиатура *ЗОЖ* (ср. англ. *HLS*) и префиксоид *ЗОЖ-*... Смузи используется для разгрузочных дней, для очищения организма, вместо обычного приема пищи, в различных диетах для похудения. Обычно его употребляют через одноразовую (пластиковую) или многоразовую (металлическую, деревянную) трубочку большого диаметра. Возник даже синонимичный термин *жидкая еда* (англ. *liquid food*):

Новая кулинарная мода — жидкая еда... Рестораны *жидкой еды* сразу заняли нишу модных заведений для «белых воротничков» — бутылочки со смузи начали продаваться даже в модном концепт-сторе Colette, который продвигает только самые стильные новинки (Известия. 15.02.2008).

Неолексема *смузи* и некоторые ее производные приводятся в работах по новейшим заимствованиям как факт пополнения лексикона русского языка, однако системного, целостного описания эта группа слов еще не получила.

Актуальность исследования определяется демонстрацией языковых механизмов, действующих в процессах адаптации в русском языке нового, ставшего широко употребительным иностранного заимствования.

Новизна предпринятого исследования заключается в системно-ориентированном характере изучения слова *смузи* (в совокупности с его деривационными возможностями) с привлечением большого лексического материала.

Цель статьи — представить комплексное описание лексического заимствования *смузи* в русском языке, проследив его освоение на всех уровнях языковой системы и его лексикографическую фиксацию.

Материал исследования: при сборе эмпирического материала использовались электронные источники (Яндекс, Гугл, НКРЯ), база данных информационного агентства Integrum.

Методы исследования: системный, классификационный, статистический, структурно-семантический, словообразовательный, этимологический, контекстный.

Теоретическая основа: теория заимствования и освоения новой лексемы в языке-реципиенте, теория неологизации и узуализации, лексикографирование неолексем.

Анализ. 1. «Модные слова» как объект изучения разных дисциплин. Слово *смузи* часто сопровождается метаязыковыми комментариями *это модное слово смузи*. Гиперактивность и популярность этого слова и его многочисленных производных не может не обращать на себя внимания. Феномен модных слов привлекает внимание социолингвистов, культурологов во многих странах; ср. некоторые термины, принятые в национальных лингвистиках: англ. *vogue words*, *buzz words/buzzwords*; нем. *Modewörter*; франц. *mots à la mode*; исп. *palabras de moda* — ‘модные слова’; англ. *hype words* — ‘ажитажные слова’, нем. *Schlagwörter* — ‘модные слова’, нем. *Hype-Wörter* — букв. ‘хайповые слова’. Понятие «модных слов» включает в себя широкий диапазон языковых элементов: это и неологизмы, и актуализированные лексические единицы, и ставшие очень частотными лексемы.

Развитие средств коммуникации в конце XX в., появление электронно-компьютерных средств связи существенно повлияло на скорость распространения лексических инноваций не только в пределах одной страны, но и в глобальном масштабе. Изучение тех или иных лексических феноменов, приобретающих и приобретающих в отдельные периоды русского языка, особенно начиная с 1985 г., высокую степень популярности, становившихся гиперактивными, ведется и в русистике. Такие феномены получают разные обозначения: *ключевые слова текущего момента*, *слова-символы*, *слова-хронофакты*, *модные слова*, *лексические*

маркеры и др. Сформулированы четыре критерия объекта моды, позволяющие говорить об атрибутивных признаках «модного объекта» в социолого-культурном аспекте: современность, универсальность, демонстративность, игра [Гофман 2000], которые были прокомментированы и верифицированы на лингвистическом материале². В. Г. Костомаров подходил к категории модного в языке с социолингвистических позиций, выделяя четыре центральных социальных компонента: «Мода как регулятор культурного и речевого поведения более четко выражена в обществе, которое *динамично, открыто, мобильно и избыточно* (курсив наш. — Т. Б., А. З.), т. е. содержит различные и конкурирующие культурные модели, между которыми можно выбирать» [Костомаров 1994: 25].

В зарубежной лингвистике как альтернативный термину *модные слова* используется термин *статусные слова*³. Обилие терминологии для обозначения данного понятия свидетельствует о том, что исследователи актуализируют тот или иной аспект неолексемы, однако термин *модное слово* можно принять как компромиссный, конвенциональный термин.

² См.: Венрева И. Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62; Мустайоки А., Венрева И. Т. Метаязыковой портрет модных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14(21): в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 453–467 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1089/mustajokiaveprevait.pdf> (дата обращения: 10.11.2022); Врублевская О. В. К трактовке понятия *языковая мода* в современной лингвистике // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 1(61). Т. 1. С. 84–88 [Электронный ресурс]. URL: <https://oaji.net/articles/2015/561-1432518296.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

³ См.: Panelius O., Steinby T. Svenska modeord. Lund: Gleerups, 1970. 178 s.; Pulkkinen P. Suosiako vai kaihtaa muotisanaja? // Kielikello. 1981. № 1. S. 9–14 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kielikello.fi/> (дата обращения: 30.10.2022); Andersson L.-G. Fult språk. Stockholm: Carlsson Bokförlag, 1985. 245 s.; Corson P. Using English Words. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1996. 226 p.

Модные слова — лексические единицы (лексемы и словосочетания), которые появляются в речи/языке в определенный период времени для наименования новых явлений, реалий и процессов и становятся популярными и частотными средствами для их обозначения в языковом коллективе, в какой-либо социальной группе или в профессиональном сообществе.

Повышенное внимание к изучению модных слов во многом мотивируется принципом антропоцентризма в языке, учитывающего в функционировании языкового элемента эмоциональный мир, чувства говорящего индивида, те или иные предпочтения всего социума или его части. Совершенно очевидно пересечение сфер исследования «модных слов» как социолингвистического феномена (см. выше) и как объектов описания лексикологии и лексикографии.

Настоящее исследование ставит целью комплексное изучение слова *смужи*, описание особенностей его адаптации в русском языке, участия в современных деривационных процессах, степени узуализации этого слова и его производных, проблем их лексикографирования. Первичные наблюдения о неологизме *смужи* даны в работе [Петрова 2016], однако объем собранного нами корпуса, включающего морфологические варианты и производные этого слова (около 200 неолексем) позволяет представить глубину его разработки на всех уровнях языковой системы и в существующей лексикографической практике.

2. Графико-фонетическое и морфологическое освоение заимствования. Прототипом заимствования *смужи* в русском и других языках является английское слово (в двух вариантах) *smoothie/smoothy*, которое фиксируется в словаре английского языка с 1977 г. в значении ‘густой напиток, состоящий из свежих фруктов, в частности бананов, протертых с молоком, йогуртом или мороженым’; слово образовано от прилагательного *smooth* ‘гладкий, ровный’⁴. Особую трудность при заимствовании представлял

⁴ Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www-oed-com.libproxy.tuni.fi/noresults?browseType=sortAlpha&noresults=true&page=1&pageSize=20&q=liquid+food&scope=ENTRY&sort=entry&type=dictionarysearch> (дата обращения: 20.10.2022) (OED).

английский звук [th]. Фонетическое освоение английского слова протекает с помощью двух механизмов: транскрипции (передача звукового облика иностранного слова буквами другого языка) и транслитерации (передаче графического облика иностранного слова буквами другого языка). Транскрипционный принцип дает в русском языке такие орфографические формы: *смусси* (наиболее употребительный из них): *Лена Ленина... приготовила изысканное блюдо из королевских креветок и ягодное смусси* (Афиша@mail.ru (afisha.mail.ru). 05.12.2011); *смуси*: *Заметим, что в овощных смуси клетчатка содержится все же не в своем первоначальном виде, она не обработана до поступления в желудок* (Новости Wemontreal wemontreal.com. 31.10.2022).

Транслитерационному принципу следуют написания *смутти/смутти*: *Если вы хотите похудеть, внимательно рассмотрите ингредиенты для смутти, ведь многие из них достаточно калорийны* (Комсомольская правда (kr.ru). 20.08.2014); *Я пью фиолетовый смутти* (Pozitiv365 (pozitiv365.ru). 30.12.2018).

Финаль на *-ис* — попытка передачи множественного числа английского прототипа *smoothies*, превратив его в существительное единственного числа в русском языке: *смюзис, смутис*: *Смюзис — самая вкусная и простая еда, которую когда-либо придумывал человек. Такое необычное название напиток получил от английского smooth — мягкий, однородный... В русском языке аналогичного слова подобрать не удалось, так и вошло это лакомство в нашу лексику как смюзис или смутис* (Красота & здоровье. 15.09.2009); *смүфис*: *А вот как адекватно отобразить его на русском — никто пока не придумал, вот и встречаются в ресторанных картах самые разные и не всегда благозвучные названия — от «смюзис» и «смүфис» до «смүти»* (Restoratorchef.ru. 15.06.2009). Ср. аналогичные случаи заимствования русским языком английских слов как существительных в единственном числе, хотя в языке-оригинале лексемы используются чаще всего во множественном числе, иногда совпадая с формой единственного числа: *памперс* — *памперсы* (англ. ед. и мн. *pampers*), *сникерс* — *сникерсы* (англ. ед.

и мн. *snickers*), *лег(з)инс* — *лег(з)инсы* (англ. ед. (редко) *legging* и (преимущественно) мн. *leggings*).

Морфологическая форма неолексемы в языковом обиходе неустойчива, что связано с трудностями категориального деления неодушевленных существительных. Чаще всего иноязычные по происхождению несклоняемые существительные относятся к среднему роду [РГ 1982, 2: 469], однако колебания между принадлежностью к мужскому или среднему роду особенно заметны при обозначении напитков, пищевых продуктов. Например, в [Русграм; Савчук 2011] слова этой тематической группы обнаруживают доминирующую морфологическую отнесенность к словам мужского рода. Наш материал также свидетельствует о колебаниях между указанными грамматическими родами. *Музи* и его орфографические варианты используются в текстах как в мужском роде: *Идеальный завтрак для меня — утренний музи* (7 Дней. 28.12.2015)⁵; *Смешайте и перелейте полученный смусси в стакан* (Тюменская область сегодня — газета (tumentoday.ru) (Тюмень). 05.03.2011), так и в среднем: *Случайно попало очень вкусное смусси «щербет из манго»* (Форум для общения и отдыха (web-dialog.com). 07.07.2022).

В наших материалах отмечены также разговорные и сленговые варианты слова *музи*, где грамматический род русифицированной формы слова определяется уже включением лексемы в морфологическую систему русского языка: женский род — *смюзя*: *Выпила смюзю из сельдерея под Реквием Моцарта* (News24 (news24.pro). 19.08.2022), мужской род — *смюзяка*: *Смюзяка что надо, но не мое, что я осознал не так давно* (<https://www.viderzhka.ru/collection/rossiya/product/banka-05-unbreakfast-rewort-msk>). Таким образом, в русском языке нормативный, узуальный вариант *музи* имеет большое количество некодифицированных вариантов, что является доказательством популярности

⁵ В словаре Т. А. Голиковой дана также форма в мужском роде *смүз*, но без иллюстрации; см.: Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка: 2000–2020 гг. М.; Берлин, 2021. С. 367 (Голикова-2021).

самой реалии и множественностью способов адаптации этого слова в разговорно-просторечных коммуникативных сферах.

3. Словообразовательные особенности. Неолексема *смузи* активно используется при создании производных в устном общении и в письменной форме.

В разговорном языке достаточно часто используется уменьшительно-ласкательная форма для обозначения этого продукта:

Какой приятнейший во всех планах *смузик*! (<https://untappd.com/b/red-button-brewery-jet-on/4398842>);

...тыквенный *смузик* с облепихой, корицей и имбирем (Profibeer.ru. 29.10.2021).

Относительное прилагательное — высоко реализуемая словообразовательная потенция существительного. У существительного *смузи* также фиксируется прилагательное *смузийный*, обладающее низкой употребительностью (потребность в адъективном значении компенсируется сверхактивным префиксидом *смузи-...*, а также *смузи* в функции неизменяемого прилагательного, об этом см. ниже) и имеющее значение 'относящийся к смузи, его приготовлению, употреблению; являющийся смузи, свойственный ему':

Какой-то *смузийный* рай. Мне понравился вариант яблоки с бананами и с курагой (<http://7epazametku.ru> > kulinariya.ru > *smuzi-v-blendere*);

«*Смузийный*» секрет: 20 % успеха — удачное сочетание вкусов, 80 % — выбор вкусных и свежих ингредиентов (<https://ozreksosh.ru>).

Зафиксировано и другое, еще более редкое прилагательное *смузишный*:

Интересный вкус, отдает какими-то травами, одеколоном, но это вкусно, *смузишный* саур, не кислый (<https://kursk.podtapkom.ru> > beer);

Несильно *смузишный*, цвет странно сероватый из-за черники, если был послаще мне бы больше зашел (<https://untappd.com/black-cat-brewery-fluffy-smoosh>).

Ср. аналогичные словообразовательные модели в русском: *ралли* > *раллийный*, *пустяк* > *пустяшный*.

В блогах, отзывах о посещении смузи-баров, обмене рецептами по приготовлению смузи, рекламе зафиксированы образованные от этих прилагательных наречия *смузийно* и *смузишно*:

Смузийно, но без перебора пюре. Аромат черничного пирога. Во вкусе черника, ежевика, сладкая составляющая за счет умеренной

ванили, банан придает текстуру и плотность... (<https://untappd.com/b/red-button-brewery-jet-on/4398842>);

Очень вкусно, супер *смузишно*, слегка водянисто, но в меру (<https://www.viderzhka.ru/collection/rossiya/product/banka-05-leaf-your-life-sindrom-spb>).

Заведение, специализирующееся на приготовлении и продаже *смузи*, иногда называется *смузийная* (субстантивация в форме женского рода прилагательного *смузийный*; ср. *бургерная*, *пельменная* и др.), однако значительно чаще встречается англозаимствование *смузи-бар* (*smoothie bar*): *Развиваются фитнес-центры, курсы йоги, рынки локальных продуктов, фреш- и смузи-бары и пр. Люди хотят жить дольше и качественнее и поэтому стали обращать внимание на то, что они едят и что пьют* (Ежедневная деловая газета РБК. 11.04.2018), — давая простор номинативным возможностям для привлечения клиентов в торгово-рекламном бизнесе. Например, *смузийно-сэндвичная*: *В Одессе куча гамбургерных и смузийных. Особенно поразила смузийно-сэндвичная недалеко от Потемкинской лестницы* (<http://www.forum.za-nauku.ru/index.php?topic=4245.0>); *смузийно-мафинная*: *Раньше были пельменные и рюмочные, потом появились блинные и кальянные... сегодня пора открывать смузийно-мафинные* (https://pikabu.ru/story/risovalkin_19_5191307).

Другие образования с компонентом *смузи-...*, обозначающие места, где готовят и продают такие напитки, менее употребительны: *смузи-киоск*: *Роботизированный смузи-киоск — в магазине Walmart в Диксоне, штат Калифорния* (Век Вендинга (veq.ru) (Дубна). 31.12.2020); *смузи-кафе*: *Сегодня во многих странах (и у нас тоже) работают смузи-кафе, где во время обеденного перерыва яблоку негде упасть от толпы «белых воротничков»* (7 Дней (7days.ru). 10.08.2021); *смузи-ресторан*: *На Западе это повальная мода — издаются сотни книжечек про смузи-питание, открываются смузи-рестораны, продаются готовые смузи* (<http://diets.wild-mistress.ru/diets/2009-06-17-386698.html>).

Глагольные лексемы в нашем корпусе единичны, окказиональны. Это двувидовой глагол *смузить* 'приготовить — приготовить смузи путем смешивания с помощью блендера нескольких ингредиентов': *...смузить по утрам киви с бананами* (Бизнес-новости Республики Коми (bnkomi.ru))

(Сыктывкар). 06.12.2015), — причем двувидовость стала преодолеваться благодаря появлению парного глагола несовершенного вида *смυзировать* [Петрова 2016: 85]⁶, от которого образовалось существительное *смυзирование*⁷:

Смешайте все ингредиенты и взбейте в блендере! И приятного смυзирования, <...> дай вам Бог! (<https://fotostrana.ru/public/post/231993/146657668/>) —

и рефлексивный глагол *смυзироваться* ‘превращаться — превратиться в смυзи, перемешиваться — перемешаться в блендере до однородного состояния’: *не мешай смυзи смυзироваться* (<https://vk.com/wall360233600>). Также зафиксирован глагол однократного действия *смυзнуть*: *Смυзнём по коктейльчику?!* (<https://teenage.by/article/smuzi>).

Глагол *смυзимейкерствовать* образован от заимствованного существительного *смυзимейкер* (англ. *smoothie maker*) в значении ‘блендер для приготовления смυзи’ и синонимичен неоглаголу *смυзировать*.

4. Лексико-семантическая классификация сложений с начальным компонентом смυзи-... С 1990-х гг. в русском языке активно идет производство слов с повторяющимися начальными компонентами, обычно восходящими к англозаимствованиям. Слово *смυзи* подверглось адъективации и в функции начального компонента сложных слов со значением ‘относящийся к смυзи, его приготовлению, продаже; являющийся смυзи, свойственный ему; имеющий его консистенцию’ участвовало в образовании обширного ряда производных, которые могут обозначать:

1) напиток, еду: *смυзи-блинчики, смυзи-борщ, смυзи-десерт, смυзи-еда, смυзи-йогурт, смυзи-каша, смυзи-квас, смυзи-коктейль, смυзи-лимонад, смυзи-мид* (англ. *tead* ‘мед’), *смυзи-микс, смυзи-молоко, смυзи-мороженое, смυзи-напиток, смυзи-парфе, смυзи-пюре, смυзи-саур, смυзи-саур-эль, смυзи-сидр, смυзи-сироп, смυзи-стаут, смυзи-суп, смυзи-торт, смυзи-угощение, смυзи-чай, смυзи-шейк, смυзи-энергетик*;

2) того, кто готовит смυзи, хорошо разбирается в этом деле, занимается бизнесом,

связанным с приготовлением и продажей смυзи, производством оборудования для этого: *смυзи-мастер, смυзи-мастерица, смυзимейкер* (открыта вакансия «смυзимейкер»), *смυзи-предприниматель, смυзи-профессионал, смυзи-шеф, смυзи-стартапер*;

3) заведение, место в заведении, где готовят, продают смυзи: *смυзи-зона, смυзи-киоск, смυзи-кафе, смυзи-кофейня, смυзи-маркет, смυзи-ресторан, смυзи-шоп*;

4) приспособления, технические средства для приготовления смυзи: *смυзи-байк, смυзи-блендер, смυзи-велосипед, смυзи-машина, смυзимейкер/смυзи-мейкер, смυзи-фильтр*;

5) смυзи определенного состава с лечебными, косметическими свойствами: *смυзи-детокс, смυзи-диета, смυзи-диуретики, смυзи-красота*;

6) смυзи определенного состава (иногда для приема в определенное время): *смυзи-день* (сегодня мы продвигаем смυзи-день, а завтра другой продукт), *смυзи-завтрак* (порция смυзи-завтрака из сельдерея и петрушки), *смυзи-ланч* (рецепты смυзи-ланчей), *смυзи-обед* (рецепты смυзи-обедов), *смυзи-перекус* (готовим зеленые овощные смυзи-перекусы);

7) действие, процесс, связанные с приготовлением смυзи: *смυзи-пейринг* (англ. *pairing* ‘смешение, сочетание’), *смυзи-смешивание*;

8) перечень предлагаемых в заведении питания смυзи: *смυзи-карта, смυзи-меню*;

9) питание с употреблением смυзи (в какое-л. время): *смυзи-питание, смυзи-утро, смυзи-обед* (*смυзи-обед дома*), *смυзи-ужин, смυзи-день* (устройте смυзи-день из 5 коктейлей);

10) повальное увлечение смυзи: *смυзи-бум, смυзимания*;

11) совокупность нескольких разновидностей смυзи: *смυзи-коллекция, смυзи-наборы*;

12) посуду для смυзи: *смυзи-емкость, смυзи-стаканчик, смυзи-контейнер*;

13) сторонника смυзи-движения: *смυзи-активист*;

14) того, кто любит пить смυзи, часто его употребляет: *смυзилюб, смυзиман, смυзиманка*;

15) активную деятельность группы людей, связанную с пропагандой смυзи как элемента правильного (здорового) питания: *смυзи-движение*;

⁶ См. также: Голикова-2021. С. 368.

⁷ Там же.

16) развлекательное мероприятие с употреблением смузи: *смузи-вечеринка, смузи-пати;*

17) лечение с помощью смузи: *смузи-терапия.*

Зафиксировано несколько слов, обозначающих лицо, занимающееся приготовлением *смузи* в специализированных заведениях, но эти лексические единицы встречаются довольно редко. Среди них: *смузист* (суффиксальное производное от *смузи*): Знакомый «**смузист**» поделился своим любимым рецептом (<https://m.restojob.ru>). О недостаточной освоенности этой номинации в русском языке свидетельствуют следующие тексты:

В России нет пока такой профессии, как детокс-бармен или *смузист* (https://pikabu.ru/story/interesnyie_professii_6055277);

Я, как начинающий *смузист* (слово выдуманное), решила найти какой-нибудь самый простой блендер с хорошими отзывами (https://www.eldorado.ru/cat/detail/blender-kitfort-kt-1340-2-goluboj/?show=instruction&utm_source=google&utm_medium=organic&utm_campaign=google&utm_referrer=google).

Для обозначения этого понятия разово использовано сложение *блендермен-смузист* и сложения со *смузи*.... Например, *смузи-мастер*: ...об особенностях и нюансах разных моделей [блендера] рассказывает опытный **смузи-мастер** Марина Балыкина (Organicwoman.ru. 09.07.2019); *смузи-мастерица*: **Смузи-мастерица** Варвара Казанцева (Телеканал Первый канал (1tv.ru). 20.12.2020).

Словами *смузи-мастер*, *смузимейкер* обозначается также блендер, его разновидность для приготовления смузи: *Мой «смузи-мастер» верой и правдой служит вот уже 7 лет. Блендер BOSCH MSM 67150* (<https://irecommend.ru/content/moi-smuzi-master-veroi-i-pravdoi-sluzhit-vot-uzhe-7-let>); *Оптимальный вариант для тех, у кого вся жизнь проходит в движении, — смузимейкер, который можно носить с собой и готовить смузи тогда и там, где вам это удобно. Работает от батареи* (<https://ichip.ru/sovety/pokupka/smuzimejker-cto-eto-takoe-i-chem-on-luchshe-blendera-800802>). Имеется и другое устройство для приготовления смузи — *смузница*, которое от блендера отличается меньшей мощностью, компактностью: *Блендеры и смузницы купить по выгодным ценам в интернет-магазине* (<https://kompas39.ru/catalog/>

ekosistema_xiaomi/kukhonnaya_tekhnika/blendery_i_smuznitsy/); *Если вы любитель свежайших напитков из овощей и фруктов — смузи, то Qcooker mini именно для вас. Легкий в управлении, компактный и практичный блендер-смузница от Xiaomi* (https://gastore.ru/catalog/blendery_i_smuznitsy/smuznitsa-blender_xiaomi_qcooker_mini_belyy/). Это наименование — пример освоения понятия и включения его в лексико-семантический класс слов с суффиксом *-ниц-* со значением ‘посуда’: *супница, утятница, вафельница* и др.

Об активном вовлечении всего понятийного и лексического ряда *смузи* в тематически близкие группы свидетельствуют новообразования с другими использующимися в русском языке префиксоидами. Например, компоненты *био...*, *эко...*, *органик...* часто применяются для обозначения, маркировки продуктов: *биомолоко, биоряженка, экокефир, экосметана, органик-молоко, органик-йогурт, органик-мед* и др. [Буцева 2021]. Это маркетинговый ход, так обозначают якобы экологически чистые, полезные продукты. Образование слов *биосмузи, экосмузи* — в этом тренде: *На первом этаже располагается... зона с салатами, экосмузи (проще говоря, десертами из смешанных в блендере ягод или фруктов с добавлением льда, сока или молока)* (Коммерсантъ (Санкт-Петербург) (Приложения). 20.05.2013); *Заказать волшебный завтрак домой и утонуть в биосмузи, соках, правильном хамоне* (Posta-Magazine.ru. 12.07.2019). Впрочем, такой лингвомаркетинговый нейминг характерен и для других языков; ср. англ. *bio smoothie*, нем. *Bio-Smoothie*.

В интернет-коммуникации *смузи* может выступать в функции неизменяемого прилагательного⁸, стоящего перед определяемым

⁸ Возможность неозаимствования *смузи* проявлять себя в разных морфолого-синтаксических и деривационных обликах позволяет отнести его к типу полифункциональных лексем, как правило, усиливающих тенденции к анализируемости в русском языке; см. об этом: Рошина Ю. В. Проявления тенденции к анализируемости в современной русской морфологии (на материале предметных и признаковых слов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 28 с.; Кромер Э. В. Полифункциональность морфологических единиц как основа аналитизма русской разговорной речи // Вестник государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.

существительным: **Смузи бар** — бар с напитками на основе свежих ягод (<https://alexander-bar.ru/uslugi/smuzi-bar/>); ср. другое значение: Полностью укомплектованная барная станция — это практически готовый смузи-бар, который остается установить, например, в торговом центре или другом подходящем месте (<https://www.complex-trade.ru/blog/oborudovanie-dlya-smuzi-bara-kak-delat-vkusnye-miksy-iz-poleznykh-ingredientov/>); **Смузи кофе**⁹ с ванилью (Untappd (untappd.com). 01.10.2021); **Смузи боул** творожно-овсяный на ряженке с фруктами — десерты, кулинарный рецепт с пошаговыми фото и отзывами (<https://buljon.ru/recipe>) и др. Заметим, что для новых заимствованных существительных характерно одновременное использование их еще в двух ипостасях: в определительной функции в качестве начального компонента сложного слова и в функции неизменяемого прилагательного в препозиции к определяемому существительному (подробнее о неустойчивости и трудностях кодификации орфографического оформления сложных слов со слитным, раздельным, дефисным написанием см.: [Буцева, Зеленин 2022]).

Смузи используется и в качестве второй части сложений. Например, *сок-смузи*: Яблочно-морковный *сок-смузи* (Supersadovnik.net. 23.10.2022); *фреш-смузи*: *Хорошо такой фреш-смузи подойдет в качестве*

перекуса (Рецепты с фото пошагово — Нямкин (nyamkin.ru). 14.08.2019); *йогурт-смузи*: *Йогурт-смузи позволяет уменьшить аппетит и содержит большое количество кальция* (DailySmi.net 24.11.2014); а также *каша-смузи*, *квас-смузи*, *коктейль-смузи*, *лимонад-смузи*, *суп-смузи* и др.

В нашем корпусе содержатся лексико-семантические стяжения многословных словосочетаний, напоминающие словообразовательный принцип телескопической деривации: *мастер-класс по приготовлению смузи* > *мастер-смузи*: *Главный спонсор фестиваля поделится своими здоровыми и вкусными блюдами на мастер-смузи в рамках подготовки к лету* (Новости туризма Турции и мира (gursesintour.com). 08.04.2019).

Синонимия среди производных со *смузи*... невелика, но она примечательна фиксацией языковых поисков при освоении неолексемы, активном процессе словопроизводства с использованием русских словообразовательных ресурсов. В нашем корпусе отмечены следующие группы синонимов:

а) существительные для обозначения специалиста по изготовлению напитка: *смузи-мастер*, *смузимейкер* и *смузист* (с использованием суффикса *-ист* — русской словообразовательной системы);

б) существительные для обозначения аппарата: *смузимейкер* = *смузница* (разг.);

в) существительные для обозначения технических устройств, основанных на приготовлении такого напитка при помощи мускульной силы человека на велотренажере, велоэргометре: *смузи-байк* = *смузи-велосипед* = *велоблендер* = *велошейкер*: **Велошейкер**, или **Смузи Байк** — развлекательный агрегат, материализующий русскую поговорку «Как потопаш — так полопаш». Пока вы крутите педали — работает шейкер, готовя смузи из выбранных вами компонентов (<https://dzen.ru/media/prointeractive/velosheiker-ili-smuzi-baik-razvlekatelnyi-agregat-materializuiuscii-russkuiu-pogovorku-kak-potopaesh-tak-polopaesh-poka-vy-krutite-5f4c8e2a-7f8afc285eb7c8b5>); **велоблендер** — спортивный аттракцион, который позволит создавать вкуснейшие смузи из овощей либо фруктов (<https://www.vyezdnoecasino.ru/product-page/veloshejker>);

г) глаголы для обозначения процесса изготовления напитка: *смузить* = *смузировать* = *смузимейкерствовать*;

2010. № 3. С. 40–44; Маринова Е. В. Класс полифункциональных слов русского языка в сфере иноязычной лексики // *Rossica Olomucensia* LIII. Синкретизм и полифункциональность в языке. Ladislav Vobořil a kol. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. С. 41–49; Маринова Е. В. Исследование полифункциональных иноязычных слов на базе электронно-поисковой системы «INTEGRUM» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 37. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 43–51; Родионова И. Г. Развитие аналитических форм и аналитических конструкций в грамматическом строе современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2021. 46 с.

⁹ Ср. *смузи-бар*. В подобных случаях возникает лексикографическая проблема, как описывать подобные случаи: с заголовком *смузи-бар* и *смузи бар* или *смузи-бар* описывать отдельно и давать *смузи*, неизм. прил. (с цитатой или речением на *смузи бар*).

д) синонимия прилагательных: *смузийный* = *смузишный* (доминирование первого).

5. Развитие многозначности. Новые заимствования, быстро проникающие во многие сферы коммуникации при помощи современных массмедиа, заимствуются теми или иными социолектами, адаптируются к новой среде и наполняются новым смыслом применительно к тематической специфике понятий и реалий в социальной группе. В нашем корпусе **не отмечено переносных значений** в самом существительном *смузи*, но они зафиксированы в производных. Механизмом сдвига значений выступают в нашем корпусе функциональный перенос, метонимия или метафора. Относительные прилагательные *смузийный*, *смузишный*, наречие *смузишно* в разговорном употреблении могут приобретать метонимический сдвиг 'связанный с употреблением смузи', что ведет к дальнейшему потенциальному развитию семантики вплоть до метафорического значения: *Следите за калориями? Тогда смузишно вам утра* (https://vk.com/wall392036823_2101); *Будешь ощущать себя смузишно и улыбаться. Улыбаться будешь... плодово-ягодной улыбкой!* (<https://vareniebar.vsite.biz/news/1718>). Но все-таки в пределах тематической «пищевой» сферы доминирует производная лексика с метонимическими модификациями. Например, глагол *смузироваться* претерпевает легкую семантическую вариацию 'превращаться в пюреобразную массу': *В малой чаше ноблендера [о ручном блендере] «Бош» лук крошится, годится и в зажарку, и в салат. В мельничке «Гемлюкс» смузируется, годится... нигде не годится* (<https://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=47:13286-37>).

Высокая частотность, быстрое продвижение нового слова *смузи* в общее употребление, появление производных сопровождается проникновением неолексем в разговорно-профессиональный язык других социолектов. Это, как правило, вызывает семантическую трансформацию дериватов с использованием:

а) механизма функционального переноса: *смузи-бальзам*, *смузи-маска*, *смузи-мусс*, *смузи-пилинг*, *смузи-скраб*, *смузи-шампунь*. Компонент *смузи*... здесь употреблен в несколько ином значении: 'имеющий нежную, кремообразную консистенцию, свойственную смузи', и эта лексика относится к тематической группе «косметика, косметология»;

б) механизма метафоризации, где семантической мотивировкой служат коннотативные признаки 'смесь; смешанный, однородный по консистенции, составу': *Единственное я понял, что тебе не нравятся «смузиподобные» слова. Или ты приверженец исторически чистого русского* (<https://vc.ru/u/46955-stas-zaharov/comments>); *Пора просыпаться и шевелить мозгами, а не смузить их на солнце* (<https://t.me/s/dragunovartem?before=2077>). Примечательно, что такие контексты чаще всего сосредоточены в электронной коммуникации молодежи, в частности хипстеров, являющихся активными пропагандистами и потребителями такого напитка, что и определило высокую семантическую деривацию данной неолексемы в их социолекте.

На базе коннотативных элементов *смузи* создаются окказионализмы с оценочным, чаще всего негативно окрашенным значением, семантика которых контекстуально обусловлена. Например, *смузихлёб*: *Затем пришла эпоха айфонов, и одним махом имиджевым и самым желанным в соответствующей среде инфлуэнсеров, смузихлёбов и прочих гуру инстаграма стал iPhone строго последней модели в максимальной комплектации* (Gagadget.com. 15.07.2020); *смузи-интеллигенция*: *Если страна лишится перекупщиков, экологов, редакторов, админов сайтов, либеральных адвокатов, аналитиков из прэз-клуба и прочей смузи-интеллигенции, ничего страшного не будет* (Столичное телевидение (stv.by). (Минск). 31.03.2021); *смузи-коррупция*: *Но это все нерукопожатные вопросы, это все не смузи-коррупция, как можно такое задавать?* (E-news.su (e-news.pro). 16.07.2020). Такие дериваты свойственны или сленгу, или электронно-медийному дискурсу, игровой эффект возникает благодаря гиперактивности элемента *смузи*... в сочетании с лексемами, обладающими повышенной социально-политической «заряженностью» в современном коммуникативном пространстве.

6. Узализация и лексикографическая фиксация неологизмов. Гиперактивность лексемы *смузи* и его производных ставит перед лексикографами вопросы их отражения в словарях. Хотя это заимствование в русском языке живет уже почти 20 лет, тем не менее лексикографы достаточно осторожно относятся к включению его в словари

и справочники. Чтобы точнее определить временные границы активизации исходного заимствования, мы обратились к базе данных «Интегрум» в раздел поиска «новостные агрегаторы»¹⁰ с поисковым запросом *смузи*. Результаты запроса таковы: за период 2000–2010 гг. в российских СМИ было зафиксировано только 6 упоминаний, за период 01.01.2010–31.12.2020 — 3 870. Именно в середине 2010-х гг. происходит взрывное увеличение и количества употреблений, и активное словопроизводство.

Представим некоторые лексикографические источники с неолексемой *смузи* и ее производными.

Источник	Лексемы
Грамота.ру ¹¹	нет
«Академос» ¹²	нет
Словарь Ефремовой ¹³	нет
Словарь иностранных слов Т. В. Егоровой ¹⁴	нет
Словарь Шагаловой ¹⁵	нет
Слова XXI века ¹⁶	нет
БАС-3 ¹⁷	нет

¹⁰ Новостной агрегатор (или RSS-агрегатор) — интернет-сервис, который собирает новостную информацию с большого количества источников.

¹¹ Сайт Грамота.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

¹² Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

¹³ Толковый онлайн-словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁴ Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. 100 000 слов и выражений. М.: Аделант, 2014. 800 с.

¹⁵ Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1 500 слов. М.: АСТ, 2011. 416 с.

¹⁶ Слова XXI века (пополняемый онлайн-словарь) / автор-сост. И. А. Шушарина [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--glarj2c.xn--plai/> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁷ Большой академический словарь русского языка / ред. Л. И. Балахонова. Т. 27: Сома — Стоящий. М.: Наука; СПб.: Наука, 2021 (БАС-3).

Источник	Лексемы
НКРЯ ¹⁸	<i>Смузи</i> (2018), <i>смузи-боул</i> (2019)
Дьяков ¹⁹	<i>смузи</i>
Голикова ²⁰	<i>Смуз=смузи; смузи</i> — сущ., м. или ж. нескл. 1. <i>пищ.</i> Сладкий, густой, холодный напиток с добавлением ягод, фруктов, молока, сока, мороженого. 2. <i>Комп., жарг.</i> Сглаживание (о компьютерной графике). Варианты: <i>смуз; смузирование</i> — 1. <i>пищ. жарг.</i> Смешивание ингредиентов, приготовление напитка смузи. 2. <i>комп., жарг.</i> Сглаживание (о компьютерной графике); <i>смузить</i> , также <i>смузировать</i> . 1. <i>пищ. жарг.</i> Смешать/смешивать (о напитке смузи). 2. <i>комп., жарг.</i> Сгладить/сглаживать (о комп. графике). 3. <i>перен.</i> Сгладить; <i>смузишный</i> — <i>жарг.</i> Прил. от <i>смузи</i> (в 1 знач.)
НРЛ ²¹	<i>смузист</i> ('тот, кто готовит и продает смузи') = <i>смузиста</i> ; <i>смузистка</i> (все — 2015); <i>смузить*</i> ('готовить смузи') (2015), <i>смузишная</i> ('кафе, специализирующееся на приготовлении и продаже смузи') (2015), <i>смузишно-барбершопный</i> (2018), <i>смузишлёр</i> 'о молодом человеке: псевдоинтеллектуале, с завышенной самооценкой, нарочито показывающем свою осведомленность в каких-л. сферах (например, используя непонятные для окружающих слова и т. п.), ирон., пренебр.' (2018)
СРЯ-XXI ²²	<i>смузи, смузи-боул, смузишная</i>

¹⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.10.2022).

¹⁹ Дьяков А. И. Словарь английских заимствований русского языка. Новосибирск: Новосибир. книж. изд-во, 2010. 588 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://anglicismdictionary.ru/Slovar> (дата обращения: 21.12.2022).

²⁰ Голикова-2021. 486 с.

²¹ https://neolex.iling.spb.ru/glossary/?f%5B0%-5D=glossary_az_content_title_1%3A%D0%A1 (дата обращения: 20.12.2022). В скобках указан год фиксации слова.

²² Словарь русского языка XXI века / гл. ред. Г. Н. Складневская. Т. 1, 2. СПб., 2019.

Новые заимствования, «как правило, противостоят норме. Антагонизм, вызываемый модными словами, обычно происходит с позиций нормы. Узус определяет приемлемость определенного круга слов, которые, закрепившись в языке, приобретают соответствие норме за счет утраты признаков модного слова»²³. Об узуализации слова *смузи* говорит использование его не только в блогах, рекламе и т. п., но и, например, в авторитетных периодических изданиях: *Особое место в культурной программе фестиваля займут занятия по флористике и садоводству, а также кулинарные мастер-классы по приготовлению сладостей. В «сладких мастерских» будут учить готовить сливочное, фруктовое, ореховое, шоколадное и сырное мороженое, а также сорбенты и желе, коктейли и смузи* (ЛГ, 2017, 25); в книгах по кулинарии: *Богатую витаминами капусту используют для приготовления овощных коктейлей и смузи* (Н. Бондаренко, Н. Шинкорёва. Кулинарная энциклопедия); в произведениях художественной литературы: *Мы стояли утром на кухне, пили смузи, и он пересказывал какую-то книгу о происхождении человека от питавшихся падалью обезьян* (В. Пелевин. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами).

Сколько требуется времени на освоение таких неолексем носителями языка? В частности, Б. Н. Головин²⁴, Н. З. Котелова²⁵ считали неологизмами слова, «возникшие на памяти одного поколения», т. е. в течение 25–30 лет. С появлением Интернета неологизмы стали быстрее внедряться в речевое сознание и практику, стала возможной быстрая оценка их употребительности. В Оксфордском словаре (OED) временной интервал включения неологизма в словарь, судя по редакторским комментариям, составлял в середине 2010-х гг. примерно 8–10 лет; онлайн-словари стали включать

их достаточно быстро после появления инноваций в Интернете, однако это зависит от типологии, характера, типа словарей.

В разных конкретных случаях этот процесс протекает по-разному. Так, у весьма популярного слова *смузи*, как было уже показано выше, выделяется несколько этапов его вхождения в русский язык: а) начальный, характеризующийся единичными употреблениями в разных медийных источниках; б) фаза стабильного роста употребительности; в) резкое увеличение употребительности. Таким образом, в активном обращении *смузи* находится не 20 лет, а практически последние 8–10 лет, что оказалось недостаточным для того, чтобы слово было замечено лексикографией, тем более что процесс работы над словарями намного отстает от года их публикации. Этого времени было явно недостаточно для узуализации производных на базе слова *смузи*. Для не созданной пока теории неологии и неогрании чрезвычайно важно описание механизмов и реальных результатов узуализации неологизмов за разные временные периоды. Имеет большой научный интерес установление параметров и истинных масштабов неологических процессов в разные периоды, важно определить, что остается в языке, а что бесследно уходит.

Выводы

1. Неолексема *смузи* была заимствована русским языком из английского в начале XXI в. Фонетические особенности прототипа и трудности приспособления слова к русской произносительной системе вызвали появление целого ряда графико-орфографических и фонетических вариантов, возникших на базе транслитерации и транскрипции как механизмов перевода слова из латиноязычной графической системы в кириллическую. Собранный авторами исследовательский корпус (с начала XXI в. до 2022 г.) для системного изучения семантических, словообразовательных, грамматических аспектов освоения неолексемы *смузи* насчитывает около 200 единиц.

2. В корпусе данного исследования зафиксировано употребление слова *смузи* как в мужском, так и в среднем роде. Разговорный язык дает также употребление слова в женском роде с модификацией финали неолексемы: заменой конечного *-и* окончанием *-я*, вводящим лексему в класс

²³ Ермакова О. А. Лексические нормы и модные слова // Современный русский язык: система — норма — узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 89.

²⁴ Головин Б. Н. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1966. С. 91.

²⁵ Котелова Н. З. Проект Словаря новых слов русского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 11.

вещественных существительных женского рода. В коммуникативной практике достаточно активно используется уменьшительно-ласкательная форма этого существительного: *смужик*. Экзотичность формы слова *смужи*, трудности в передаче русской графикой английского прототипа вызывают дополнителные игровые стимулы освоения.

3. Лексема *смужи* активно осваивается русским языком, перемещаясь с лексической периферии, включенной в тематические зоны «Здоровый образ жизни», «Правильное питание» к лексическому центру, т. е. общему употреблению. Использование слова *смужи* разновозрастными носителями языка привело к быстрому расширению социолингвистической базы, способствовавшему проникновению неолексемы в разные социолектные группы. Это сопровождается взаимосвязанным, взаимообусловленным процессом: размытостью семантики производных и дополнительными смысловыми «приращениями», основанными на двух ведущих семантических механизмах: функциональном переносе и метафоризации коннотативных признаков. Благодаря этому производные окказионализмы обнаруживают тенденцию к потенциальной многозначности.

4. Слово *смужи* в русском языке уже узуализировалось, и именно в указанной форме. Ближайшие системные потенциальные производные в основном пока не достигли высокой частоты употребления (*смужист*, *смужийный*, *смужийный*, *смужить*, *смужинная*, *смужиеобразный*, *смужиеподобный*), но в силу своей системности они имеют на это шанс, как и разговорный вариант производящего слова *смужик* (ср. *компотик*, *лимонадик*, *морсик*).

5. Компонент *смужи*... обладает высокой продуктивностью, образованные с его помощью дериваты составляют многочисленные и разнообразные лексико-семантические группы. Этот компонент во многом восполняет потребность в относительном прилагательном от *смужи*, делая сообщение более коротким, чем при использовании последнего, т. е. активное использование *смужи*... связано с тенденцией к экономии средств обозначения, усиления аналитизма в русском языке. Начальный компонент сложений *смужи*... может стать объектом описания толкового словаря.

6. Для неологических наблюдений важно установить, как и в какие сроки проходит

узуализация новообразований. Это, в частности, можно наблюдать на примере неозаимствования *смужи*. Несмотря на длительность существования в русском языке (около 20 лет), активный период его освоения составляет около 8–10 лет.

7. Можно отметить использование производного прилагательного *смужийный* для образования сложных прилагательных с сочинительной связью: *смужийно-фруктовый*, *смужийно-хипстерский*, *смужийно-гироскутерный* и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буцева Т. Н. Некоторые наблюдения о неологических процессах в русском языке 2000–2020-х годов // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 125–137.
2. Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Проблемы описания композитов и их начальных компонентов в толковой лексикографии // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2022. Т. 44, № 3. С. 8–22. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.746>.
3. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 2-е изд. М.: Изд-во «ГНОМ и Д», 2000. 232 с.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
5. Петрова Е. А. Лексико-словообразовательная структура англицизмов группы «Еда» // Вестник Российского Нового Университета. Серия: Человек в современном мире. 2016. № 3-4. С. 83–86.
6. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. 717 с. (РГ-80).
7. Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%BE%D0%B4> (дата обращения: 15.11.2022) (Русграм).
8. Савчук С. О. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.), 10(17). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 562–579.

REFERENCES

1. Butseva T. N. Some observations about neological processes in Russian in the 2000–2020s. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsionalnoe i internatsionalnoe: sb. nauch. st.* =

Active processes in the contemporary Russian language: national and international: a collection of scientific articles / L. V. Ratsiburskaya (ed.). Moscow: Flinta, 2021. P. 125–137. (In Russ.)

2. Butseva T. N., Zelenin A. V. Some problems of describing language composites and their initial components in explanatory lexicography. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):8–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.746>.

3. Gofman A. B. Fashion and people. A new theory of fashion and fashion behavior (2nd ed). Moscow: Publishing "GNOM and D", 2000. 232 p. (In Russ.)

4. Kostomarov V. G. Language taste of the era: observations on the speech practices of the mass media. Moscow: Pedagogics press, 1994. 247 p. (In Russ.)

5. Petrova E. A. Lexical-wordbuilding structure of English loan words of "food" lexical set. *Vestnik*

Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire = Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World. 2016;3-4:83–86. (In Russ.)

6. Russian grammar: in 2 vols. Vol. 2 / N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Science, 1982. 717 p. (In Russ.)

7. Russian Corpus Grammar. 2011 [Electronic resource]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%BE%D0%B4> (accessed: 15.11.2022). (In Russ.)

8. Savchuk S. O. A corpus study of variants of the gender of nouns in the Russian language. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"*. (Bekasovo, May 25–29, 2011), 10(17) = *Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"*. (Bekasovo, May 25–29, 2011), 10(17). Moscow: RSUH. 2011. P. 562–579. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Таисия Николаевна Буцева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, независимый исследователь

Taisiya N. Butseva, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher

Aleksandr V. Zelenin, Doctor of Science (Philology), Independent researcher

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 25.11.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

LANGUAGE AND CULTURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>

Сердце не ёкает, или Русинглиш в современной России

Ольга Сергеевна Ильченко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
o.ilchenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6090-4579>

Аннотация. В статье поднимаются социолингвистические и когнитивные проблемы взаимодействия русского и английского языков в современной России. Основная цель автора – показать, как контаминация двух различных языковых кодов влияет на мышление, сознание, культуру, духовное состояние индивидуумов и нации в целом. Выделяются объективные и субъективные факторы, способствующие возникновению языка-гибрида, так называемого *русинглиша*. Отмечаются побудительные причины его использования русскоговорящими. Обращается внимание на недостаток в современном российском обществе условий для формирования защитного механизма речевой культуры – чувства языка. Показано, как расшатываются языковые нормы (в том числе грамматические), стираются грани между литературным языком и жаргонами. Иллюстративный материал отражает типичные случаи употребления. Ставятся жизненно необходимые задачи сохранения и защиты русского литературного языка, эмотивного и культурного кода российской нации, возрождения русской ментальности (мышления в формах языка). Подчеркивается необходимость продуманной языковой политики, просветительской работы и ответственности российских общественных деятелей. В исследовании применяются методы когнитивного, контекстуального, сопоставительного, лексико-этимологического, словообразовательного и грамматического анализа.

Ключевые слова: социолингвистика, англицизмы, национальная идентичность, эмотивный код, речевая культура, духовная культура, экология языка

Для цитирования: Ильченко О. С. *Сердце не ёкает, или Русинглиш в современной России* // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 91–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The heart does not sink or Runglish in modern Russia

Olga S. Ilchenko

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, o.ilchenko@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6090-4579>

Abstract. The article raises sociolinguistic and cognitive issues of the interaction between the Russian and English languages in modern Russia. The study aims to show how blending of two different language codes affects thinking, consciousness, culture, the spiritual state of individuals and the entire nation. The article highlights objective and subjective factors contributing to the emergence of a hybrid language or the so-called *Runglish*. I identify the stimuli motivating Russian speakers to use it. The paper draws attention to the lack of conditions in modern Russian society for forming a protective speech culture mechanism, i. e. a native speaker's intuition. The research shows how linguistic norms (including grammar) are being loosened; the distinctions between the literary language and jargons are being erased. The illustrative material reflects typical cases of usage. The paper sets vitally important objectives of preserving and protecting the Russian literary language, the emotive and cultural code of the Russian nation as well as the revival of the Russian mentality (thinking in language forms). I emphasise the need for a circumspect language policy, awareness raising, and responsibility of Russian public figures. The study applies cognitive, contextual, comparative, lexical-etymological, word-formation, and grammatical analysis.

Keywords: sociolinguistics, anglicisms, national identity, emotive code, speech culture, spiritual culture, language ecology

For citation: Ilchenko O. S. The heart does not sink or Runglish in modern Russia. *Russkij yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):91–98. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

Введение. Экспансию английского языка во все сферы общественной жизни (не исключая науку и образование) можно считать агрессивной тенденцией современного глобального мира. В данной статье мы не ставим целью изучить степень распространенности и освоенности англицизмов в различных сферах, способы их адаптации в русском языке: на протяжении последних десятилетий этой теме посвящалось немало научных работ. Актуальной нам представляется другая задача — показать, как **контаминация** двух различных **языковых кодов** влияет на мышление, сознание, культуру, духовное состояние индивидуумов и нации в целом. Иными словами, в статье затрагиваются **социолингвистические** и **когнитивные** проблемы взаимодействия русского и английского языков в современном российском обществе. Иллюстративный языковой материал отражает **типичные** случаи употребления (Интернет, телевидение и радио, автоответчики, рекламные рассылки современных образовательных платформ и курсов, нормативные образовательные документы, научные журналы, доклады на конференциях и т. д.).

Анализ. 1. Англицизмы и русинглиш. Окружающий мир меняется, и это отражается в языке: возникают (сейчас в основном заимствуются) новые слова или новые значения у старых слов. Правда, с появлением Интернета скорость подобных изменений увеличилась в сотни раз, поэтому люди не успевают привыкать к стремительному потоку неологизмов, а язык — осваивать их. Тем не менее сам факт использования в речи заимствований (в том числе из английского языка) не может оцениваться положительно или отрицательно.

С точки зрения необходимости заимствования англицизмы, как известно, могут быть **оправданными** (*компьютер* < *computer*, *курсор* < *cursor*, *онлайн* < *online*, *принтер* < *printer*, *миксер* < *mixer*), поскольку обогащают язык новыми понятиями (новые технологии, новые рыночные и экономические реалии и др.), и **неоправданными**, так как в русском языке уже были слова, определяющие

обозначаемое понятие (*подарок* → *презент* < *present*, *подросток* → *тинейджер* < *teenager*, *неудачник* → *лузер* < *loser*, *приемная* → *ресепшен* < *reception*, *сотрудничество* → *коворкинг* < *coworking*, *случай* → *кейс* < *case*). По степени освоенности англицизмы бывают **освоенными** (*пиар*, *пиарщик*, *пиар-кампания* < *PR* = *public relations*) и **неосвоенными** (*крем* с эффектом *anti-age*).

Особняком стоит так называемый *русинглиш* («рунглиш»). Последний как гибридное макароническое образование был порожден трудностями общения русскоязычных с англоговорящими. Термин *рунглиш* был популяризирован в 2000 г. как название одного из языков на борту Международной космической станции. Однако, возникнув в интернациональной среде, этот неудобоваримый гибрид русского с английским быстро распространился во всех сферах российской жизни и стал оказывать на них влияние. В данной статье термином *русинглиш* мы будем называть русский язык современной эпохи, который переполнен неоправданными англицизмами.

2. Факторы, способствующие распространению русинглиша в России. Среди **объективных** факторов распространения *русинглиша* выделим следующие: падение «железного занавеса» и курс России на сближение с Западом, глобализация информационного пространства благодаря сети «Интернет» с безусловным господством англоговорящих стран, спешное (нет времени подумать) «рабское, слепое подражание» (А. С. Грибоедов) Западу во всех сферах (о причинах этого см.: [Тер-Минасова 2014]), ведущее к потере самобытности и «отходу от внутренней логики собственного развития» [Колесов 2006: 3].

Среди **субъективных** факторов, провоцирующих использование *русинглиша*, на первое место мы ставим лень мысли, в том числе переводческой (поскольку язык — инструмент мышления), и низкую речевую культуру (в том числе поверхностное знакомство с английским языком). Отсюда вытекает мода на *гламур* как стремление прикрыть пустоту броской этикеткой (недаром *glamorize* означает ‘приукрасивать’).

3. Цель использования русинглиша русскоговорящими. Наводняя речь англицизмами, человек стремится прежде всего привлечь внимание, как-то выделиться: повысить престиж деятельности (*уборщица* → *менеджер по клинингу* < *cleaning*), поднять свой статус в глазах окружающих, показать уровень своего образования и приобщенность к «продвинутому» мировому сообществу, где доминирует английский язык (*тебе мой респект* < *respect*), порой не задумываясь о целесообразности использования тех или иных слов (*снич* < *speech Tarasa Бульбы*).

4. Почему не формируется защитный механизм речевой культуры. Существует тонкая грань, которая отделяет оправданные заимствования от неоправданных, — это соблюдение принципа **уместности и целесообразности**, сформулированного еще А. С. Пушкиным: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [Пушкин 1996]. Эту грань призвано помочь ощутить **чувство языка**, которое воспитывается с детства посредством эмоционально адекватных коммуникативных реакций взрослых, а также на образцах хорошей речи, которая характеризуется **правильностью, чистотой, смысловой точностью, логичностью, богатством и выразительностью, благозвучием**. К сожалению, в современном российском обществе не создаются достаточные условия для формирования защитного механизма речевой культуры — чувства языка. Телевидение, радио и другие российские СМИ уже давно ушли из сферы образцовой речи (а ведь речь советских дикторов была примером для подражания!). Уровень гуманитарного образования в стране катастрофически падает. Так, освоенное русским языком заимствованное слово *экспертиза* имеет устоявшееся и хорошо известное всем значение — ‘рассмотрение, исследование чего-либо знатоками, специалистами для правильной оценки чего-либо, заключения’ (*провести/заказать экспертизу*). Однако ИТ-специалисты часто используют данное слово в значении английского слова *expertise* — ‘высокий уровень специальных знаний и практического опыта’, хотя для этого значения в русском языке есть другой аналог — *компетентность*. Неоправданное употребление слова *экспертиза*

в значении не русской, а английской лексической единицы вносит путаницу в сознание русскоговорящих и уродует русский язык, например:

У меня большая экспертиза в настройке серверов (вместо: я — эксперт, я компетентен). Комиссия не имеет экспертизы по не связанному с образовательной программой тематике (вместо: не является экспертом, некомпетентна).

Все это — показатель не только отсутствия чувства языка, но и низкой **речевой культуры**.

5. Опасное расширение сфер употребления русинглиша. Сегодня стираются границы между литературным языком и жаргонами, общество демонстрирует отсутствие языкового вкуса, одним из признаков которого является чувство меры.

Русинглиш активно используется не только в молодежном сленге, но и в сферах бизнеса (*деловая встреча* → *митинг* < *meeting*, *посчитали тотал* < *total*), менеджмента (*управляющий* → *менеджер* < *manager*, *кадровики* → *эйчары* < *HR* = *Human Resources*), спорта (*перспективные боксеры* → *проспекты* < *prospect(or)*), моды (*бьюти-стилист* < *beauty*), ИТ-технологий (*экран монитора* → *дисплей* < *display*, *соединяются* → *коннектятся* < *connect*) и др.

Неоправданные английские заимствования употребляются в публичной речи политики, дикторы (*наложили рестрикции* < *restriction*), ведущие передач по радио и телевидению, в том числе историко-просветительских (*аутлеты* < *outlet*) *стрельцов* в эпоху Петра I).

Россия перенимает не всегда нужные ориентиры, представления, термины в сферах науки и образования. Так, *педагогическое мастерство* замещается *компетентностью* педагога и *алгоритмизацией* образовательного процесса (вполне приемлемые в других контекстах, здесь англицизмы отражают нежелательное смещение акцентов в сфере образования). Почти забыто понятие *режиссуры урока*. *Творческий* поиск, педагогический талант изгоняются из образовательной сферы, зато приветствуется *креативность* в бизнесе (*креативный менеджер* < *creative*). Неверный выбор значения при переводе английского модального глагола *can* искажает конечные цели обучения в нормативных образовательных документах: для языкового

сознания русскоговорящего между значениями русских слов *способен* и *умеет* есть существенное различие. Модные слова-абстракции с размытым значением употребляются вместо конкретных и понятных методических терминов (*знания, умения и навыки* → *компетенция < competence>*), дезорганизуя педагогическую деятельность¹.

Некоторые современные образовательные платформы и организации делятся не результатами размышлений и опытом педагогов, а неумелыми переложениями с английского языка своих лозунгов. Например, докладчики (как и в Госдуме, они теперь именуются *спикерами < speaker>*) желают студентам быть *энергетическими < energetic>* (вместо правильного перевода *энергичными, активными*), учебные программы становятся *акселераторами < accelerator>* и должны предусмотреть *инноваторскую активность*. Последнее прилагательное является даже не «словом-кентавром» (так называют заимствование, в котором русские корневые морфемы могут сочетаться с английскими [Крысин 1991]), а уже «словом-монстром», так как, согласно словообразовательной логике русского языка, представляет собой: 1) либо неоправданное расширение ранее освоенного заимствования из латыни *новаторский* ← *новатор*² (лат. *novator*) с помощью префикса *ин-* (лат. *in-*) по аналогии с более поздним заимствованием-англицизмом *инновационный* ← *инновация* < англ. *innovation* «нововведение, новшество» (лат. *innovatio* «(воз)обновление»), ср. также англ. *innovative* «новаторский, передовой»; 2) либо неоправданное расширение английского существительного *innovator* «новатор» + суффикс *-ск(ий)*. Прекращающийся процесс заимствования

избыточных синонимов (*передовой, новаторский, инновационный, инноваторский*) свидетельствует о стремлении выделиться не делом, а словом: замаскировать англоподобным (более статусным) «термином» пустоту и никчемность самой деятельности.

6. Когда заимствования не обогащают язык. Если использование *русинглиша* в качестве остроумной языковой игры, шуток, каламбура, в учебных целях (т. е. когда осознается, намеренно подчеркивается и обыгрывается чужеродность вкрапленных) плодотворно, то обращение к гибриду для передачи мыслей пагубно. Весьма точно это было сформулировано еще Петром I в обращении к послу: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие *иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно* (курсив наш. — О. И.): того ради тебе впредь реляции свои к нам писать всё российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [Якубинский 1986].

В науке и образовании **смысловая точность** — важнейшая характеристика. Можно говорить о «непрозрачности заимствованных слов: они не встроены в систему языка, как правило, не имеют связей с другими словами и поэтому непонятны» [Кронгауз 2019: 88]. Причем именно корневая морфема, от значения которой отталкивается носитель языка в процессе мышления, превращается в языке-гибриде в опустошенную этикетку. Становятся помехами в восприятии смысла чужеродные и явно избыточные, неоправданные англицизмы и в лингвистике (*функция воздействия* → *персуазивность < persuasive, стремление к объяснению* → *экспланаторность < explanatory>*).

Общие **критерии для введения в язык нового слова** были сформулированы К. Г. Паустовским на примере диалектизмов: «Местное слово может *обогащать* язык, если оно образно, *благозвучно и понятно* (курсив наш. — О. И.). Для того чтобы оно стало понятным, совсем не нужно ни скучных объяснений, ни сносок» [Паустовский 1983: 92]. На деле получается прямо противоположное. Вначале заимствуется «термин», который, по определению, необходим для точного обозначения понятия, а затем на протяжении нескольких лет пишутся статьи с попытками растолковать размытое значение англицизма. Так, например, обстоит

¹ Подробнее см.: Ильченко О. С. Компетентностный подход versus принципов и понятий классической методики и педагогики // Высшее образование сегодня. 2015. № 7. С. 16–19 (Ильченко-2015).

² *Новатор* (< лат. *novator* «обновитель») — «человек, вносящий и осуществляющий новые, прогрессивные принципы, идеи, приемы в какой-л. области деятельности» (Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. С. 337) → *новаторство* «новое в созидательной деятельности людей; деятельность новаторов, новация, новаторский» (Там же).

дело с терминами *компетенция*³ (в педагогике) и *персуазивность* (в лингвистике).

Такое качество хорошей речи, как **благозвучие** (отсутствие неудобопроизносимых, «режущих» слух сочетаний звуков, которое обеспечивает приятное и легкое для восприятия звучание текста), игнорируется, хотя фоносемантика экспериментально подтвердила различную психологическую «окраску» звуков языка при восприятии их человеком. То, что красиво звучит по-английски, в русском варианте часто приобретает грубое и неприятное звучание из-за различия артикуляционных баз двух языков. Так, мелодичное английское слово *persuasive* при транслитерации превращается в режущее слух и трудновыговариваемое слово *персуазивность*. Помимо неблагозвучия, многие англицизмы вызывают нежелательные ассоциации: термин *экспланаторность* фонетически созвучен слову *эксплуататор*, термин-словосочетание *ситуативный перевод* в угоду моде стали заменять на *коммунальный перевод* < *community translation*, ассоциирующийся с *коммунальными платежами*.

Русский и английский языки различаются по способу образования понятий. Бóльшая абстрактность английского языка проявляется в характерном для него **размытом полисемантизме** (*facility, skill, accommodation, thing, affair*), образовании новых понятий путем соположения (*apple juice seat*). Русское языковое сознание тяготеет к конкретным понятиям, в отличие от *скилзов* < *skills* и *фасилитаторов* < *facilitator*. Обилие «многозначительных» англицизмов заставляет наш ум «спотыкаться», тормозит восприятие людей, даже знающих язык-источник, сбивает с толку тех, кто его не знает, мешает сразу схватить суть дела и, как результат, разрушает привычку осмысливать любое речевое произведение. Постепенно формируется, как пишет М. А. Кронгауз, стратегия «неполного понимания» [Кронгауз 2019: 32]. Если посмотреть в Интернете историю запросов о значении англицизмов, то можно заметить, что поисковики показывают наибольшую частотность таких формулировок, как «*коворкинг/фасилитатор/абыюзер* и т. д. — что это *простыми словами?*». Кроме

того, англицизмы таят в себе опасность манипуляции с сознанием молодежи: под непонятные броские ярлыки можно подвести любую идеологию.

7. Русинглиш как грамматика абсурда. Логика обоих языков не совпадает: мозг русскоговорящего и мозг англоговорящего используют не только разные лексические, но и разные грамматические инструменты для выражения одной и той же мысли. Специфика грамматики английского языка проявляется в употреблении «упаковочных» герундиальных и инфинитивных конструкций, расширенном использовании страдательного залога. Однако даже более консервативные структуры языка разрушаются неграмотными переводами, в результате чего мы получаем **грамматику абсурда**.

Игнорирование скрытой **категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности** приводит к неграмотному переводу с английского рекламных роликов. Конструкция с притяжательным местоимением *Моя кожа такая чувствительная* < *My skin* означает, что кожа отделена от тела. В русском языке неотчуждаемая принадлежность обозначается конструкцией с предлогом: *У меня чувствительная кожа*.

Непонимание межязыковых различий проявления **категории переходности/непереходности глагола**⁴ приводит к ошибкам в текстах автоответчиков (*Ваш звонок будет отвечен первым освободившимся оператором* < *Your call will be answered by...* вместо: *На ваш звонок ответит первый освободившийся оператор*).

8. Коммуникативное поведение как отражение мирозерцания. Коммуникативное речевое поведение англоговорящего не совпадает с таковым у русскоговорящего как представителей различных культур — **коллективистской, соборной** русской **МЫ**-культуры и **индивидуалистской, «соборной»** английской **Я**-культуры. Ср.: *благодарю Вас* (местоимение, обозначающее уважаемого высокопоставленного адресата сообщения, пишется с большой буквы) — *thank you*; *меня зовут Мариной* — *my name is Marina*; но нескромное, чужеродное русскому языку

³ Подробнее см.: Ильченко -2015. С. 16.

⁴ Подробнее см.: Ильченко О. С. Аспекты изучения темы «Глаголы переходные и непереходные» в VI классе // Русский язык в школе. 2011. № 12. С. 23–28.

«яканье»: я — *Марина* (англицизм) ← *I am Marina* (местоимение, обозначающее адресанта, всегда пишется с прописной буквы), *в нашей стране* — *in my country*. А вот отказ от притяжательного местоимения как определения к слову *страна* (*country*) выдает гражданскую позицию говорящего. Презрительное выражение *в этой стране*, которое, начиная с перестройки и вплоть до сегодняшнего дня, можно услышать в речи некоторых людей, сигнализирует об отчуждении от России, поскольку, с точки зрения языковой семантики, выводит объект из сферы принадлежности. Указательное местоимение *эта* свидетельствует всего лишь о близком местонахождении в пространстве, но ментально — вне страны, а значит, и вне ответственности за ее судьбу. Любящий свою Родину, но недовольный тем, что в ней происходит, никогда не скажет *эта страна*. Ощущая себя частью родной страны (*родной стороны*), патриот скорее вздохнет: *У нас все не как у людей*. И англоговорящий выражение *in this country* употребит только по отношению к той стране, где он временно пребывает, работает или путешествует — и никогда так не скажет о стране, где он живет постоянно, где он родился.

Языки отражают различный взгляд на мир. В случае необходимости введения смыслов, удачно выраженных средствами другого языка, наилучшим вариантом для понимания и знаком уважения к языку-источнику оказываются **иноязычные вкрапления** (употребляемые без перевода и с соблюдением графики и орфографии языка-источника), сигнализирующие о необходимости **переключения языкового кода** (кстати, в устной речи так часто поступают билингвы). Этим приемом широко пользовались русские писатели (А. С. Пушкин, А. П. Чехов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.). Умелое обыгрывание иноязычных, особенно латинских вкраплений⁵, обогащало язык классической русской литературы.

9. Влияние русинглиша на национальное сознание. *Русинглиш* оказывает разрушительное воздействие не только на процесс мышления, но и на формирование национального сознания. На манер делового

английского вытесняется русская традиция уважительно звать взрослых по отчеству [Тер-Минасова 2014], отдаляются духовные ориентиры (*меценат* → *спонсор*⁶ < *sponsorship*), обедняется эмотивная составляющая русского языка (*няня* → *бэбиситтер* < *babysitter*, *мой парень* → *бойфренд* < *boy-friend*, *не желающий иметь детей* → *чайлдфри*⁷ < *child-free*), устраняется этическая и нравственная оценка поступков, проецируется мир, находящийся «по ту сторону добра и зла», свободный от морали (*убийца* → *киллер* < *killer*). Причем у Ф. М. Достоевского моральная оценка звучит еще сильнее: Раскольникова называют *убийцей* по аналогии с оценочными словами *мерзавец*, *подлец*. Заимствование, как правило, лишено эмоциональной окраски, сердце русскоговорящего не ёкает при звуке чужого слова (*оскорбитель*, *агрессор*, *насилник* → *абьюзер* < *abuser*, *сотрудничество с врагом против страны гражданства в военное время* → *коллорабационизм* < *collaboration*). Ориентация на чувство справедливо признается отличным восточнославянской культуры *Slavia Orthodoxa* от культуры Запада, с характерной для нее ориентацией на рассудок [Колесов 2006: 278]. Давно подсчитано, что почти половина русских слов носит оценочный характер, а в любом другом языке эта сумма не превышает 10–15 % [Там же: 284].

Человеческая личность в глазах идеологов глобального рынка низводится на уровень инструмента, приносящего доход (*человеческий капитал*⁸ < *human capital*), приравнивается к органическому химическому

⁶ *Меценат* бескорыстно поддерживает заложенные в человеке способности, важные для блага других людей, для культуры в целом. *Спонсор* просто занимается бизнесом, а не совершает блага, он — выгодоприобретатель и действует из корыстных побуждений — рекламы идеи, товара или саморекламы.

⁷ *Чайлдфри* — субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным желанием не иметь детей (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Чайлдфри>).

⁸ Понятие «человеческий капитал» соответствует предлагаемому экономической теорией определению капитала как запаса благ, который, накапливаясь, **приносит доход** благодаря инвестициям; только человеческий капитал характеризуется еще неотделимостью от личности своего обладателя.

⁵ См. об этом: Ilchenko O. S. Latin insertions in Russian literature of the second half of the XIX century // Russian linguistic bulletin. 2020; 3(23):140–144. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.7>

соединениям («белковый» перевод < *protein translation* — заимствовано из биологии), например: *Недавно мне довелось прочитать исследование, в котором сравнивались два «белковых» перевода художественного текста и перевод от Яндексa*. Отношения между людьми и сами люди, подобно неодушевленному веществу, могут называться *токсичными* < *toxic*.

Модные сочетания *правильные торты, правильные девушки, правильные фильмы, правильные режиссеры* и т. д. стали употребительны, видимо, как кальки с английского, в котором прилагательное *right* может обозначать соответствие заявленным требованиям, как, например, в англоязычных объявлениях о вакансиях: *There are excellent prospects for rapid career progress in the company for the right candidate/person*. Только теперь правила жизни навязываются глянцевыми изданиями, дающими инструкции, как стать *правильным потребителем*. О жесткой и агрессивной идеологии потребления М. А. Кронгауз пишет: «Через соответствующие слова она проникает в сознание, навязывая, в частности, жесткие правила выбора» [Кронгауз 2019: 63].

Стоит задуматься о том, почему существует такое большое количество англицизмов, являющихся синонимами привычных русских слов, почему языковая ситуация со временем только усугубляется, ведь язык — саморазвивающаяся система, обладающая способностью к очищению. Дело в том, что причины засилья англицизмов лежат в неязыковой плоскости. Прибегнув к некоторому упрощению, получаем, что *киллер* — не просто *убийца*, *спонсор* — не просто *меценат*, *бренд* — не просто *торговая марка*, *менеджер* — не просто *управленец*, *эйчар* — не просто *кадровик*, *супервайзер* — не просто *надзиратель*, *креативность* — не просто *творчество*, *фитнес* — не просто *зарядка* и т. д. Теперь все особенно хорошее должно быть обязательно **нетрадиционным**, включая «нетрадиционную профессиональную ориентацию» (по меткому выражению сатирика М. Задорнова). Надо отметить, что современная модная тенденция противопоставлять все *инновационное* (будто бы молодое, перспективное и прогрессивное) всему *традиционному* (будто бы старому, отжившему, закосневшему) затуманила и сильно снизила исконное значение слова *традиция*

(лат. *traditio* — передача). А ведь оно обозначает исторически сложившиеся, проверенные временем и поэтому передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. д. Цель указанной выше подмены — внедрение новой философии жизни, основанной на **культе потребления** (*consumerism*). Экзотические заимствованные слова были призваны вытеснить привычные, чтобы через новые понятия, соединенные в сознании потребителей с определенными ощущениями, создать образ заманчивого гламурного мира, в котором у каждого человека простая и понятная цель — деньги (*make money*), дающие пропуск в райскую жизнь. Мощная «индустрия» перереформирования общества, запущенная за границей и подхваченная на местах, уже сделала из молодого поколения *грамотных потребителей* и содействовала духовному обнищанию русского народа.

Лавина неоправданных англицизмов наносит удар не только и не столько по самому языку, сколько по речевому, умственному и духовному развитию человека, который живет в таком окружении. Ведь формирование человеческого разума, сознания, интеллекта напрямую связано с языковой средой и ей определяется⁹. Однако языковую среду создают люди — от духовного состояния каждого человека зависит уровень культуры (в том числе речевой¹⁰) в обществе. Как и любая культура, общая речевая культура основана на уважении, в данном случае на уважении к языку (своему и чужому), и проявляется в интуитивном недопущении перенесения норм и законов из одного языка в другой.

Выводы. Укоренение в наши дни *русинглиши* как средства общения в государственно-образующих сферах общественной жизни (а не только в профессиональном жаргоне и молодежном сленге) выдвигает на передний план задачу сбережения, охраны и защиты русского литературного языка (вопросы «языковой экологии» поднимаются уже

⁹ Кравченко А. В. Бытие человека и экология языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X международной научно-практической конференции. 14–18 июня 2005. Иркутск, 2005. С. 59–63 (Кравченко-2005).

¹⁰ Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 330 с.

давно¹¹). Требуется совместные усилия государства (продуманная языковая политика) и общества (просветительская деятельность и ответственность переводчиков, журналистов, писателей, педагогов, ученых, чиновников), направленные на сохранение эмотивного и культурного кода российской нации, возрождение русской ментальности (мышлению в формах языка). Необходимо активно транслировать традиционные идейные, морально-нравственные и духовные ценности, которые всегда были свойственны уникальной русской культуре и отражались в «великом, могучем, правдивом и свободном» (И. С. Тургенев) русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 512 с.
3. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.

¹¹ См.: Кравченко–2005; Кравченко А. В. Нужна ли России языковая политика? О будущем русского языка и общества // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 658–659; Литвинова Г. М. С чего начинается Родина? О языковой экологии и не только // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2016. № 1. С. 284–294.

4. Паустовский К. Г. Золотая роза. М.: Советский писатель, 1983. 368 с.

5. Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 11: Критика и публицистика. 1918–1934. М.: Воскресенье, 1996. С. 52–53.

6. Тер-Минасова С. Г. Великий и могучий или глобальный? // Наука и жизнь: ежемесячный научно-популярный журнал. 2014. № 9. С. 22–25.

7. Якубинский Л. П. Реформа литературного языка при Петре I // Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 159–162.

REFERENCES

1. Kolesov V. V. Russian mentality in language and text. Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2006. 624 p. (In Russ.)
2. Krongauz M. A. The Russian language on the verge of a nervous breakdown. Moscow: AST: CORPUS, 2019. 512 p. (In Russ.)
3. Krysin L. P. Stages of learning a foreign language word. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1991;2:74–78. (In Russ.)
4. Paustovsky K. G. Golden rose. Moscow: Soviet writer, 1983. 368 p. (In Russ.)
5. Pushkin A. S. Excerpts from letters, thoughts and remarks. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t. T. 11: Kritika i publitsistika. 1918–1934 = Complete works: in 17 vols. Vol. 11: Criticism and journalism. 1918–1934*. Moscow: Sunday, 1996. P. 52–53. (In Russ.)
6. Ter-Minasova S. G. The great and mighty or the global? *Nauka i zhizn' = Science and Life*. 2014;9:22–25. (In Russ.)
7. Yakubinsky L. P. Reform of the literary language during the reign of Peter the Great. *Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie = Selected works. Language and its functioning*. Moscow: Science, 1986. P. 159–162. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Сергеевна Ильченко, доктор филологических наук, доцент

Olga S. Ilchenko, Doctor of Science (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-99-101>

Рецензия на монографию: Харченко В. К. Богатство цвета в русском языке. М.: ИНФРА-М, 2023. 233 с.

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет, г. Тула, Россия, kafrus@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Для цитирования: Романов Д. А. Рецензия на монографию: Харченко В. К. Богатство цвета в русском языке. М.: ИНФРА-М, 2023. 233 с. // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 99–101. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-99-101>.

REVIEW

Review of the monograph: Kharchenko V. K. Richness of colour in the Russian language. Moscow: INFRA-M, 2023. 233 p.

Dmitry A. Romanov

Tula State Pedagogical University, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

For citation: Romanov D. A. Review of the monograph: Kharchenko V. K. Richness of colour in the Russian language. Moscow: INFRA-M, 2023. 233 p. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(3):99–101. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-99-101>.

Цветобозначение — одна из самых разработанных в лингвистической науке тем. Различные ракурсы возникновения и функционирования языковых репрезентаций цвета представлены в книгах, диссертациях, обширных статьях, методических пособиях по лексикологии и лексикографии. Уже в середине 1970-х гг. О. Б. Ермаковой была начата разработка проблем, связанных с концептуализацией цвета в русском языке. Почти одновременно цветобозначение стало рассматриваться в психолингвистическом ракурсе (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина, Ю. А. Сорокин). Семантика цвета, история и этимология слов-колоративов, когнитивные аспекты цветопредставления в различных лингвокультурах, система цветowych универсалий — все это так или иначе освещено в трудах по языкознанию. Отдельный аспект составляет роль цвета и света в художественном произведении и идиостиле отдельных авторов.

И несмотря на все сказанное, новая книга В. К. Харченко позволяет сделать значительный шаг вперед в изучении цветового богатства русского языка.

Большим достоинством монографии является то, что она опирается на огромный эмпирический материал, отраженный в ранее изданном В. К. Харченко «Словаре цвета» (Белгород: НИУ «БелГУ», 2021) объемом 41 п. л., включающем 6,5 тыс. слов в 12,5 тыс. контекстов. Разумеется, такой материал дает беспрецедентное по масштабам поле для обобщений. Кроме того, автор широко использует возможности Национального корпуса русского языка, особенно применительно к синтагматике колоративных единиц, и рассматривает их во всех возможных типах контекстов.

Рецензируемая монография учитывает достижения отечественной и зарубежной лингвистической колористики. Заслугой автора является то, что в книге

используются ценные и не слишком широко известные наблюдения в области цветовых прототипов (Э. Рош), категоризации цвета (А. Вежицкая), объема и проблем наполнения системы цветовых универсалий (Б. Берлин, П. Кей).

Работа В. К. Харченко во многом является новаторской, потому что главной своей задачей ставит не рассмотрение номенклатуры русских цветообозначений (с одной или нескольких сторон), а их функциональную характеристику — временную, территориальную, социальную, стилистическую, конкретно-смысловую и проч. При подобном подходе в разных случаях акцентируются различные — чрезвычайно богатые — возможности русского языка в воплощении цветовой гаммы окружающего мира. Автор уделяет внимание и собственно колоративам, т. е. цветовой лексике, и сложным цветообозначениям, представленным синтаксическими единицами, и морфологическим характеристикам цветового поля, и, конечно, творческим вопросам языкового обозначения цвета (при так называемой игровой цветописии, при цветовой метафоризации, в пространстве художественного текста и т. п.).

Глава «В поисках прототипов» посвящена вопросам языковой устойчивости цветообозначений и включает достаточно широкий материал, в том числе регулярно воспроизводимые цветовые сравнения вроде *белый как снег* (или *как мел*) или *красный как рак* (или *мак*). Вслед за А. М. Панченко, выдвинувшим в свое время идею «абсолютной эстетической значимости цвета», В. К. Харченко исследует частотные и устоявшиеся цветообозначения, трактуя их как прототипические и относя к сфере «предфразеологии». Выстраивание двухкомпонентных и трехкомпонентных обозначений цвета в русском языке, по мнению В. К. Харченко, во многом определяется этой прототипичностью: сочетание корней в составе сложного цветообозначения, очевидно, предопределяется регулярной воспроизводимостью комбинаций тех или иных колоративов в языке. Нужно отметить, что В. К. Харченко принадлежит приоритет детального и глубокого исследования сложных цветообозначений различных типов (с деривационной и семантической сторон).

Большое место в монографии занимает прочерчивание цветописных проекций, в том числе дискурсивных. Автор рассматривает характерные особенности употребления цветовых обозначений в сфере искусства, в науке, в промышленном производстве, в медицине. Познательно и интересно написан параграф, посвященный обозначению цвета в иконописи. В. К. Харченко дает хорошо обдуманые и емкие экскурсы в функциональную историю таких цветообозначений, как *желть*, *рефть*, *санкирь* и др. В сферу авторского внимания входят и глагольные формы иконописной цветописии, например *прожемчужить*.

В лингвистическом плане весьма ценны авторские наблюдения и обобщения, посвященные цветопредставлению в различных говорах русского языка. Используя обширный материал своего словаря, опирающегося на богатую лексикографическую традицию российских областных словарей, В. К. Харченко рассматривает наиболее представительные по составу колоративные группы русских диалектов: *красный*, отражающий оттенки и характер насыщенности этого цвета (от северно-русского *рудой* до донского *жаровый*); *желтый*, иллюстрирующий архетипическую связь цветообозначений с трудовой деятельностью человека: в тех же донских говорах — *гардальный*, передающий особый, темно-матовый оттенок желтого (от *гардала* — ‘горчица’).

Национальный корпус русского языка и собственные эмпирические наблюдения дают В. К. Харченко возможность рассмотреть цветовую синтагматику, которая показывает подлинное богатство русских цветопредставлений. В частности, по наблюдению автора, так называемые «простые» (однокорневые) колоративы, сочетающиеся с существительным *туман*, образуют группу из 21 наименования, а «сложные» (двукорневые) цветообозначения с тем же существительным фиксируют 71 цветовой оттенок. По мнению В. К. Харченко, именно синтагматика дает в языке начало новым цветообозначениям, оформляемым затем с помощью различных деривационных средств в самостоятельные слова.

Отдельную страницу в исследовании занимают колоративы-архаизмы, показывающие динамичность данного лексического

пласта в русском языке. Материал, которым аналитически оперирует автор, содержит и древнерусские колоративы (например, *бронный*), и недолго жившие в отечественном языке заимствования конкретного периода (например, *лава́льер*), и старорусские цветообозначения славянских пограничных территорий (вроде *ярь* или *бакан*).

Предметом рассмотрения автора становятся типичные для колоративов способы словообразования: не только сложный, о котором упоминалось выше, но и суффиксальный, например с дериваторами *-оват/-еват-*, показывающими, по определению морфемного словаря, «легкость и меньшую интенсивность» цвета. Отдельный параграф монографии посвящен многочисленным по составу и семантике деминутивам цветовой семантики.

В. К. Харченко рассматривает эмоционально окрашенные цветообозначения, типологизируя их по характеру восприятия (перцепции), объединению различных семантических групп корней в сложных словах, характеру передаваемых эмоций и проч. В разделе книги «Игровая цветопись» автор рассматривает метафорические цветообозначения, отражающие ментальные представления о цвете, а также о тех сферах жизни, в которых тот или иной цвет встречается наиболее часто. Здесь преобладает преимущественно цветообозначения в форме словосочетаний вроде *цвет наваринского пламени с дымом, последний вздох жако, кардинал на соломе, дети Эдуарда* и т. п.

Полно и разносторонне представлены в монографии колоративы-заимствования, многие из которых сопрягаются с определенным этапом в развитии отечественного языка и культуры. Автор представляет панораму цветообозначений XVIII в., когда заимствования почти в равной мере шли из английского, немецкого, французского и голландского языков; XIX в., когда заимствования были преимущественно галльскими, и современный англоязычный

период бытования иноземных колоративов. Многие из них широко отражены в литературе и публицистике своего периода: например, прилагательное *пюсовый* часто встречается в текстах второй половины XIX в., а прилагательное *блукитный*, вошедшее в употребление после распада Советского Союза, распространено в современных интернет-публикациях.

Интересными и познавательными в лингвистическом и лингвокультурном плане выглядят в книге параграфы, посвященные цветовым характеристикам различных объектов. В. К. Харченко рассматривает цветообозначения в мире животных и растений, цвет камней, цвет ткани, одежды, предметов человеческого быта. Отдельный параграф составляет так называемый детский дискурс, и здесь В. К. Харченко, будучи известным специалистом в онтолингвистике, вскрывает характерные и хорошо видимые в онтогенезе механизмы семантических и словообразовательных процессов в сфере колоративов.

В заключение следует сказать, что монография В. К. Харченко написана в лучших традициях отечественной лингвистики. Объясняется это не только тем, что исследование прекрасно иллюстрировано и каждый пример получает в нем исчерпывающее, полноценное объяснение, но и тем, что проделанная научная работа способна по-настоящему помочь заинтересованным лингвистам в постижении семантических, исторических и стилистических преобразований исследуемого объекта, может вызвать интерес у непрофессионального читателя, имеющего склонность к языковым наблюдениям. Книга не перегружена специальной терминологией и выдержана в духе классических исследований по лексикологии и семасиологии. Она, безусловно, будет полезна для учителей, так как многие ее функциональные экскурсы представляют собой готовый дидактический материал для урочной и внеклассной работы по русскому языку в школе.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор

Dmitry A. Romanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; принята к публикации 12.03.2023.

The article was submitted 20.12.2022; accepted for publication 12.03.2023.

ХРОНИКА CHRONICLE

Ученый. Учитель. Человек
(к 100-летию со дня рождения О. Б. Сиротининой)
Scientist. Teacher. Person
(to mark the centenary of O. B. Sirotinina's birth)

В процессе размышлений над последовательностью номинаций в названии этой заметки, отражающих ипостаси личности юбиляра, вдруг обнаружилось, что они, эти номинации, по отношению к Ольге Борисовне являются синонимами. И вот почему. Ученый — это тот, кто способен открыть в окружающем нас мире самые важные закономерности, Учитель — это тот, за кем пойдут другие, потому что только он способен прояснить жизненный путь, наше предназначение на Земле, а Человек (именно так, с большой буквы!) — это средоточие «разумного, доброго, вечного», Человек является единственным гарантом сохранения на Земле самой жизни.

Возможно, нет необходимости пытаться давать оценку научной и — шире — просветительской деятельности О. Б. Сиротининой: уже факты биографии будут говорить сами за себя. Ольга Борисовна Сиротинина — доктор филологических наук, заслуженный профессор Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, в котором проработала всю свою жизнь (а это уже сейчас 76 лет!). О. Б. Сиротинина 20 лет занимала должность заведующей этой кафедрой, а потом директора Института русского языка, литературы и журналистики при СГУ им. Н. Г. Чернышевского, была заместителем председателя Головного совета «Филология» Министерства образования РФ, членом Совета по русскому языку при Президенте России. О. Б. Сиротинина — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ.

Она награждена медалью А. С. Пушкина Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), медалью «За доблестный труд», орденом Дружбы и другими наградами.

В научном мире О. Б. Сиротинину хорошо знают как основателя и руководителя Саратовской лингвистической школы изучения реального функционирования русского языка, ее

перу на сегодняшний день принадлежит более 600 научных работ (не считая многочисленных переизданий). О. Б. Сиротинина — научный руководитель и консультант 16 докторов и 58 кандидатов филологических наук. Она продолжает работать на кафедре, которая сейчас именуется кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, обучает магистрантов основам научной коммуникации.

Логика научных изысканий О. Б. Сиротининой — от изучения диалектной, разговорной речи, исследования реального функционирования языка в разных сферах общения (в первую очередь — научной и СМИ) к проблемам культуры речи, типов речевой культуры, исследованию современного состояния речи в аспекте ее влияния на сам язык. Всегда важным для ученого был вопрос популяризации своих научных достижений в среде учителей: книга «Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: пособие для учителя» (М.: Просвещение, 1996) переиздается до сих пор.

Однако не только о высоких научных достижениях хотелось бы сказать в канун юбилея этого удивительного и уникального

человека. Думается, на ее воспоминаниях о пройденном долгом, трудном, но счастливым жизненным пути можно воспитывать молодое поколение и, читая их, обогатить себя по-настоящему драгоценным жизненным опытом. Недавно в свет вышло второе издание книги воспоминаний О. Б. Сиротининой «Жизнь вопреки, или я счастливый человек» (Саратов, 2022), название которой — квинтэссенция вложенного в нее содержания. Позволим себе привести из нее некоторые строки: «Человек сам хозяин своей судьбы»; «Надо учить думать, а дальше человек должен сам научиться понимать, откуда он может получать знания»; «Сделала доклад, и А. Н. Гвоздев меня спрашивает: “А нельзя все-таки как-нибудь сделать, чтобы я был прав, а не вы?”». Отвечаю: “Нет, никак нельзя”»; «Компьютер развивает преимущественно навыки реагирования. Только реактивные ответы: лайк, краткий комментарий. А книги... Они обучают искусству думать, анализировать, созерцать»; «Я ощущаю себя счастливым человеком. Почему? Во-первых и прежде всего потому, что ощущаю свою нужность науке, которую люблю

и которой предана всей душой. Потому что ощущаю нужность людям, окружающим меня и по работе, и по дружеским связям»...

На первое издание книги воспоминаний ученого пришло много сердечных откликов, которые мы опубликовали во 2-м издании. Позволим себе присоединиться к одному из них, его автор — Л. П. Крысин, профессор, заведующий отделом современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН: «Дорогая Ольга Борисовна! Не только Ваши воспоминания, но и Вы сами — как лингвист, как вдохновенный защитник чистоты и правильности русского языка, как уникальный организатор целой Саратовской школы, как доброжелательный, открытый, полный оптимизма человек — близки нам, Вашим московским коллегам, во многом учившимся у Вас и жизни, и лингвистике. Будьте здоровы! И просто — будьте!»

Кафедра русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Редакция и редколлегия журнала
«Русский язык в школе»

**Андрей Георгиевич Нарушевич
Andrey Georgievich Narushevich
(1971–2023)**

11 марта 2023 года в Таганроге скоропостижно скончался Андрей Георгиевич Нарушевич — талантливый филолог, преподаватель, автор учебных пособий, кандидат филологических наук, доцент.

Андрей Георгиевич родился 17 декабря 1971 года в городе Харцызске Донецкой области. В 1993 г. с отличием окончил факультет русского языка и литературы Таганрогского государственного педагогического института. В 1996 г. защитил диссертацию по теме «Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля» под руководством профессора Л. Д. Чесноковой. В 2000–2011 гг. А. Г. Нарушевич — доцент кафедры лингвистического образования Таганрогского государственного радиотехнического университета (впоследствии — Таганрогского технологического института Южного федерального университета). В мае 2011 г. ученый был избран заведующим кафедрой русского языка и литературы Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РЭГУ (РИНХ), руководителем которой оставался до последнего дня. По его инициативе состоялись и стали традиционными Молодежные чеховские чтения в Таганроге и Съезд преподавателей русского языка и литературы Южного Федерального округа.

В этот же период А. Г. Нарушевич работал учителем русского языка и литературы в МАОУ лицее № 4 (ТМОЛ) г. Таганрога. Многие из его учеников-лицеистов благодаря примеру наставника выбрали профессию учителя-словесника.

Имя Андрея Георгиевича Нарушевича известно многим школьникам. Изучая русский язык по учебнику русского языка под редакцией Л. М. Рыбченковой, где А. Г. Нарушевич был одним из авторов, выполняя интереснейшие творческие проектные задания по русскому языку из книги «Проекты? Проекты... Проекты!», учащиеся проникаются любовью к русскому

языку и отечественной культуре. Пособия А. Г. Нарушевича помогают выпускникам успешно написать итоговое сочинение и изложение.

Когда в школах России было введено преподавание русского родного языка, Андрей Георгиевич стал одним из разработчиков программы по этому предмету и вошел в авторский коллектив, работавший над УМК по русскому

родному языку.

При таком ритме жизни он находил время публиковать статьи в журналах и посты в сообществах педагогов, проводить востребованные учителями всей страны научно-методические семинары и вебинары по русскому языку и родному русскому языку на учебных платформах издательств «Просвещение» и «Легион», разрабатывать и вести курсы повышения квалификации для учителей русского языка и литературы и экспертов ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку.

Трудно сказать, в какой город не приезжал А. Г. Нарушевич. Встречи с ним всегда помогали педагогам в преподавании русского языка в школе. Все, кто общался с Андреем Георгиевичем, помнят, как мастерски он мог преподнести любой трудный случай, в считанные минуты сделать его простым и понятным, как ярко и интересно объяснял тему, иллюстрируя рассказ примерами из собственного опыта. Каждая его фраза сопровождалась улыбкой и произносилась выразительно, ярко, интонационно точно. Добрый и отзывчивый, Андрей Георгиевич Нарушевич находил для каждого слова поддержки. Никто не чувствовал себя обделенным его вниманием: общение окрыляло, давало силы жить и работать дальше.

Светлая память об Андрее Георгиевиче Нарушевиче навсегда сохранится в сердцах его учеников, коллег и читателей.

Кафедра филологического образования ГБОУ «Институт развития образования Краснодарского края»

Кладбище под Парижем

Малая церковка. Свечи оплывшие.
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие. Бывшие.
Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
Здесь похоронены сны и молитвы.
Слезы и доблесть. «Прощай!» и «Ура!».
Штабс-капитаны и гардемарины.
Хваты полковники и юнкера.
Белая гвардия, белая стая.
Белое воинство, белая кость...
Влажные плиты травой порастают.
Русские буквы. Французский погост...
Я прикасаюсь ладонью к истории.
Я прохожу по Гражданской войне.
Как же хотелось им в Первопрестольную
Въехать однажды на белом коне!..
Не было славы. Не стало и Родины.
Сердца не стало. А память – была.
Ваши сиятельства, их благородия –
Вместе на Сент-Женевьев-де-Буа.
Плотно лежат они, вдоволь познавши
Муки свои и дороги свои.
Всё-таки – русские. Вроде бы – наши.
Только не наши скорей, а ничьи...
Как они после – забытые, бывшие, –
Всё проклиная и нынче, и впредь,
Рвались взглянуть на нее – победившую,
Пусть непонятную, пусть непростившую,
Землю родимую, и умереть...
Полдень. Березовый отсвет покоя.
В небе российские купола.
И облака, будто белые кони,
Мчатся над Сент-Женевьев-де-Буа.

(К статье О. Е. Вороничева, А. О. Вороничевой)